Н. ВОЛКОВ

СЕКТА СКОПЦОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Н. М. МАТОРИНА

ИЗДАНИЕ
ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ

ПРИБОЙ — ЛЕНИНГРАД
1931

Ответственный редактор *Н. Ходза.*

Технич. редактор *М. Бронин.*

Огиз—636/Л. Б-5.

Ленинградский Областлит № 10709. Тираж 20.000 – 10½ л. Заказ № 392

Гос. типография им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История русского сектантства марксистской историографией почти не разработана. Основные вехи намечены в очерках Н. М. Никольского и М. Н. Покровского, а затем мы имеем многолетний перерыв. После 1917 г. появляются очерк А. Лукачевского, затем известные работы Путинцева, Ярцева и др., касающиеся, главным образом, современного сектантства. К сожалению, в этом перечне нельзя упомянуть в качестве марксистских работы старого исследователя сектанства, В. Д. Бонч-Бруевича, так как при всем его знакомстве с материалами исходная точка зрения автора неверна и даже вредна. Рассматривая дореволюционное сектантство и справедливо защищая его от царского суда и администрации, В. Д. Бонч-Бруевич не вскрывал, однако, классовых основ различных сектантских организаций, а впоследствии этот не критический, не марксистский, а по существу либерально-народнический метод продолжал применять и в советский период. Так, его книжка «Из мира сектантов» (Гиз, 1922 г.), представляющая собою переиздание старых статей, лишена как предисловия, так и каких бы то ни было пояснений, освещающих изменение пореволюционной обстановки, вследствие чего его оценка многих сторон в деятельности сектантов в корне неправильна. Несомненно, что книжка в целом носит антипоповский и антимонархический характер, — но и только. Пролетариата, борющегося за социализм и строящего его, в книге нет. А как раз необходимо было именно такого

рода предисловие. Крайне желательно, чтобы в дальнейшем В. Д. Бонч-Бруевич, осветив с марксистской точки зрения весь богатый материал по истории сектантства, которым он располагает, помог союзу воинствующих безбожников и всей советской общественности разоблачить внутреннюю природу русского сектантства так, как этого требуют задачи момента. Мы еще плохо знаем историю различных сект, еще недостаточно глубоко изучили их работу. Но элементы нового, более продуманного подхода к вопросу уже имеются, потому что к этому толкают нас сама действительность и прежде всего актуальные запросы антирелигиозной пропаганды, которая нуждается в серьезном научном фундаменте. Контрреволюционная работа современных сектантов, порою прикрытая приспособленческими формами, их вредительская роль в период реконструкции нашего хозяйства и культурной революции, чему ежедневно мы видим десятки примеров во всех концах СССР, подчеркивают необходимость усиления антисектантской работы в массах. Отсюда ясно, как необходимо вооружить нашего безбожника-активиста проверенным и доброкачественным материалом. Здесь совпадают две задачи — теоретического марксистского изучения и практической борьбы на антирелигиозном фронте.

Работа тов. Н. Волкова, студента-этнографа, партийца, родом костромского крестьянина, посвящена секте скопцов. Мысль о такой книге зародилась после первого скопческого процесса в Ленинграде и получила свое осуществление в результате упорного труда. Нужно было критически пересмотреть не только старую литературу вопроса, которая в большинстве случаев принадлежит перу попов и царских чиновников, но также дела б. синодального архива, старые комплекты епархиальных ведомостей и т. д. Не довольствуясь этим, автор как этнограф посетил несколько раз скопические деревни в Ленинградском округе, завязал обширные связи в скопческом мире, добыл много новых ценных материалов, фотогра-

фий и письменных документов. Все это дает право сказать, что работа тов. Волкова выполнена добросовестно и достаточно полно. Что касается методологической стороны, то автор здесь старался итти по пути, указанному в трудах Н. М. Никольского и М. Н. Покровского. Нам кажется, что для наиболее трудного и сложного вопроса—о социально-экономических корнях русского скопчества—он нашел верное решение, связав рост секты в конце XVIII в. с особыми сдвигами в идеологии крестьянства и купечества, вызванными социально-экономическими отношениями эпохи.

Имеет ли практический интерес изучение скопчества для данного времени?

К сожалению, мы слишком рано скинули эту секту со счетов, слишком рано похоронили ее на полках библиотек и архивов. Скопцы жили и действовали во многих местах, оскопляя людей и после революции, втягивали в секту крестьянскую молодежь, городских работниц и т. д. Два процесса в Ленинграде, разоблачение черкизовских скопцов-хозяйчиков в Москве, процесс в Саратове, — все эти факты на протяжении одного года способны навести на размышление. Не нужно преувеличений: численно секта скопцов невелика — во всем СССР активных членов секты наберется какая-нибудь тысяча. Но идеология этой кулацко-купеческой организации, доводящая до крайности требования христианского аскетизма, представляет чрезвычайно благодарный материал для критики христианства. Вот почему на примере данной секты, как наиболее уродливого разветвления христианства, можно легче и полнее всего разоблачить природу последнего как врага социалистического общества и пролетарского, материалистического мировоззрения.

Вслед за работой тов. Волкова в той же серии намечено к выпуску еще несколько работ товарищей из антисектантского отдела Ленинградского областного совета союза воинствующих безбожников: о чуриковцах, адвентистах, духоборах и т. д. Приступлено к разработке

б. синодального архива, что даст возможность издать новые материалы об иоаннитах, сектах Северо-западной области и др.

Думается, что марксистское изучение истории сектантства — нужное для нашего времени дело, могущее создать твердый базис для активной антирелигиозной пропаганды.

Н. Маторин.

Ленинград. 28 декабря 1929 г.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая работа является попыткой дать краткий очерк истории и современного состояния секты скопцов.

К сожалению, обстоятельства не дали возможности обработать собранный материал с достаточной тщательностью. Обнаружение в различных районах СССР изуверской и контрреволюционной скопческой деятельности явилось основной причиной выхода, может быть несколько преждевременного, моей книги.

Все же считаю, что этот труд явится некоторым пособием для товарищей-безбожников в их борьбе с религиозными пережитками. Все замечания, касающиеся вероятных в настоящей работе шероховатостей, прошу сообщить мне через издательство.

Пользуясь случаем принести глубокую благодарность доценту ЛГУ, тов. Н. М. Маторину, по предложению которого было предпринято мною это исследование. Его помощь как личным руководством, так и указанием литературы в значительной мере облегчила мне выполнение поставленной задачи по изучению скопчества.

Ленинград. Сентябрь 1929 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СКОПЧЕСТВО В ДРЕВНОСТИ

Ключ к пониманию скопчества как религиозного явления скрыт в веках глубокой древности.

Мы не можем указать с достоверностью, в какой стране и в какую эпоху впервые возникло скопчество, однако нет ни малейшего сомнения в том, что оно появилось за много сотен лет до возникновения христианства в земледельческих культах Востока. Некоторые исследователи родиной скопчества считают Сирию, из которой впоследствии элементы кровавых культов перекинулись в Грецию и Рим. Наибольшего развития дохристианское скопчество достигло в фригийском культе матери богов — Кибелы. Культ Кибелы из Фригии перешел в Рим и в III в., при императоре Клавдии, был признан одной из государственных религий Рима. Ежегодные празднества по поводу смерти и чудесного воскресения Атиса, возлюбленного Кибелы, бога плодоносящей природы, сопровождались жертвоприношениями, главную роль в которых играло самооскопление с пролитием крови.

Влюбленный в Кибелу Атис,—гласит миф,—в припадке страсти к богине оскопляет себя под деревом и умирает от потери крови. Люди, посвятившие себя служению богине Кибеле, обязаны были оскопляться подобно Атису, принесшему в жертву богине свои половые органы и свою кровь. Разумеется, сказание о трагической смерти Атиса не могло явиться причиной самооскопления служителей богини. Надо полагать, что миф о самооскоплении Атиса появился

лишь после того, как скопчество возникло в культе. Миф не создает культа. Он лишь в измененном виде отображает действительные отношения людей.

При помощи оракулов жрецы Кибелы, называвшиеся галлами, или корибантами (т. е. головотрясами), устанавливали время, когда богине требовались жертвы, и тогда назначали празднество, продолжавшееся иногда по несколько дней.

Срубив в лесу сосну, ее, как покойника, обертывали холстом, украшали венками из фиалок и торжественно несли в город. При этом дули в трубы, били в барабаны и вообще производили всяческий шум. Наконец, наступала самая важная часть празднества, так называемый «день крови». Архигалл, или первосвященник, делал надрез на своей руке и приносил свою кровь в жертву божеству. Другие жрецы, «возбужденные музыкой, барабанным боем, пронзительным плачем флейт, громом кимвалов, кружились в дикой пляске, тряся взлохмаченными головами, и в конце концов, доведя себя до исступления, до полной нечувствительности к боли, кололи себя кинжалами и ножами, так что кровь из их ран окропляла жертвенник и священное дерево» (в данном случае дерево как бы символизировало труп Атиса).

Д. Фрезер полагает, что в этот же день новопосвященные служители богини оскопляли себя и бросали свои детородные органы на ее алтарь. «Можно с определенностью сказать, — читаем у Фрезера, — что еще до конца Республики римляне знали галлов — кастрированных жрецов Атиса. Люди эти, лишенные пола, в своих восточных одеждах, с изображением богини на груди, были хорошо знакомым зрелищем на улицах Рима. Они процессией ходили по Риму, неся статую богини и распевая свои гимны под аккомпанемент кимвалов, тамбуринов и флейт; народ, пораженный фантастическим зрелищем, возбужденный своеобразной музыкой, приносил им обильные дары и засыпал дождем роз статую богини и тех, кто ее нес».

Весьма важным обстоятельством, которое следует иметь

в виду, является то, что в жертву кровожадной богине приносились половые органы не только людей, но и животных.

Тавроболии, т. е. жертвоприношения скота, достигали порою грандиозных размеров. Желающий очиститься от грехов спускался в яму, прикрытую досками со множеством просверленных в них отверстий. На досках закалывали жертвенное животное, и кровь, стекающая в яму, окропляла стоявшего в ней человека. После этого получивший кровавое крещение считался очистившимся от грехов и «возрожденным для вечности». Праздник продолжался и после заклания жертв. Собирали детородные органы приносимых в жертву быков и с помпой переносили их в другое место. [1] Кроме Кибелы, к числу богинь, которым служили жрецы-скопцы, относятся Артемида Эфесская и верховная богиня Астарта Сирийская.

Годовой праздник в Иераполисе, посвященный Астарте, происходил также при громадном стечении народа, обставлялся с неменьшей торжественностью и сопровождался столь же многочисленными жертвами. Возбужденные музыкой и видом крови, проливаемой жрецами-кастратами на алтарь богини, многие из присутствующих сбрасывали с себя одежду и лежащими наготове мечами публично себя оскопляли. Свои окровавленные детородные органы они бросали на алтарь богини, но затем снова завладевали ими и, рассыпавшись по городу, кидали их под ноги встречным женщинам или же забрасывали в какое-либо жилище. Тот, кому на долю выпадала честь получить столь ценный подарок, обязан был принести в дар скопцу женские украшения и одеяние, в которое отныне должен был облекаться жених, отдавший божественной невесте свой пол.

Наконец, следует отметить, что, по воззрениям древних, скопчество приписывалось и богам. Так, например, богиня Веста, жена верховного бога Урана, подговорила своего младшего сына оскопить отца, что тот и выполнил полу-

---

[1] Буассье Гастон, Религия римлян от времен Августа до Антонинов, Москва, 1914 г., изд. Николаева, стр. 144—145.

ченным от матери серпом. Богиня Изида до тех пор не могла оживить Озириса и вернуть ему его плодотворящих способностей, — а вместе с тем и оплодотворить землю, — пока не разыскала его пропавшего детородного органа.

Общие законы симпатической магии, установленные Фрезером в результате изучения прошлых и современных нам религиозных воззрений разных народов, проливают яркий свет и на явление скопчества. Симпатическая магия — это грубое колдовство невежественного человека; незнакомый с естественными законами природы, он верит, будто можно вызвать любое явление ее, производя аналогичное действие, или, наоборот, стремится предупредить опасное для него явление, воздержавшись от действий, напоминающих последнее. Поясним примером: крымский рыбак, выезжая в море, просит вас не свистеть в лодке. Он верит, что ваш свист вызовет сильный, со «свистом», ветер, шторм, угрожающий жизни: подобное вызывает подобное. Наоборот, рыбаки на побережьи Белого моря свистят, желая вызвать ветер, который бы натянул парус. В первом случае, когда на свист в лодке устанавливается запрет — «табу», мы имеем дело с отрицательной магией, во втором случае — с положительной.

Многочисленные примеры, собранные Фрезером, показывают, какое огромное значение придает человек, стоящий на первобытной стадии культуры, половым отношениям, и как часто налагает он временное «табу» на половое сожительство из страха вызвать явления природы, опасные для него. Поняв оплодотворяющее значение полового акта, люди, исходя из ложного понятия о сродстве явлений, начинают широко применять воображаемые законы симпатической магии.

В странах древнего Востока было широко развито земледелие. Весной, в ожидании всхода посеянных злаков, некоторые племена, согласно своим суеверным воззрениям, устанавливали временный запрет на половые сношения, чтобы не расходовались плодотворящие силы и не обессиливалась таким образом земля.

По мере развития идеи божества, оплодотворяющего землю, устанавливается и характер приносимых ему жертв. Независимо от культа, нации и эпохи отношения между человеком и божеством неизбежно имеют одну общую всем народам основу, заключающуюся в понятии обмена. Этой основой является жертва, или плата, за сверхъестественные силы, изливаемые божеством на благо людям.

В зависимости от окружающих человека условий и стадии культурного развития формы жертвоприношения могут измениться, основа же остается всегда одна и та же.

Создавая божество по образу и подобию своему, человек наделяет его и теми качествами, которые ему, человеку, присущи. Если благополучие древнего Востока было основано, главным образом, на земледелии (в период возникновения сложного культа плодоносящей природы), само собою разумеется, что наибольшим поклонением пользовались те боги, которым приписывалась функция оплодотворения земли. В связи с этим «табу» на половые сношения принимает вид жертвы, помощи божеству в укреплении его плодотворящих сил.

Любимой жертвой богов плодородия становится то, что сторицей возвращается ими людям. А так как мужской детородный член является необходимым органом размножения человеческого общества, то он и оказывается наиугоднейшей жертвой для божества. Кровь, как необходимый элемент жизни, и фалл, как оплодотворяющее начало,—вот две основных жертвы, так часто встречающиеся на алтарях богов древнего Востока.

С этой точки зрения нам будут понятны и тот почет, которыми были окружены жрецы-кастраты, и то огромное влияние, которым они пользовались у древних народов.

Элементы кровавых языческих культов впоследствии неотъемлемой частью вошли в христианство, которое и довело скопчество до наших дней. Обрезая детородные органы, современный скопец-христианин повторяет древне-языческий обряд корибантов, хотя вкладывает в него иное содержание. Представление о магическом значении обряда

с веками исчезло из сознания верующих, самый же обряд и вера в его высокую религиозную значимость остались.

Современный скопец не только не считает оскопление угодой божеству, жертвой, а наоборот, принимает детородные органы как величайшее зло, откуда и названия их: «ключи ада», «лютый змей» и т. п. Однако это ни в какой мере не должно вводить нас в заблуждение — таково лишь современное понимание древнего обряда.

То, что когда-то приносилось божеству в жертву как самое дорогое и священное, то, что являлось «табу» для человека, посвятившего свою жизнь богу, — впоследствии, благодаря этому же «табу», превратилось в «запретное», «проклятое». «Проклятый» и «священный» — понятия, не так далеко отстоящие друг от друга, как это может показаться. По-латыни и по-французски оба понятия выражаются одним и тем же словом: латинское sacer (сацер) и французское sacré (сакре) — означают одновременно как «священный», так и «проклятый». [1]

Здесь налицо одно из тех диалектических противоречий в развитии религиозных верований, в которых отражается противоречивость самой действительности, в первую очередь — развития экономики и всего социального строя.

---

[1] Покровский М. Н., Очерк истории русской литературы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СКОПЧЕСТВО В ХРИСТИАНСТВЕ

Прежние исследователи скопчества, принадлежавшие преимущественно к среде духовенства и чиновничества, искусно обходя факты наличия скопчества как в теории, так и в практике христианства, всячески старались доказать, что христианская религиозная мысль неповинна в возникновении «изуверской скопческой ереси».

Скопчество не изучалось в связи с христианством, как это необходимо, — с ним только боролись. Несмотря на отсутствие сколько-нибудь убедительных данных, скопцов обвиняли (так же как и хлыстов) в людоедстве, разврате, в употреблении крови новорожденных детей.

Все эти обвинения возводились попами и царскими чиновниками против скопцов, равно как и против других враждебных православному культу религиозных организаций, с целью показать, как мало общего с христианством имеют ушедшие в секту изуверы и насколько вредно и пагубно их учение. Отнюдь не ставя себе задачей обелить скопчество, мы, однако, скажем в настоящем очерке только правду о скопцах, которой, кстати сказать, они и сами не отрицают.

Прежде всего вспомним основную христианскую формулу спасения. Эта формула гласит: чем хуже телу, тем лучше душе. Идея физического самоистязания красной нитью проходит через всю историю христианства. А разве скопчество не является пределом физического самоистязания? С этой точки зрения скопцы не только не отщепенцы,

а, наоборот, наиболее ревностные поборники и адепты идей христианства.

Среди христианских форм богоугодничества скопчество по праву должно было бы занимать такое же почетное место, как самоистязание голодом, бичеванием и т. п.

Православная церковь боролась со скопчеством, как с организованной сектой, не потому, что боялась за будущее рода человеческого и считала скопчество явлением безнравственным, а потому, как мы это увидим ниже, что под знаменем скопчества объединились социальные силы, враждебные хранителям господствующего православного культа.

Мы совершенно не видим принципиальной разницы между основателями секты скопцов, «проклятым еретиком» Селивановым, и, например, преподобным иноком Феодосием. Как тот, так и другой подвизались в самоистязании. Селиванов «раскаленным железом отжег детородные своя уды»; о Феодосии же читаем в «Житиях святых» следующее: «Когда летом бывало много оводов и комаров, он садился над пещерой, обнажив тело свое до пояса, и прял шерсть да пел псалмы; множество оводов и комаров покрывали все его тело, ели его и пили его кровь; отец же наш сидел без движения, не вставая с места до утрени».

Преподобный Иринарх, затворник ростовского Борисоглебского монастыря, не довольствуясь умерщвлением плоти путем голодания, «тело свое бил палкой, непрестанно творя молитву», а в иных случаях — и железным кнутовищем. Носил на себе тяжелые вериги, железную цепь более 25 саженей длиной, железную шапку и рубашку из свиного волоса. В заключение приковал себя цепью к сиденью и так, на цепи сидя, дожил остаток дней своих.

Святой Симеон-столпник всю жизнь простоял на столпе, а святой Никита-столпник Переяславльский, прежде чем окончательно укрепиться в своем затворе, разделся донага и залез в болото, невзирая на тучи облепивших его комаров и оводов.

«Жития святых» изобилуют такого рода примерами

самоистязаний, не менее гнусных, чем скопчество, однако христианская церковь не квалифицирует их поступками, «противными богу и естеству человека».

До чего может довести религиозный фанатизм на христианской почве и поощряемое христианством стремление покинуть полную страданий земную жизнь с тем, чтобы заслужить грядущее небесное блаженство, показывает случай, приводимый в книге Максимова «Сибирь и каторга». Некий старец Никита, не желая отстать в религиозной последовательности от древних ревнителей благочестия, подобно Аврааму, приносящему в жертву сына Исаака, решил в жертву богу принести своих детей.

Повидимому, ангел к нему не явился и руки его не отвел. Дети были зарезаны и сожжены вместе с домом. Будучи сослан в Сибирь и обуреваемый желанием совершить еще больший религиозный подвиг, Никита вкопал в землю деревянный крест и сам себя распял на нем, прибив железными гвоздями ноги и руку. Свой поступок он объяснил тем, что «Христос страдал — и нам велел».

Итак, является ли скопчество изуверской сектой? Безусловно да, — однако не в большей мере, чем ряд других форм богоугодничества, характерных для «высоконравственного учения», именуемого христианством.

Скопчество — венец христианской морали, логическое завершение евангельских путей к достижению небесного блаженства.

Приводимые ниже евангельские и библейские тексты являются для скопцов отправным пунктом религиозного обоснования скопчества. Исходя из этих текстов, скопцы доказывают необходимость оскопления для последовательного христианина и искусно пользуются ими как в устных спорах с противниками скопчества, так и в своих агитационных писаниях. Не рискуя чрезмерно загружать книгу, приводим лишь наиболее характерные из евангельских аллегорий, по-своему истолковываемых скопцами.

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; и если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя Ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело было ввержено в геенну (Евангелие от Матфея, гл. V, ст. 28, 29, 30).

Блаженны неплодные и утробы не родившие и сосцы не питавшие (Евангелие от Луки, гл. XXIII, ст. 29).

Итак, умертвите земные члены ваши: нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение (Послание к колоссянам, гл. III, ст. 5).

Если должен я хвалиться, то буду хвалиться немощью моей (2-е послание к коринфянам, гл. XI, ст. 30).

Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви отчей. Ибо все, что в мире, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, — не от отца, но от мира сего (Евангелие от Иоанна, 1-е послание, гл. II, ст. 14).

И взглянул я, и вот агнец стоит на горе Сионе и с ним 144 тысячи, у которых имя отца его написано на челах. Это те, которые не осквернялись с женами, ибо они девственники (Откровение Иоанна, гл. XIV, ст. 1, 4).

Как закон, ослабленный плотью, был бессилен, то бог послал сына своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти. Помышления плотские суть смерть. Помышления духовные — жизнь и мир. Потому что плотские помышления суть вражда против бога. Посему живущие во плоти богу угодить не могут (Послание к римлянам, гл. VIII, ст. 3, 8).

И слышал я число запечатленных: запечатленных было 144 тысячи из всех колен Израилевых (Откровение Иоанна, гл. VII, ст. 4).

Да не глаголют: каженик (скопец), яко аз есмь древо сухо. Сия глаголет господь каженикам: елицы сохранят субботы моя и изберут, яже аз хощу, и содержат завет мой, дам им в дому моем и в ограде моей место именито, лучщее от сынов и дщерей; имя вечно дам им и не оскудеет (Исайя, гл. VI, ст. 3—5).

Евнух иже не содела в руку своею беззакония, ниже помысли на господа лукавая, дастся ему веры благодать избранна и жребий в храме господни угоднейший (Премудрость Соломона, гл. III, ст. 14).

Кроме евангельских и библейских текстов, прямо или косвенно призывающих к оскоплению, весьма существенным доводом за необходимость оскопления является личный пример отцов христианства. О том, что скопчество — не случайное явление в христианстве, говорит хотя бы факт наличия в списке христианских святых 72 евнухов.

В III в. существовала даже специальная организация скопцов-христиан, называемых по имени основателя секты Валезия — валезианами. Последователи Валезия обязаны были оскопляться, давали обет не есть мяса, не пить вина и, разумеется, не жить с женщинами. Валезиане оскопляли не только путем уговоров, обещаний материальных благ, но и насилиями.

Наиболее пышного развития христианское скопчество достигло в некогда могущественной Византийской империи, где скопцы занимали не только высшие церковные должности, но нередко стояли и во главе государства. Достаточно упомянуть лишь несколько таких известных имен, как, например, Евтропий, патриций и консул при императоре Аркадии в IV в., Нарсес, министр и полководец при императоре Юстиниане в VI в., Ставрикий и Лев Клок, царедворцы при дворе императрицы Ирины в конце VIII и начале IX в., «святые» патриархи цареградские, Игнатий и Мефодий, — и станет ясно, что роль скопцов (евнухов) в восточных деспотиях далеко не исчерпывалась обязанностью стеречь брачное ложе властелина.

Конгломерат [1] из остатков религиозных систем древнего мира, легший в основу христинства, естественно впитал в себя и скопчество, не отказав в уважении конкретным носителям этой идеи.

Руководители греческого христианства не только не боролись со скопчеством, но продолжали идеализировать его даже в близкое к нам время, как об этом свидетельствует грамота «блаженного» Григория V, патриарха константинопольского (1739 — 1821 гг.).

Обращаясь к монахам, патриарх благословляет их на подвижничество: «Здесь скопцы, блюстители девства и чистоты, которые, по словам господа, оскопили себя царствия ради небесного (Евангелие от Матфея, гл. XIX, ст. 12), отсекши собственною своею волею все; с юности

[1] Конгломерат — соединение отдельных частей.

соблюдшие себя чистыми от скверны или по согласию, любви Христовой ради, расторгшие союз брачный или же от греховной жизни обратившиеся к покаянию. Все сии сподвижники здесь собираются покаянием умилостивлять бога и врачевать недуг греха. От бед и треволнений житейского моря они обретают тихое пристанище в общежитии и достигают тут скорого избавления из глубины страстного волнения».

Монахи прямо называются здесь скопцами. И вполне логично сектанты-скопцы говорят поэтому: «Мы — те же монахи, только в миру, мы следуем Евангелию буквально».

В ближайшее к нам время скопчество как форма христианского богоугодничества наиболее сильно свирепствовало в католической церкви.

Вплоть до VIII века, с благословения «святого престола», в одной только Италии ежегодно оскопляли 400 мальчиков. Детей калечили ради сохранения их тонких дискантных голосов, которыми несчастные украшали церковные хоры. О вполне легальном, освященном христианством изуверстве свидетельствует булла папы Климента VIII в XVII веке, признающая скопчество богоугодным делом. Изуверство дошло до того, что на некоторых домах в итальянских городах висели вывески с надписью: «Здесь оскопляют мальчиков за умеренную плату».

Нам могут сказать, что итальянское скопчество не имело в виду спасение душ оскопляемых детей. Но для того, чтоб совершать столь невероятное по своей жестокости преступление, нужно было найти моральное оправдание.

Это оправдание католические изуверы черпали в том же Евангелии.

Кастрируя детей, церковь и выгоды свои блюла и «души спасала». Справедливость требует сказать,что папа Климент XIV в XVIII веке осудил скопчество, но осуждение это вызвано было причинами чисто политического характера, а отнюдь не какими-либо другими.

К скопчеству, как и к другим видам аскетизма, нередко прибегали враждебные господствующей церкви секты, противопоставляя идеал нищеты и страданий роскоши католических попов.

Гнуснейший контрреволюционный католический орден «терциаров» предписывал последователям «святого» Франциска Асизского еженедельно по пятницам бичевать себя в память страданий христовых, носить на голом теле толстую веревку с пятью узлами и вообще не избегать физической боли. Правда, в наши дни орден «терциаров» предпочитает угождать господу путем организации побоищ колониальных народов и интервенции против СССР, но в средние века францисканцы толпами ходили по городам с публичным самобичеванием, нередко нанося себе смертельные раны. «Не жалеть плоти для господа» — таков лозунг, которым любая религия в прошлом и настоящем прикрывает язвы классовых противоречий, материальную нищету человека, его физические и нравственные страдания под пятою класса-поработителя.

Возвращаясь к характеристике скопчества как формы христианского богоугодничества, заметим, что оно далеко не ограничивается сектой скопцов. Элементы скопчества с большей или меньшей последовательностью выражены в ряде, казалось бы, ничего общего со скопчеством не имеющих сект. Нынешний руководитель секты «евангельских христиан» Я. Жидков неоднократно заявлял, что скопческие идеи ничего общего с евангелизмом не имеют.

А между тем, стоит лишь раскрыть «Духовные песни» евангельских христиан, — и мы находим ряд песнопений, трактующих вопросы плотской жизни человека с чисто скопческой последовательностью. История скопчества знает несколько случаев последовательного завершения религиозных блужданий от евангелизма к скопчеству. Судившийся в 1930 г. за скопчество некий Высоцкий, прежде чем притти к скопцам, не малое время «духовно перерождался» у «братьев» евангелистов.

На стр. 37 «Духовных песен» [1] мы находим стих, повидимому извлеченный евангелистами из духовного арсенала скопцов. Впрочем могло быть и обратное (см. приложение на стр. 155, «О заблудшей овце»).

Широко известный в сектантском мире Иван Проханов в своих сочинениях «Свирель Давида», вошедших в сборник «Духовных песен» и предназначенных для юношества с чрезвычайной яркостью выразил сектантские идеалы, отличные от скопчества лишь качественно, но не в принципе. Характерно, что даже скопческая терминология свойственна евангельским христианам. Приведем факты.

«Юноша, ты обратился
и принес Христу свой грех,
«Кровью агнца убелился,
стал белей, чем яркий снег».

«К жизни в ней взывала кровь,
Но сильна была любовь,
И любовь сказала ей: «плоть для бога не жалей».
Девы юные, господь хочет, чтобы ваша плоть
И душа и все года в жертву. раз и навсегда
Были отданы ему и труду в его дому.
Неужель ему, как честь, не хотите вы принесть
В жертву свежесть юных лет и вступить с Христом
в завет!
Девы, страсти берегитесь и грехами не пленитесь,
Бросьте похоть, мир греховный,
Изберите мир духовный,
Мир небесных упоений и духовных наслаждений».

Подобного рода писаниной пропитаны все сочинения современного Селиванова.

Другой вопрос, что евангельские христиане не претворяют мысли Проханова в жизнь.

Объясняется это простой непоследовательностью евангелистов, на словах ратующих за жертву плоти для господа, а на деле продолжающих плодить потомство.

---

[1] Сборник духовных песен Е. Х. 1927 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕКТЫ СКОПЦОВ В РОССИИ

Возникновение в России скопчества как организации относится обычно ко второй половине XVIII в., так как имеющиеся до того времени данные носят слишком отрывочный характер и не дают возможности сделать сколько-нибудь основательные обобщения. Сведения о первых скопцах в России относятся еще к XI в., т. е. к начальному периоду христианства в восточной Европе.

Первым скопцом, о котором до нас дошли известия, был пришлец, монах Адриан (1004 г.). Его судили за хулу на церковь и священнослужителей, но принадлежность к скопцам не была поставлена ему в вину. Затем следует скопец, святой Моисей Многострадальный, служивший при дворе князя Бориса, сына равноапостольного князя Владимира. Взятый в плен поляками, он вернулся из Польши скопцом и оскопление свое объяснил тем, что якобы одна знатная полька из мести за отвергнутую им любовь насильно оскопила его. В конце XI в. на самом верху церковной иерархии появляются сразу два скопца, оба родом греки, которых будто бы вывезла из Греции Анна Всеволодовна, сестра князя Владимира. Скопцами были епископ смоленский Мануил, епископ владимирский Феодор, луцкий — Феодосий, новгородский — Никита и т. д. При всей скудности исторических материалов о раннем христианстве на Руси, мы тем не менее насчитываем

десятки скопцов, стоявших на верху общественной и церковной лестницы. Это было очевидным отражением византийских обычаев.

В комиссию по расследованию скопчества, учрежденную в первой половине XIX в., была подана записка, где говорится, что скопческие сборища существовали в России еще со времен Петра Великого. В той же записке сказано, что при императрице Анне Иоанновне «казнено было целое семейство скопцов, в том числе двум женщинам отрубили головы только за то, что они укрыли в своих домах осужденных на смерть за скопчество». [1] В описи дел бывшего синодального архива (Ленинград, отделение Центрархива) под № 253 от 1721 г. числится дело «О наказании плетьми иеродиакона Иосифа за самовольное себя оскопление и об определении его в монастырские труды навсегда». К сожалению, самое дело утеряно, но его заголовок с достаточной ясностью говорит о содержании.

В 1740 г. синод столкнулся со следующим случаем скопчества: оскопился протоиерей Андрей Иванов. На следствии по этому поводу Иванов объяснил, что он ничего не помнит, так как оскопился якобы в беспамятстве от болезни.

Трудно сказать, насколько правдоподобно было объяснение протоиерея, но судя по тому, с какой тщательностью допрашивали его, можно полагать, что дело не было новостью в церковной практике того времени. С 1740 по 1772 г. мы снова не имеем сведений о скопцах. [2] В 1772 г. в орловское духовное правление поступило до-

---

[1] Упоминается у Надеждина, Исследование о скопческой ереси.

[2] Н. М. Никольский («Русская история» М. Н. Покровского, т. III) говорит о наличии официального дела от 1733 г., из которого видно, что в московском Ивановском монастыре был хлыстовский «корабль», кормщица которого, монахиня Анастасия, вместе с тремя помощницами производила оскопление (где находится дело — не указано).

несение попа села Никитского о появлении в его приходе лиц, которые, «незнамо для чего или по какой ереси, сами себя оскопили». Орловское духовное правление начало следствие по делу о вновь открывшейся секте. Вскоре в Орел прибыл полковник Волков с указом императрицы Екатерины II о производстве расследования по этому поводу.

«Слух носится, — говорится в указе — будто бы в Орловском уезде появился новый род некоторой ереси и будто бы, действительно, в орловское духовное правление приведены уже несколько человек из крестьян разных помещиков, в той ереси найденных».

Далее, в указе полковнику Волкову дается приказание с возмутителями и зачинщиками поступить как с нарушителями общего покоя, т. е. «высечь кнутом в тех жилищах, где они проповеди свои проводили и где более людей уговаривали, а потом сослать их в Нерчинск вечно».

Всего следствием выявлено было 60 скопцов, из которых 33 человека оказались налицо, остальные же разбежались или по разным причинам уклонились от следствия.

Со времени орловского процесса история русского скопчества делается более доступной для исследования. Здесь прежде всего необходимо вскрыть социально-экономические корни роста скопцов в конце XVIII в. Социальный состав секты как в этом периоде, так и впоследствии, позволяет утверждать, что перед нами — своеобразная религиозно-хозяйственная организация купечества и богатого крестьянства, интересами которых определяется и самая идеология скопчества. Конечно, в рядах сектантов как прежде, так и сейчас находятся представители и других социальных категорий, но от этого не меняется общая картина. Идеология преобладающего классового слоя усваивается остальными либо благодаря общности хозяйственных интересов (купец и меняла, кулак и городской хозяйчик), либо в силу того, что эксплоатируемая часть религиозной организации экономически находится в под-

ном порабощении у своих хозяев (батраки, крестьяне-бедняки и т. п.). Вовлечение в секту отдельных работников уж в дореволюционное время происходило главным образо на текстильных фабриках, где рабочие теснее связаны с деревней и по культурному уровню сильно отстают от других групп рабочего класса.

Каковы же причины появления скопческой секты именно в купеческой и крестьянской среде?

Экономически помещик и купец в эпоху торгового капитализма продставляли две фигуры, друг друга взаимн дополнявшие. Но правовая оболочка далеко этому не соответствовала. По сравнению с помещиком купец был бесправен. Опека государства порою не столько помогал сколько даже тормозила его торговые операции. В развитии русского торгового капитализма следует учитыват это противоречие, отражавшееся и в упадочной, пессимистической идеологии некоторых слоев купечества.

Это противоречие было подмечено еще А. П. Щаповым.

«Былинный эпос и песни народные,—говорит А. П. Щапов, — воспевают богатство и веселый, широкий разгу гостей новгородских и купцов богатых. Не то совсе представляет историческая грустная действительност Рабская забитость, крайний недостаток духа инициативь предприимчивости, недостаток просвещенной рациональности — вот печальные результаты исторического воспитания нашего купеческого и вообще торгово-промышленного класса. По происхождению сродное крестьянству неохотно и медленно отрываясь от коренных обычаев се. наше купечество туго поддается и европейским понятиям формам быта. Оно образует какую-то социально-оппозиционную реакцию».

Реформы и нововведения Петра Великого, не говор уже о войнах, тяжелым ярмом легли на плечи купеческог сословия. Несмотря на организацию всевозможных «коллегий» и «приказов», имевших целью способствовать развитию промышленности и торговли, «купцы и ремеслен

ники были попрежнему рабы и жертвы казны, бурмистров ратушных, бурмистров таможенных, кабацких и проч. да воевод, дьяков и подьячих» (А. П. Щапов).

Не к лучшему изменилось положение купечества и после Петра I. Созданная им бюрократическая государственная машина оказалась не по карману торговому капиталу и не выражала в нужной мере его интересов. Заключение торговых сделок всячески тормозилось, пока купец не прибегал к взяткам. К притеснению купечества чиновниками следует добавить притеснения со стороны военных, наряженных в мундир, дворян. Купец считался черной костью, и дворянину ничего не стоило расплатиться за забранные товары зуботычинами.

Если бы купец и вздумал жаловаться, его ожидали в этом случае если не полное разорение, то во всяком случае бесчисленные мытарства по судам.

Но более всего страдало купечество от казенных монополий. Дворянско-помещичье государство требовало на свое содержание огромных расходов. Тысячи платьев Елизаветы Петровны могли заменяться новыми, и сказочные подарки Екатерины Второй своим любовникам могли иметь место лишь постольку, поскольку в государственную казну не прекращался приток средств.

Раньше, еще до Петра I, казенные поставки являлись для купечества одной из главных статей дохода. С царствования Петра I государство начинает отстранять купцов от казенных подрядов, находя более прибыльным для казны производить закупки при помощи государственных чиновников. К концу XVIII и началу XIX вв. казенные монополии являлись особенно стеснительными для купечества. Те же из них, которые государство находило нужным отдавать купечеству, зачастую вместо прибыли приносили разорение вследствие несоблюдения казною контрактов и неуплаты денег в срок.

Общую картину состояния купечества можно было бы дополнить выдержкой из доноса московского генерал-губернатора Салтыкова от 17 ноября 1763 г. Из доноса

видно, что орловского магистра президент Дмитрий Д
бровин «купечеству делал великие притеснения, грабе
и смертоубийства».

Во время правления Дубровина «фабрика купца Куз
цова товарищами его была разграблена и разобрана, а бы
шие на оной работники отчасти разогнаны, избиты и п
реувечены». Это — далеко не единичный случай. В сво
заявлениях правительству купцы просят дозволения выб
рать из своей среды особых ходатаев, которым бы доз
лялось ходить во все присутствия по купеческим дела
ходатайствуют об уменьшении штрафов, правосудии, з
щите от притеснений военных людей и т. д.

В еще худшем положении находились в XVIII в. р
месленники и городское мещанство. Всевозможные огран
чения, насильственное объединение в ремесленные корп
рации, налоги, штрафы и политическое бесправие реме
ленного люда, наконец, безудержная эксплоатация со ст
роны того же купца,—все это создавало условия, неизбежн
толкавшие ремесленников и мещанство на путь оппозици

Указом 1746 г. купцам, ремесленникам и мещанам з
прещено было покупать землю. Лишение права приобр
тения земли и вместе с тем переселения из города особенн
остро отразилось на городском мещанстве, отягощенно
поборами и податями не меньше, чем крестьяне.

Обратимся к характеристике экономического и соци
ально-правового состояния крестьянства.

Повышение цен на продукты сельского хозяйств
в связи с ростом европейской промышленности и широко
развитие хлебной торговли с заграницей побуждали по
мещиков выжимать из крестьян как можно больше при
бавочного продукта.

Вторая половина XVIII в. характеризуется необычай
ным усилением крепостнической эксплоатации. Достаточн
указать, что в некоторых местностях России крестьяни
работал на помещика 6 дней в неделю и лишь в воскре
сенье да по ночам — на свою семью. Кроме того, бед
ственное положение крестьянства усугубляли неурожаи

овторявшиеся к концу XVIII в. несравненно чаще, чем прошлых веках.

Приводимая ниже таблица дает нам наглядное представление о развитии неурожаев, т. е. об истощении земли о векам.

XV век	18 неурожаев
XVI »	11 »
XVII »	12 »
XVIII »	34 »
XIX » (первая половина)	39 »

Об общественно-правовом положении крестьянина не риходится и говорить. Вспомним, что крестьян «нещадо» били батожьем, обменивали на собак и продавали цеыми семьями и деревнями, запарывали на конюшнях, намерть калечили, ссылали в Сибирь, отдавали на 25 лет солдаты и т. п.

О степени народной нужды и придавленности свидеельствуют вспыхивавшие то там, то здесь в течение XVIII в. крестьянские восстания и, наконец, грандиозная рестьянская революция конца XVIII в. — Пугачевский унт. Характерно, что консервативное в то время крестьянтво даже революцию старалось делать «по закону». И Пуачев и ряд других предшествовавших ему крестьянских деологов не случайно называли себя именем царствуюих особ. Если еще в 1905 г. (до января) крестьянство наиболее отсталая часть рабочих верили в справедлиость возглавлявшего помещичье и чиновничье засилие аря, то легко себе представить, насколько крепка была ера в царя полтора столетия назад. Народ восставал не ротив «богом установленного» социального строя, а проив отдельных представителей этого строя, переставших ействовать «по-божески». Наиболее охотно крестьянтво проявляло свой политический протест под знаменем настоящего», «своего», не дворянского царя. Такими ыли в XVII в. различные казацкие царевичи, а в XVIII в. — мельян Пугачев.

Когда же революционное крестьянское движение ш
на убыль, то разочарованные массы легко поддавали
влиянию различных мистических сект и искали утешен
в религии. Вот почему в конце XVIII в. усиливается де
тельность хлыстовских и скопческих «кораблей». Э
была пассивная форма социального протеста в противоп
ложность активной форме — крестьянским восстания
Однако идея «своего» царя не исчезает; мы увидим вп
следствии как используется она сектантами.

По мере усиления крпостнического гнета начина
разрушаться крестьянская семья. Громадную роль в эт
разрушении сыграла солдатчина и самодержавный десп
тизм помещика. Страшным ударом по семейному бы
явился первый указ о рекрутском наборе 1705 г. В теч
ние царствования Петра I и Екатерины II, по самым гр
бым подсчетам, в солдаты было призвано до 1 мл
709 тыс. человек. Не на 2 года, как в Красную армию, а
20—25 лет забирали крестьянских сыновей и, скованны
в кандалы, гнали по непроходимым дорогам. Местами о
дыха в дороге зачастую являлись тюрьмы, остроги, а
и просто привалы под открытым небом. Множество со
дат умирало еще в дороге вследствие эпидимических б
лезней, развитию которых немало способствовали гря
и плохая пища. Отправляя парня в слодаты, родные з
ранее оплакивали его, провожая как бы на смерть.

Не в меньшей мере губил семью и произвол помещик
забиравшего самых красивых девушек в дворовые, себе
потеху и на поругание, а других выдававшего замуж
50-летних стариков или калек.

Что, кроме горя, при таких условиях могла дать кр
стьянину семья?

Что, кроме, горя, при таких условиях могут дать кр
стьянских работ, социальное и экономическое бесправие-
вот основные факторы разрушения патриархальной кр
стьянской семьи.

Из 246 человек, обвиненных в скопчестве по первом
процессу 1772 г., женщин было 48, или 19½%. По стат

стике доктора Пеликана, из 4314 человек скопцов, обследованных им во второй половине XIV в., на долю женщин приходится 1151, или 26,6%. Огромная роль женщины в истории скопчества заставляет нас несколько подробнее остановиться на причинах массового ухода в скопчество женщин.

Необычайно тяжелые жизненные условия, породившие скопчество в крестьянстве, вдвойне тяжелы были для женщины. Замученная непосильной работой, обремененная семьей, безграмотная, бесправная, зачастую терпя зверские побои от мужа, женщина могла видеть в скопчестве способ освобождения от безрадостной жизни.

Вместе с возникновением христианства на Руси начинает укореняться в народе взгляд на женщину, как на «источник зла и бедствий рода человеческого», как на «дьявольский сосуд».

«Что есть жена? — поучали древние праведники, — сеть, дьяволом сотворена. Прельщает человека лестью, светлым лицом, высокими очима помавает, ланиты складает, языком поет, гласом скверная глаголет, словами чарует, ногами играет, злыми делами обаяет и убивает, многих язвит и губит. Что есть жена? — проказливая святым обложница, сатанин праздник, покоище змеино, цвет дьявольский, подгнечающая сковородка, спасаемым — соблазн, без исцеления болезнь, безисцельная злоба, купница бесовская, коза неистовая... Что есть жена? — мороз злой, колодец смрадный, первый враг, стрела с чемером» и т. д.

В «Причте о женской злобе» отец поучает сына, что «жена злая буря, неотступная трясовица, неутолимая огневица, грехам наставница, совокупленница бесовская, хоругвь адова, ветвь дьявола» — и далее все в таком же роде. «Курица не птица, женщина — не человек», а если и человек, то такой, который может сбить мужчину с праведного пути, лишить его радостей не только земной, но и небесной жизни.

Такой взгляд на женщину привел множество их к ги-

бели на кострах; как ведьмы, противницы бога, сотни тысяч женщин были изувечены; безвременно загнаны в могилу жестокими, «в христианстве» воспитанными мужьями, а десятки миллионов женщин влачили жалкое существование бесправных рабынь, вьючных животных или, в лучшем случае, наложниц.

В условиях невыносимого социально-экономического гнета женщина, уходящая в скопчество, кроме избавления от семьи и «лиха мужа», избавлялась также и от принижавшей ее общественной среды.

Массовый уход женщин в скопчество можно рассматривать как реакцию женщины на невыносимый социальный и экономический гнет.

Что же давал уход в скопчество и почему на почве перечисленных нами общественных противоречий возродилась столь невероятная форма богоугодничества?

Общественные корни скопчества, разветвляясь, идут по двум направлениям.

Одна часть питающей его среды—это интересы купечества и кулацкого крестьянства, желавших накоплять, но значительно лишенных этой возможности, вследствие политического произвола дворянской монархии и помещичье-крепостнического строя. Другая часть — широкие народные массы, крестьянство, городское мещанство, ремесленники, солдатчина, словом, народные «низы», изнывавшие под игом материальной нужды, социально-политической и бытовой придавленности.

Не следует забывать при этом и той всеобщей религиозной одержимости, которая возникла в «низах», как ответ на безысходную тяжесть и трудность земного бытия России XVIII века.

Скопчество является лишь наиболее ярким проявлением этой религиозной одержимости; оно является наиболее противоречивым видом широко распространявшегося тогда религиозного самоотчуждения.

Последующие антирелигиозные исследователи, вероятно, продолжат труд Н. М. Никольского и дадут полную

картину религиозных движений XVIII века, в которых с достаточной яркостью отображена взаимосвязь между отдельными религиозными течениями.

Эта итоговая работа может быть проделана лишь в результате предварительного знакомства с отдельными видами того всеобщего религиозного течения, наиболее крайним выражением которого является рассматриваемое нами скопчество.

Было бы рискованно утверждать о последовательной исторической преемственности содержания скопчества.

Скопчество дохристианское можно рассматривать как пережиток и дальнейшее развитие симпатической магии.

Здесь обряд оскопления имеет целью увеличивать плодотворящие силы богов, которые должны способствовать улучшению благосостояния данного народа. Индивидуальная или групповая жертва, помогала божеству выполнять плодотворящие функции, распространялась своими благодетельными последствиями на весь народ.

Другой вопрос, из каких общественных групп рекрутировались жрецами искупительные или благодарственные жертвы и всем ли поровну божество делило свою благодать, но нет сомнения, что уважение, которым пользовались в древнем мире кастраты, находит себе объяснение в «общественном значении» их жертвы.

В период раннего средневековья скопчество представляет один из крайних видов формального аскетизма. Христианское скопчество является по форме дальнейшим развитием дохристианского скопчества, но противоположно ему по социальному содержанию, В нем наиболее ярко выражена индивидуалистическая основа нового мира, установившегося на развалинах античного мира: с одной стороны — выражение человеческого бессилия организовать свое земное счастье, с другой — судорожный протест против этого счастья и в то же время бешеное стремление к радости, к благу и наслаждениям, путем своеобразного обмена с божеством, у которого за отданные половые органы и придушенные страсти покупается веч-

ное блаженство в загробном мире. Во всем этом не труд усмотреть общественно-экономическую основу, общ ственное отношение людей, где «каждый сам куз своего счастья», где от личной инициативы и действо ний зависит земная, а следовательно и небесная юдоль.

Насильственно исторгая себя ради личного спасе из нормального человеческого общества, скопец, одна не может существовать вне общественной среды, вне щественной поддержки; возникает скопческое сообщ чество — секта, как необходимое условие существова добровольных калек.

Мистическая оболочка, исключительные способы п общения прозелитов позволяют под флагом скопчес оформиться родственным по классовым интересам об ственным группам.

Таким образом акт оскопления, почти не изменя по форме, в различные периоды имеет разное об ственно-религиозное содержание.

Разумеется, общественное содержание скопчес определялось социально-экономическими отношениями

В древнем мире скопчество проявлялось в сообщест корибантов, в средние века скопчество ютилось по мо шеским кельям, покоям игуменов и церковных клирик в эпоху торгово-промышленного капитала скопчест вновь обрело вид общественной организации, выступ как исключительный тип классовой организации купе ства и кулацкого крестьянства.

Весьма характерно, что первыми скопцами-сектанта были в большинстве именно зажиточные крестьяне. Пр водимая ниже таблица, составленная на основании мате алов первого скопческого процесса 1772 г., дает некотор представление об имущественном положении привлеч ных к следствию 15 крестьян (из 25).

В таблицу включены лишь основные показатели имущ ственного состояния скопцов. Совершенно исключе числящиеся по описям ульи, количество хлеба, шуб, хом тов и различных «коробов».

Таблица много теряет вследствие отсутствия данных о земельном наделе, которые в описях не указаны. Но тем не менее те цифры, которыми мы располагаем, свидетельствуют о сравнительной зажиточности подсудимых.

Более богатые крестьяне, стремившиеся к дальнейшему хозяйственному подъему, наталкивались на границы кре-

ИМЕНА	Количество жилых изб	Постройки для хоз. надобностей	Количество лошадей	Количество коров	Количество овец	Количество свиней
Аввакумов Я.	2	5	8	6	18	13
Сопов С.	2	1	—	—	—	—
Жиронкин Т.	2	2	2	4	6	2
Жиронкин И.	1	1	2	2	5	3
Юшков М.	1	—	—	—	—	—
Яковлев С.	2	3	10	7	15	5
Запольский М.	3	9	6	6	16	10
Чеплыгин Л.	1	3	3	4	8	5
Никулин М.	3	3	9	5	10	5
Гнеушев Т.	2	3	4	2	12	—
Гнеушев Я.	1	1	3	1	5	7
Лямин А.	1	1	5	6	7	—
Наумов И.	2	3	3	2	2	1
Мелентьев В.	2	3	6	2	10	10
Анухтин В.	1	2	3	2	7	5

постного права, помещичьей эксплоатации и весьма остро чувствовали на себе помещичий гнет.

Уход же в скопчество позволял вопрос кулацкого накопления разрешить в пределах помещичье-крепостного хозяйства.

Скопчество представляло исключительно удобный и быстрый вид обогащения. Втянутый в скопчество крестьянин-бедняк или батрак, изуродованный физически, на всю жизнь оставался рабом экономически влиятельного «пророка». Экономическая зависимость завершалась клей-

мом физического уродства, не позволявшим даже думат о возврате к прошлому или об отходе от рокового союз

И наконец, скопчество избавляло от необходимости де лить хозяйство по причине отсутствия семьи.

Что же касается остального крестьянства, то кроме об щих причин, определявших массовое развитие аскетизм частично охарактеризованных нами, следует, по нашем мнению, считать одной из главнейших субъективно осо знаваемых причин скопчества — бремя семьи.

Скопческие ячейки, или «корабли», оправдав себя ка форма экономической организации части крестьянства вскоре перешли в город, найдя в среде купечества, город ского мещанства, солдатчины основные кадры своих про зелитов. Не менее выгодной формой религиозно-экономи ческого сообщества оказалось скопчество и для купече ства. Рассыпавшись по всей империи, пропагандисты скоп чества являлись лучшими агентами и осведомителями тор гового капитала. Раньше чем его живущий «в мире» со брат, купец-скопец указывал цены на товары, делал вы годные операции, получал, когда этого требовали дела, материальную поддержку у единоверцев.

Распространяя среди эксплоатируемых им бедняков идею скопчества, вербуя их в секту и уродуя физически, купец-скопец выколачивал из них несравненно большую прибыль, нежели другие торговые люди.

Работавшие на скопческих предприятиях или в торговых учреждениях скопцы умеренно ели, не пили спиртного, отличались покорностью и трудолюбием и, главное, не могли вернуться в мирскую среду вследствие своего физического уродства. В несколько десятков лет руководители скопчества наживали миллионные состояния. На столь быструю концентрацию капиталов в руках скопцов конца XVIII и начала XIX вв., кроме купеческой спайки под флагом скопчества, влияло также и отсутствие необходимости дробить капиталы по причине отсутствия наследников. Капиталы по смерти переходили от скопца к скопцу.

Председатель официальной комиссии, работавший по изучению скопчества в половине XIX в., Липранди, в докладной записке министру внутренних дел говорит, что скопцы ежегодно на миллионы рублей увеличивают свои капиталы «путем мошеннических оборотов во вред государству». Сущность спекулятивно-финансовых операций скопцов заключалась, судя по записке, в том, что скопцы скупали путем искусственного понижения цен серебряную и вообще мелкую разменную монету и, дождавшись Нижегородской ярмарки, которая всегда требовала большого количества мелкой монеты, продавали ее выше номинальной стоимости.

Уже к концу XVIII и первой четверти XIX века состояния скопцов торгово-промышленников оценивались в десятки миллионов рублей.

К известным нам скопцам-миллионерам относятся: почетный гражданин купец Садовников, купцы первой гильдии Антонов, Васильев и Кобычев, купцы других гильдий Никонов, Борисов, Романов, Поповы, Кузнецов, Фролов и т. д. Особенным проворством к вовлечению в скопчество отличались братья-скопцы Латунины, Солодовников и Костровы. Разумеется, приведенный для примера список ни в какой мере не исчерпывает лиц, обогащавшихся за счет народной нужды и религиозных суеверий.

И в то же время, как это увидим ниже, скопцы-миллионеры стремились сохранить теснейшую связь с мирской средой и в частности с господствующими православными клириками. Сотни тысяч бросали скопцы-миллионеры на позолоту церковных куполов, дарили в храмы золотые ризы, украшенные драгоценностями, серебряные сосуды весом в несколько пудов и т. д. А за это получали, смотря по ценности своих вкладов, кресты, медали и пр.

Мы видим таким образом, что мистическая оболочка скопчества прикрывает на деле весьма реальные экономические интересы. К анализу самой идеологии и культа скопцов мы обратимся в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЙ КУЛЬТ СКОПЦОВ

Религиозное миросозерцание скопчества являет собой особый вид синкретизма [1] — христианства, хлыстовщины и древнеславянского язычества. Первый скопческий процесс знакомит нас лишь с зачатками скопческого миросозерцания. Большинство исследователей сходятся на том, что скопчество конца XVIII в. явилось завершением хлыстовства.

Не вдаваясь в критическую оценку этого взгляда, следует указать,что скопчество наиболее быстро распространялось по местностям, охваченным хлыстовством (правильнее «христовством»—от слова Христос). Мистические умонастроения народа, выраженные в хлыстовских догмах в значительной мере перешли к скопцам. Более или менее последовательная скопческая идеология, мифотворчество, обожествление скопческих главарей, «система» общения с богом, или культ, — сформировались у скопцов в результате первых десятилетий развития секты. Прежде чем приступить к характеристике общей «системы» скопческого миросозерцания времен его расцвета, т. е. первой половины XIX в., кратко остановимся на мотивах, побуждавших к скопчеству первых его распространителей. Из показаний скопцов, опрошенных полковником Волко-

---

[1] Синкретизм — соединение в одно целое различных религиозных представлений.

Чудесная комета, предшествовавшая по легендам скопцов, рождению «искупителя» Петра III. (Рисунок получен от скопца Г. М).

вым в 1772 г., мы выбрали наиболее типичный рассказ о себе крестьянина Андрея Блохина. Приводим наиболее интересные отрывки из его показаний:

«Будучи в Кузельском уезде, селе Кудрявце, а чья та вотчина — не помнит, пришел к крестьянину Милентию Наумову в дом, просился переночевать; от которого известился, что есть учитель веры, называемой «христовщиной», в вотчине генерала Сергея Михайлова, сына Нарышкина, Орловского уезда, в селе Трасне, крестьянин Михайло Никулин, который-де учит всякого к нему приходящего, как притти в живот вечный и спастися; почему он, Блохин, возжелав спасение получить, и пошел; и пришед в вышепредупоминаемую вотчину, нашел двор его, Никулина, выпросился у него для того научения, как бы спастися, пожить. И, живучи у него, он, Никулин, учил его, Блохина, что пива и вина не пить и греха тяжкого не творить, с женами не спать, по скачкам и по игрищам не ходить; молодцам не жениться, а девкам замуж не ходить, а женившимся с женами плотски не совокупляться, женам спать на ложе, а мужу — на другом, чего-де ради надлежит всякому хотящему спастися и пребывающему в таковой вере скопиться. Чего для он, Блохин, приняв от оного то учение, пришел в деревню Богдановку, полковника Турчанинова, к крестьянину Осипу Степанову по знакомству, что он такой же ереси участник; и бывали у него, Никулина, при нем, Блохине, для моления в сонмищи; взошед в особую избу, где такое ж бывает сонмище, сам себе скопил раскаленным железом, те тайны уды себе отжег сам, от чего в той избе и лежал болен 9 дней, за присмотром его, Осипа».

Далее следует рассказ о том, как Андрей Блохин попал в светлицу пророчицы Акилины Ивановны, которая его спросила: «Чего ты ищешь?» А он ответил: «Как душу помиловать, того и ищу. После этого он был принят в корабль Акилины Ивановны. На сборищах пели хлыстовские песни, как например: «Все упование на тебе возлагаем», «Дай нам, господи, к нам Иисуса Христа» и т. п.

«При чем из тех людей бичевался сам собою вышеобъявленный однодворец Петр Маслов, называя при том бичевании якобы сокращение плоти, дабы не позывало на грех; вышепредписанная девка Акилина на тех сборищах хаживала кругом и вещала всем, в тех сборищах бываемым, тако: свет во свете, в сердцах пребывает, и человек может знать, что делается в Москве и в Киеве, и когда будет урожай хлебу, а когда и недород, или кто богат или беден, и о всяких человеческих приключениях».

И еще этот же Андрей Блохин показал, что года три тому назад через Акилину Ивановну ему удалось видеть приезжего к ней человека, на которого она крестилась обеими руками, почитая Христом. Называла она его Павлом Петровичем. Этот «Христос» объезжал все места, в которых бывали хлыстовско-скопческие корабли. «Акилина учила их ему кланяться, перекрестясь, и целовать его руку, при чем он дал им, Блохину и товарищу его, три яблока, и, сведав про них, что они скоплены, сказал им что-де и святые апостолы, Петр и Павел и Иоанн Богослов, сами себе уды обрезали».

Таковы же по существу показания и других скопцов, привлеченных к следствию. Одно из центральных мест в первых скопческих пророчествах занимали вопросы об урожае и рыбном лове, о военной службе, будущем богатстве и других чисто земных делах.

Будучи на допросе, крестьянин Михаил Никулин показал, что «...Она, Акилина (Ивановна. *Н. В.*) ходит во кругу и, остановясь, пророчествует каждому, всем бывающим в той ереси участникам порознь, что кому будет и какое счастье, а особливо ему, Никулину, что он будет богат пажитию, по коему ее пророчеству он, Никулин, как до того был весьма недостаточен, стал иметь достаточество, как в урожае хлеба, так и в скоте».

Не меньшей популярностью в умении пророчествовать пользовалась и заместительница Акилины — Анна Романовна. Ее умение предсказать погоду, лов рыбы или урожай были широко известны за пределами Орловской губ.

Кондратий Селиванов.

Для того чтобы убедиться, насколько тождественны религиозные догмы хлыстовства и раннего скопчества, приводим 12 заповедей крестьянина Данилы Филипповича, который, по понятиям хлыстов, являлся богом Саваофом, сошедшим в пречистую плоть крестьянина Данилы. Его заповеди гласят:

— 1. Я — тот бог, который пророками предсказан, сошел на землю спасти род человеческий; другого бога не ищите.

2. Нет, и не ищите другого учения.

3. На чем поставлены, на том и стойте.

4. Храните заповеди божьи и будьте ловцами вселенной.

5. Вина и пива не пейте, блуда не творите.

6. Холостые, не женитесь, женатые, живите с женами, как с сестрами (в «посестрии»).

7. Матерными словами не бранитесь и даже имени дьявола не произносите, а называйте его «врагом».

8. На крестины и свадьбы и веселые беседы не ходите.

9. Не воруйте. Если же кто хоть копейку украдет, то на страшном суде положат ее на темя головы, и когда монета от огня расплавится, только тогда получите прощение.

10. Веру свою содержите в тайне и никому, ниже отцу родному, ниже отцу духовному, не объявляйте, и ежели придется, то должны вытерпеть и огонь, и кнут, и топор, а о вере не объявлять.

11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, богу молитесь.

12. Духу святому верьте.

Зародившись в крестьянской среде, первоначальное скопчество питалось хлыстовскими умонастроениями, возникшими на основе еще живых в крестьянстве и до сих пор древнеязыческих верований и обрядов с примесью мистицизма XVII — XVIII вв.

Перекинувшись в город в сравнительно короткий период, скопчество порождает собственную централизован-

Обожествленный Петр III — Кондратий Селиванов — с медалями и крестами. Рядом — мифическое кипарисовое дерево с золотыми плодами и сидящими на нем скопцами — «райскими пташечками». (С рисунка скопца Савельева. Подлинник в Ленинградском антирелигиозном музее).

ную организацию со множеством разбросанных по всей Империи скопческих кораблей. Организационный период секты можно считать законченным к первому 20-летию XIX в. С этого времени перед нами уже не отдельные группы плохо связанных между собою скопцов, а могущественная организация купечества, кулацкого крестьянства и городского мещанства.

Первоначальные организаторы скопчества окружаются божественным ореолом, создаются мифы, легенды и обрисовывается скопческий культ, во многом схожий с культом хлыстов, но приспособленный к идеологии купца и городского мещанина.

Религиозное миросозерцание скопцов выражается в следующих основных положениях.

Первых людей, Адама и Еву, по первоначальному своему плану бог создал по своему образу и подобию. По понятиям скопцов и вообще мистиков XVII—XVIII вв., подобие человеческого образа божескому следует понимать не в телесном, а в духовном смысле. В плотском своем состоянии человек подобен зверю. «Но чем же человек подобен богу? — спрашивает скопец Ермаков уже в наши дни, —ведь не плотью же своею со всеми ее стремлениями и страстями, как верили прежде и как верят еще и теперь люди, находящиеся на низших ступенях развития и наделяющие божество человеческими свойствами? Плотью своею человек тот же зверь, только более способный, более смышленый».

Разумеется, до такой утонченной абстракции большинство скопцов не доходило, а разницу в подобии бога и человека, видело лишь в том, что у Адама и Евы впоследствии, в результате грехопадения, появились половые органы, формой напоминающие яблоко и ствол дерева. Таким образом, основное различие между человеком и божеством заключается в том, что у последнего отсутствуют детородные органы — источник греховных дел и помыслов.

Для того чтобы, еще будучи на земле, приобрести ан-

телоподоби[illegible] уподобиться божеству, нужно во имя любви к богу [illegible] эти символические эмблемы греха наших предков, нужно вырвать «ключи ада», мешающие духу слиться с божеством.

Но к такому простому разрешению вопроса люди пришли не сразу. Для этого богу потребовалось послать на землю своего сына — Христа.

Видя, как гибнет род человеческий, обольщаемый плотскими вождселениями и скоропреходящими земными радостями, отвлекающими душу от служения богу на служение дьяволу, Саваоф послал своего сына, Христа, показать людям истинный путь к спасению. Первое пришествие Христа на землю, по общим понятиям скопцов, заключалось в том, что он научил людей оскопляться, предварительно оскопившись сам и затем оскопив своих 12 апостолов.

Больших результатов это первое пришествие Христа однако не дало. Сын божий обещал притти во второй раз — «в силе и славе».

И он выполнил свое обещание.

Второе пришествие Христа было в России. Христос явился в «силе и славе» в образе императора Петра III Воцарению его на русском престоле предшествовала комета с птичьими ногами, с крестами на голове, знаменами по бокам и палящею со спины пушкою.

Родившись в Голштинии, утверждают скопцы, Петр III был перевезен Елизаветой Петровной в Петербург, после чего скопцы стали почитать ее его духовной матерью и отожествили с богородицей.

«Когда Петр III женился, Екатерина II возненавидела его, узнав, что он неспособен к половой жизни (а оскопился он, батюшка ты мой, еще будучи в Голштинии). Бывало, лягут они спать, — рассказывает современный идеолог скопчества Г. П., — а он — все спиной к Екатерине. И в баню их Елизавета Петровна насильно посылала... Да, я и забыл сказать-то, Елизавета Петровна, как привезла государя из Голштинии, поцарствовала два

«Предтеча» — Александр Иванович Шилов,

года, а потом передала царство другой женщине, фрейлине одной, очень на нее похожей, а сама ушла в Орловскую губернию и жила там у одного крестьянина-скопца под видом простой крестьянки, Акулины Ивановны. Так что в баню-то его посылала уж не настоящая царица, а другая — фрейлина... Ну вот, батюшка ты мой, поцарствовал он недолго, много добра сделал простому народу, землю крестьянам отдал, но ему все шли напротив.

И решила его Екатерина убить, чтобы самой завладеть царством. Узнав об этом, Петр III переоделся в одежду солдата, тоже скопца, а солдат добровольно встал на его место и был убит, а Петр III вместе с князем Дашковым под видом простых мужиков пошли странствовать по всей России и чистоту[1] проповедывать...»

Кондратий Селиванов и Петр III — это, по преданиям скопцов, одно и то же лицо.

Между прочим среди скопцов ходит такой рассказ: однажды Селиванов и Мартынушка шли полем, и Мартын спросил у Селиванова, что может быть ему помехою на пути к спасению. Селиванов сказал: «Одно нехорошо, что твои глаза очень лепы» (красивы, нравятся женщинам. *Н. В.*). Тогда Мартынушка остановился и выколол себе правый глаз.

Легенда о втором пришествии Христа в образе Петра III и потом Селиванова выражена в следующем скопческом стихе-распевце:[2]

О, пречудный тот младенец,
Что в Голштинии родился.
Всему миру в небесах
Знак премудрый появился.
Весьма было всем заметно —
На востоке одна комета
Лучи свои простирала,
Что все зрители дрожали.
Было видно и пречудно,
А понять было всем трудно,
К чему звезда означала.
А дитя мати качала,
Тихо, кротко возрастало.
Тот младенец не простой
Был в виду у всех царей
И земных королей.
Желали многие державы,
Чтоб царем его иметь,

---

[1] Чистота — оскопление.
[2] Публикуется впервые. *Н. В.*

Но рассейская царица,
Елизавета Петровна,
Сердце доброе имела,
Закладать коней велела,
В Голштинию покатила,
Дитя дома захватила.
Она дар ему подносила,
Усердно его просила,
Прикатила в Питер-град.
Весь народ ему был рад,
Все усердно принимали,
Низко головы преклоняли,
Но он долго упирался
За престол России браться
Говорил слово царице:
«Что мое сердце боится,
Я пойду лучше молиться
С молодых лет в Давидов дом,
Заслуживать царствие божие,
А земная слава ложна».
Во ответ держит царица:
«Изволь, дитя, согласиться,
Я тебе буду как мать.
Вот тебе царское знамя,
Иди только за мной прямо,
По одной со мной дороге.
Бог пошлет своей помоги.
Получай скипетр-державу
И всю явную честь и славу.
Отдаю тебе свой трон,
Возьми шведа во полон.
Отдаю тебе все царство,
И велико и пространно.
Только чтоб было сохранно,
Простирайся всегда вдаль,
Петр III, государь.
И во всем мне поверь,
Что в России много вер,
Вам надо сделать пример.
Назначаю я тебе
Вот Вторую Екатерину.
Обвенчают венцом главу —
Вот минута и всей славы.
И иначе невозможно
Быть царем русской державы».
Тут наследник, Петр III,
Слезами горькими залился,
К отцу в небо возмолился:
«Ну, прости меня, отец,
Я приму и земной венец,
Всю явную честь и славу,
В ручки скипетр и державу,
И сидеть буду на троне,
На главе царская корона,
Буду царь я и вельможа».
Прошло времечка немного,
Царской славой и короной
Завладать хочет ворона,
Или Вторая Екатерина.
Как заслышал это дело,
Он сказал ей тайно слово:
«Отряхайся, пыль-мякина,
Я тебя здеся покину,
Оставайся и царюй,
А душою грех воруй.
За все будешь отвечать.
Я пойду искать печать
От небесного царя,
Чтоб душа была цела».
И пошел наш государь
По Рассеюшке своей.
Долго ходил нищетой,
А все знался с высотой.
Хоша трудное было время,
А он сеял божье семя
И по всей земле гулял,
В трудах, скорбях пребывал,
Чистотой он обмывал
И слезами поливал.
Тогда доброе было время,
Возрастало божье семя
От земли и до небес.
Не осталось без чудес:
Расступился темный лес.
Зима стуженька ставала,
Плоть пречистая страдала.
А великий наш страдатель
Чистоту весьма любил,
В свою трубушку трубил,
От сна верных будил:
«Вы вставайте и идите,
На страды мои глядите».

Тогда верноизбранные
С четырех сторон сходились,
Все на батюшку молились,
Все вокруг его стояли,
Слезно плакали, рыдали,
Искупителем назвали.
Искупитель со креста,
Он им слово проглаcил:
«Вы не извольте так рыдать,
Еще будете видать,
Вот моя вам благодать:
Всегда в страхе пребывайте,
Меня к себе ожидайте,
Невзначай к вам прикачу,
Кого в чем вас захвачу,
В том и буду вас судить.
Так извольте, мои други,
За время себя будить,
Полно, милы други, спать,
Еще есть время восстать,
Время тайности достать».
Богу слава, честь, держава,
Вовеки-веков аминь.

По легендам скопцов, большинство обожествленных ими основателей скопчества или непосредственно ведут свою генеалогию от царского рода, или же близко с ним соприкасались.

Так, Кондратий Селиванов, «искупитель», Христос II,— Петр III.

Скопческая богородица, царица небесная», «владычица», «матушка», «полковница», Акулина Ивановна, — императрица Елизавета Петровна.

Мартын Родионов, «Мартынушка», «благовестничек Христов», — генерал из князей Дашковых.

Александр Иванович Шилов, «предтеча», наиболее почитаемый после Селиванова и Акулины Ивановны святой, — граф Чернышев.

«Пророчица» Анна Романовна — сестра княгини Екатерины Дашковой.

Также скопцами были, по легендам скопцов, Александр I и его брат Константин.

Легендарный старец «Федор Кузьмич», под видом которого скрывался будто бы в Сибири Александр I, также считается сектантом-скопцом. «Он (Федор Кузьмич. *Н. В.*) хотя участия в скопчестве не принимал, но когда проходил мимо скопцов, то низко, низко кланялся. И потом, один раз в бане его случайно увидел один человек — и оказалось, что он оскоплен» (из беседы со скопцом Г. М.). «А еще было такое дело раз, — продолжает Г. М., — при-

«Благовестничек Христов» — «пророк» Мартынушка.

езжают вдруг за ним (Александром I) поздней ночью — в сенат требовать. Царь удивился, но оделся, и поехал. Приехал: «В чем,—говорит,—дело, господа? Зачем я нужен?» А они и говорят: «Правда ли, государь, что вы скопец? Сенат желает удостовериться и просит вас раздеться». Царь видит, что все озлоблены против него, начинает раздеваться, и оказалось, что он скопец. Хорошо. В это время домой приехал его брат Константин, человек необыкновенной силы. «Где, — говорит, — государь?» Ему говорят: «Вызвали в сенат». Он — в сенат, — часовой не пускает. Константин выхватывает шашку, и раз —вмах снес голову часовому. Вбегает во дворец, а царь голый стоит перед сенатом. Как начал он крошить, так и порубил всех, а потом обращается к Александру и говорит: „Эх, ты курицы испугался“».

Впоследствии будто бы Константин отрекся от всех почестей и привилегий и под видом простого крестьянина скрывался на Кавказе.

Легендарные версии о «высоком» происхождении указанных выше лиц, разумеется, не имеют под собою никаких сколько-нибудь достоверных исторических данных. Упорное стремление связать историю скопчества с царствующим домом объясняется, с одной стороны, повидимому, тем, что реакционное купечество, мистически настроенные представители мелкого дворянства и мещанства не хотели мириться с крестьянским происхождением первых основателей скопчества; с другой стороны, столь почтенная и «высокая» плеяда основоположников секты способствовала развитию скопческой пропаганды, так как народ, как уже мы ранее отмечали, с большей охотой шел по пути общественных и религиозных организаций под знаменем царей. Имея Петра III являлось среди религиозно настроенных крестьян, раскольничьего купечества и монастырских людей синонимом всяческих свобод и возможных облегчений от самодержавно-помещичьего произвола.

Некоторые льготы, данные Петром III монастырскому

крестьянству и раскольникам, явились достаточным основанием, чтобы ждать от него дальнейших реформ в интересах всего крестьянства. Поэтому народ так охотно поддерживал самозванцев, выдававших себя за Петра III.

Трудно сказать, в какой мере сам Селиванов является виновником своего отожествления с Петром III. Если бы он даже и отрицал приписываемый ему титул, навряд ли этому поверили бы вступившие на путь скопчества в чаянии будущих благ.

Характерно, что в то время как боги хлыстов, Саваоф — Данила Филиппович и Христос — Иван Тимофеевич, являются по своему социальному происхождению крестьянами, скопческие святые, в противоположность хлыстовским, — дворяне, цари и придворные.

Связывая с политикой двора процветание или упадок своих коммерческих операций, купец переносит эти взаимоотношения и в мистическую организацию, лишь видоизменив их форму фантастическими умопостроениями.

Легендарным версиям о царственном происхождении наиболее чтимых скопцами лиц немало способствовало, повидимому, то обстоятельство, что первый скопческий корабль в Петербурге начала XIX в. приютился, по выражению Надеждина, «в кругу гвардейских офицеров, под священною сенью самих чертогов царских».

Придворный лакей Кобелев уверял, что живущий в доме купца Солодовникова старец (Селиванов. *Н. В.*)— «искупитель», и он же Петр III, «простер уже так далеко свою дерзость,что осмелился приглашать к называемому скопцами «искупителю» молодых гвардейских офицеров».

«Осьмнадцать лет, — читаем мы у Надеждина, — прожил Селиванов в Петербурге, боготворимый своими поклонниками, известный высшему правительству и самому государю-императору, удостоивавшийся личного посещения от важнейших тогдашних государственных чиновников».

В числе самоотверженных поклонников Селиванова, с помощью богатых скопцов перебравшегося из Иркутска

в столицу, кроме лакея Кобелева, мы находим известного купца Колесникова, по кличке «Масона», весьма близко стоявшего ко двору Екатерины II и Павла Петровича. Затем — отставного придворного камердинера, Алексея Петровича, и бывшего камергера короля польского, Алексея Елянского, поступившего на русскую службу и потом ушедшего в отставку в чине действительного статского советника. Разумеется, свидетельства столь близко стоявших ко двору лиц принимались купеческой массой с должным доверием.

Правительство относилось к скопцам чрезвычайно благосклонно. Общая терпимость, проявлявшаяся царским двором по отношению к скопчеству, объясняется мистическими настроениями придворной аристократии, следствием которых явился кружок Татариновой. Члены его часто бывали на скопческих и хлыстовских радениях. Сообщество это отличалось от скопческих «кораблей» лишь тем, что в нем отсутствовал акт оскопления. В числе его членов были: статский советник Пилецкий, сыновья тайного советника Милорадовича, статский советник Попов, гофмейстер Кошелев, князь Елпидифор Енгалычев и даже князь Голицын, министр просвещения и духовных дел, иногда присутствовал на радениях.

После всего сказанного, нас не должно удивлять, что Селиванов добился «чести» благословить Александра I на войну с французами, а по изгнании неприятеля послал Колесникова в 1812 г. за границу к государю с просфорой и благословением. «Был от государя и от вдовствующей государыни Марии Феодоровны щедро награжден и, кроме того, имел жалованные от государя три богатых кафтана».

Роль Селиванова в то время во многом напоминает нам роль Григория Распутина; разница лишь в том, что последний добился почестей и обоготворения за необыкновенное распутство, в то время как Селиванов подвизался в целомудрии.

Жил Селиванов в это «золотое» время расцвета скопчества в доме миллионера купца Солодовникова, являвше-

гося центром торгового скопческого мира. В числе заправил центрального «царского корабля спасения», к которому за благословением «искупителя» тянулся торговый и прочий люд со всех концов Империи, принося богатые дары, состояли купцы Ненастьевы, Костров, Васильев, Колесников, почетный гражданин купец Садовников, первой гильдии купец Антонов, племянник его, купец Никонов, Кобычев, Попов и др.

Об этом счастливом времени так повествует скопческий распевец:

Открыв прежде всего тайну — святой круг,
Чтоб присутствовал в сердцах святой дух,
Во-вторые, дал знать всем царским родам,
Всем вельможам, сенаторам, господам —
Среди Питера выстроен был дом,
Самому Христу прибежище в нем.
Протекал там живой воды тихий Дон,
Разлилась там Сладим-река.
На стране были евангелистами Марко и Лука,
Стеречь всему дому мастера.
Там написаны были златые литера,
Под названием: «Святой храм».
Сходилися, съезжалися со всех стран,
Не боялись иудеев, черных вран.
В лавре были белосветские скопцы,
А садовнички были все духовные дельцы,
Торговали иноземные купцы.
Это было злато время и пора,
К нам явилась благодатная гора,
Посвящала благоутрення заря.
Искупитель назвал Питер «Сион-град».
Пресчастливы, преблаженны те года.
Приходили к нему царские рода,
Все со страхом покоряли сердца,
Прославляли искупителя-отца.

Большинство скопцов убеждено еще и до сей поры, что «искупитель» жив и пребывает где-то в Суздале, чтоб в один прекрасный день чудесным образом явиться к «верным праведным» и начать страшный суд на земле, после которого «белые голуби» получат вечное блаженство, а «волки» и «враны», т. е. мирские люди, не-скопцы — вечное мучение.

По мере роста торгово-промышленных предприятий и сосредоточения в руках скопческой верхушки миллионных капиталов скопцы уже не удовлетворялись молчаливым нейтралитетом правительства, чаще всего купленным за деньги.

Играя огромную роль в торгово-промышленном и финансовом мире, скопцы, в лице уже упоминавшегося нами бывшего камергера Елянского, в 1804 г. выдвигают проект политического преобразования России.

Предварительно обосновав скопчество как высоконравственное и богоугодное дело, ссылаясь, главным образом, при этом на первых христиан-скопцов, Елянский представил Александру I «Проект о переустройстве России и божественной канцелярии».

Сущность проекта заключалась в том, что Елянский предлагал отдать в руки скопцов, как людей наиболее достойных «божьих сосудов», не больше, не меньше как всю полноту государственной власти.

Через скопческих пророков-праведников глаголет дух божий, а только от духа божьего и можно ждать спасения и на основе его правильно руководить народом. Скопцы благодаря своей «чистоте» являются несомненными носителями божественной благодати.

Селиванову, по этому проекту, должна была быть предоставлена главная государственная роль. Он, «боговдохновенный сосуд», должен постоянно пребывать при особе государя и давать ему советы. Во главе государства, таким образом, должен был стать Селиванов. При главе города, при капитане корабля или начальнике сухопутной воинской части также должны находиться скопец-учитель и скопец-пророк, указания которых должны выполняться, так как им помогает, за чистоту их, сам бог.

Себя самого Елянский предназначал в главные руководители и наставники скопцов, учителей и пророков, кои будут приставлены к воинским частям.

Отвергнутый проект Елянского затерялся в архивах, сам же он был сочтен умалишенным и заключен в суздаль-

ский Спасо-Ефимов монастырь. Это была первая и единственная попытка ушедшего в скопчество купечества добиться захвата государственной власти. Нечто подобное, но в значительно менее смелой форме, имело место в 1872 г., когда вновь обьявившийся на юге России, в Николаеве, Христос III, Кузьма Лисин, отправился к царю, чтобы совершить страшный суд на земле, но был в дороге арестован и после суда сослан на каторжные работы.

Писавшие о скопчестве попы и чиновники изумляются «беспримерной дерзости фанатика» Елянского. Но если принять во внимание, что скопческий капитал выражался в десятках миллионов рублей и что сами они были нередко награждаемы высокими орденами и всяческими знаками отличия, проект Елянского покажется нам скорее проявлением нерешительности и робости, чем «дерзости».

Обратимся к характеристике скопческого культа.

Основным фактором, гарантирующим спасение, является, по понятиям скопцов, абсолютное воздержание от половой жизни, что может быть достигнуто только путем оскопления, т. е. обрезания детородных уд. [1]

«Возлюбленные мои детушки, — обращается в послании к скопцам Селиванов, — берите истинного отца своего крепость, дабы ни малейшая не одолела вас слабость и грех-лепость, [2] ненавидит бо душа моя лепости; она, яко вселютейший змей, всю вселенную пожирает и от бога отвращает, да и до бога не допущает...

О, любезные детушки, все таковые, имеющие в себе ле-

[1] Оскопление женщин было введено уже после того, как Селиванов в 1820 г. был заключен в Суздальский монастырь. Ввел его будто бы скопческий «пророк» Громов в Костромской губ. Когда «искупителю» доложили об этом, он ответил: «Я за сестринскую чистоту не страдал: сестринская чистота — пост и молитва» (из рассказа скопца Г. М.).

[2] Лепость — слово, означающее половые отношения между мужчиной и женщиной: любовь, страсть и т. д.

ность, лишены будут вечного блаженства, которое истинный ваш отец-искупитель обещал любящим его и соблюдающий чистоту и девство; ибо девственная чистота сия — приятная богу жертва, и девственники предстоят у престола божия...

До гробовой доски надо всей плоти своей бояться, и иной, скопивши своей плоти некую часть, да и говорит: «Я теперечa прав». Нет, еще хорошенько коня направь, чтобы влево не увез, и вожжи не покидай из рук по смерть; и не верь коню, что смирен, а сиди, не дремли, а всегда в небо гляди и на то надейся, что семьдесят лет богу служили, и не верьте плоти — ни молодой, ни старой: при смерти обманет.

Так-то иной конь, чуть жив и со двора не может сойтить, а того и гляди, что ушибет; так-то и иной простяк «скопится» да и говорит: «Ну, теперь я оскопился», а, глядишь, к запрещенному древу к смертному подкатился да и говорит: «Сестрица, я теперь бессомненной. Мы теперь про бога можем говорить». А, глядишь, на обоих платье и горит...»

Следующим по важности моментом после оскопления в скопческом культе нужно считать радения, назначение которых, с одной стороны, славословить господа и ликовать перед ним, с другой — убивать грешную плоть.

Мольбища, или «беседы», устраиваются чаще всего накануне христианских праздников, в день именин или по указанию пророка.

Приходящий в «собор» (на беседу) кладет перед образами три земных поклона, крестясь обеими руками, как это вообще принято у скопцов. При этом держит в руках «покров», т. е. платок, сложенный углом. Повернувшись направо, кланяется земным поклоном сначала «братьям», затем «сестрам», говоря при этом: «Здравствуйте, братцы (сестрицы), с милостью божьей, за святые молитвы спаси, господи». Затем отдает четыре поясных поклона на все стороны и садится: мужчины — по правую сторону угла с иконами, женщины — по левую. Мужчины одеты по-

Радение корабельное.

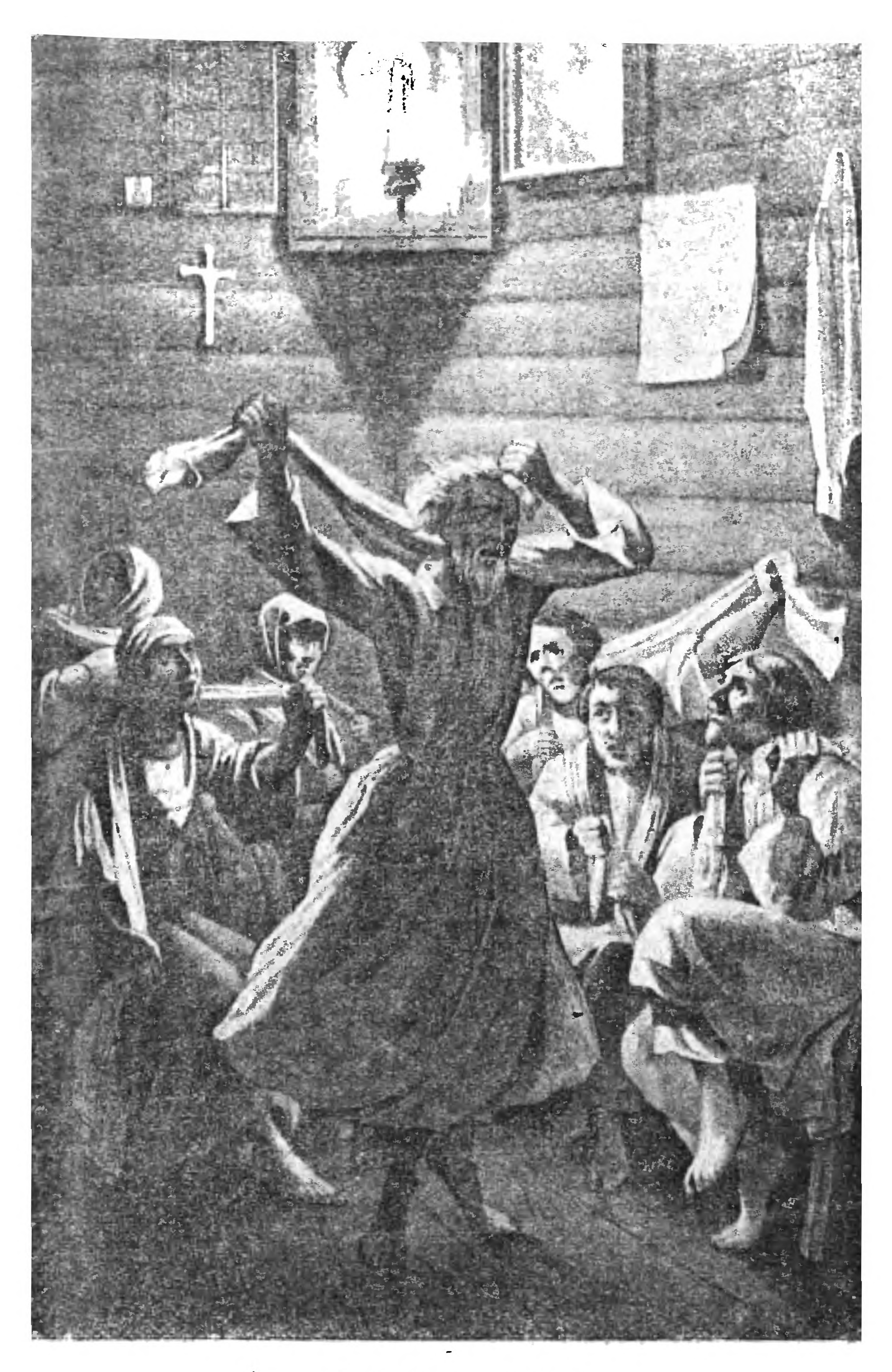
верх нижнего белья в длинные белые рубашки, подпоясанные пояском, женщины — в обыкновенных цветных платьях и большей частью в белых кофтах.

Беседа начинается общим хоровым пением нескольких распевцев, после чего тот, кто устраивает беседу, т. е. именинник или родственник умершего, если беседа по случаю поминок, обращается к избранному им «брату» с просьбой о пророчестве. «Верные-праведные, попросим сестрицу (такую-то) (или братца) о милости божьей». Собрание поддерживает: «Просим» или «Дай, господи». Просимый пророк или пророчица выходит на середину зала («выходит на святую округу»), делает земной поклон и говорит: «Братцы и сестрицы, простите и благословите». Отвечают на это земным поклоном. «Пророк» запевает, собрание вторит хором:

Дай нам, господи, Иисуса Христа,
Дай нам сына, государь божий,
И помилуй, государь, нас.
С нами дух, государь, святой
Господь, помилуй, государь нас.
Пресвятая богородица, упроси, матушка, об нас
Света-сына своего, бога нашего, света.
Свет, тобою спасены,
Государь, души наши.
Много грешных на земле,
На сырой, государь, земле,
Свет на матушке,
Свет на матушке-государыне,
На кормилице.

По окончании молитвы, считавшейся особо действенной, «пророк» повторяет три раза» «Христос воскрес», делает небольшую паузу и затем говорит нараспев:

«Благослови, мой батюшка, благослови, мой государь отец и сын, дух святой, десной, батюшка, рукою наряди меня слугою. Подари своей трубою живогласною, святою поди, батюшка, со мною, не могу я сам (сама) собою на округу божью стаи, пошли своей благодати и живой святой воды. Завладай мной, искупитель, всеми жилами

Радение одиночное.

костями, прикати, агнец божий, со небесными вестями, со духовными радостями.

И батюшка искупитель, Александр, свет Иваныч, с Преображенскою горою, и матушка-царица, Акулина, свет, Ивановна, и Мартынушка-пророк, благовестничек христов, прошу ваш святой покров».

После этого начинается уже пророчество, сначала общее — на тему о грядущих скопцам благах, о всевидении «батюшки-искупителя», о его близком пришествии, о необходимости терпения и веры и т. д., а затем пророчество частное т. е. каждому в отдельности или некоторым.

Пророчества заканчиваются словами: «Оставайтесь, праведные, бог с вами, три покрова над вами; доволен дух святой вами; покати, агнец, со словами во седьмые небеса, прости мои немощные телеса».

Затем начинается радение; если же обстоятельства не позволяют радеть, его заменяют общим чаепитием. По степени важности радения в скопческом богоугождении занимают второе место после оскопления. В народе они известны под названием «скаканий», или «кружений» сами же скопцы называют их «духовною баней», «пивом духовным, чувствительным» («пивушко то человек плотскими устами не пьет, а пьян живет»), «божией работою» «израильской» и т. д.

Радения, или кружения, бывают одиночные, когда пророк или пророчица кружится на одном месте слева направо — «посолонь», т. е. по ходу солнца. По рассказам скопцов, некоторые в одиночном радении доходят до такой быстроты, что радельная рубашка натягивается как парус. Далее идут радения общие, основные виды которых: кораблем, стенкой и крестиком. Не вдаваясь в подробности различных видов скопческих радений, отметим что все они сопровождаются пением соответствующих распевов и большей или меньшей интенсивностью движений. Радения продолжаются иногда далеко за полночь, а в некоторых случаях — и всю ночь. Пот льется с ра-

деющих градом; платье промокает так, что «нигде нет сухого места». Окна закрыты наглухо, притока свежего воздуха нет.

«Духота такая бывает, что я после этого несколько дней чувствую себя больным», рассказывает нам скопец С. Л. Сами скопцы объясняют радения тем, что они ликуют и кружатся, восхваляя бога, как это, согласно Библии, делал царь Давид.

«Давид и все сыны Израилевы играли перед господом на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева — и на цитрах, и на псалтырях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах».

«Давид скакал из всей силы перед господом; одет же был Давид в льняной ефод. Когда входил ковчег господень в город давидов, Мелхола, дочь Саула, смотрела в окно и, увидев царя Давида, скачущего и пляшущего перед господом, уничтожила его в сердце своем. И сказал Давид Мелхоле: «Перед господом, который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа господня, — перед господом играть и плясать буду; и я еще больше унижусь и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих, — я буду славен».

Повидимому, в наказание за насмешку над Давидом («Царства», кн. II, гл. VI, ст. 5—22) у Мелхолы, жены его, не было детей до самой смерти.

Считая себя по «чистоте» почти равными ангелам и святым, скопцы еще на земле восхваляют бога так же, как и ангелы на небе. Скопцы весьма дружелюбно приняли учение немецкого мистика Якоба Беме, которое проникло в Россию в конце XVIII в., сначала в круги дворянской интеллигенции (Новиков и др.), а затем в купеческую среду.

По учению Беме, между человеком и ангелом разница лишь в том, что тело последнего не столь жестко и отсутствуют детородные органы. Вообще же и люди и ангелы сотворены по подобию бога и большого различия между ними нет. В каждом человеке, кроме души, есть еще осо-

бый «дух», являющийся непосредственной искрой бога Чтобы приблизиться к божеству, уподобиться бесплотны ангелам, нужно эту божественную «искру», не взирая на тело, развивать.

При желании, человек, еще будучи на земле, может воссоединиться с божеством. Два основных начала борются в мире: добро — от бога и зло — от Люцифера Сатана силен на земле и губит человеческие души, прель щая жаждой скоропреходящих земных радостей «О, горе, бедный, ослепленный человек! Зачем позво ляешь ты дьяволу делать тело твое и душу такими тем ными и слепыми? О, преходящее благо и наслаждение сей жизни, слепая блудница, зачем любодействуешь ты с дьяволом?»

Беме так описывает ангельские занятия: «Как когда малые дети пойдут в мае в цветущие поля, и их там иногда соберется много, и они дружески беседуют между собою и срывают множество различных цветочков и, нарвав, несут их в руках, и затевают веселые хороводы и потом, от радости сердца своего поют и веселятся, — так делают и ангелы в небе, когда соберутся из разных воинств».

Как ангелы «водят хороводы на небеси, славя созда теля», так и скопцы на земле, обливаясь потом, уподо бляют себя духам бесплотным.

Более или менее быстрые движения, связанные с рели гиозным экстазом, столь же древни, как и сама религия Смысл религиозных плясок, прыжков и кружений можно понимать двояко: с одной стороны, благодаря им челове приходит в ненормальное состояние экстаза и, таким образом, на некоторое время как бы сливается с боже ством и постигает частицу его существа, «непостижимог разумом».

С другой стороны, пляски в культе могут быть рас сматриваемы как способ увеселения божества. Так же, ка на земле человек тешит господина, тешит он и свое божество.

Некоторые религиозно-магические пляски могут быть объяснены как подражание движениям животных, явлениям природы и т. п. И, наконец, особый вид непроизвольных движений почти всегда является следствием, а затем и причиной необыкновенно сильного религиозного экстаза.

Не говоря уже о примитивных народах, каковы, например, туземцы Маркизовых островов австралийцы, африканские негры и др., у которых пляски являются одним из главных видов общения с божеством, мы находим их и в классических религиях древнего мира. В Индии некогда существовала «пляска солнца». Мексиканцы и перуанцы (времен открытия Америки) совершали торжественные кружения и прыжки с головою жертвы в руках; религиозные пляски имели место в Китае, в Греции, в Риме, словом мы встречаем их почти во всех древних религиях Востока и Запада. Еще задолго до того, как царь Давид, по библейскому сказанию, плясал перед господом, в Египте существовала пляска Аписа или Озириса. Пляска происходила при замене умершего священного быка новым. Обнаженные женщины проводили этого быка через город Мемфис, сопровождая шествие музыкой и плясками. По Библии, евреи, во главе с Моисеем, плясали, перейдя через Чермное море; плясали они также в честь победы над Голиафом.

Плясали греческие менады, жрицы Вакха, бога вина и плодородия. Заслуживает внимания, что менады, прыгая в исступлении, потрясали сделанным из дерева символом мужского детородного органа.

«Через лес, что растет по берегу моря, мчатся менады Масхалэ, яростно-грудые воют, тряся из сикоморы сработанным фаллосом. Увенчаны виноградными листьями, бегут и кричат они, прыгая, щелкают в руках их кроталы, а тирсы рвут кожу тонких тимпанов. Влажно-волосые, быстроногие, с бьющимися красными грудями, с потными щеками, с пеной на устах, они предлагают тебе обратно любовь, которую ты в них вдохнула».

Скопцы на беседе. (Рисунок скопца Савельева.)

В христианстве пляски известны со второго века. Святой Григорий-чудотворец ввел их в христианский культ в честь поминовения дней кончины первых мучеников за христианство. В Антиохии первые христиане плясали не только в церквах, но и перед гробницами святых мучеников.

В VI в. некий дьякон Гликерий совершенно перестал совершать службы: собрал вокруг себя молодых девиц и юношей и обучал их религиозным пляскам и песнопениям.

Современные крестные ходы являются, повидимому, пережитком древнехристианских радений (хореи). Абиссинские священнослужители пляшут во время богослужения еще и в настоящее время.

Для понимания скопческого культа важно учесть также и наследие славяно-финского язычества с его кудесничеством и волхованием, которые, как во всех шаманских религиях, были связаны с ритуальной пляской. Очевидно также влияние и весенних языческих обрядов «с кружением, вечерением и плясканием рук и с песнями бесовскими».

Весенние обрядовые песни и хороводы еще до сих пор имеют место даже и в не слишком глухих местностях нашего Союза.

Таким образом, хлыстовско-скопческие радения в развитии религиозных форм не являют нам чего-либо нового. По мере разочарования народа в действенности христианских способов богослужения, связанных с ненавистной казенной церковью, воскрешаются полузабытые формы древнеязыческих обрядов. Известной раставрации языческой обрядности способствовало, как ни странно, само христианство. В тексте священного писания имеется ряд мест, указывающих на то, что и христианство прошло через такие примитивные формы общения с божеством; с течением времени народная масса противопоставляла их официальному христианскому культу.

Следующим по важности моментом в скопческом

Скопец пророчит «на святом кругу». (Рисунок скопца Савельева.)

культе после оскопления и радений, является так называемый «привод новика», т. е. принятие в секту.

«Новик» обычно принимается в секту еще до операции оскопления. Прием обставляется следующим церемониалом: «позванника», или «новика», не вводя в собрание, одевают в «парад» (белую длинную рубаху) и оставляют с кем-либо из братьев в отдельной комнате.

«Учитель» обращается к собранию с такими словами: «Праведные, вам известно, что здесь есть душа, желающая стать на путь спасения. Согласны ли вы на принятие оной?» Разумеется собрание отвечает согласием. «Учитель» берет пук восковых свечей и раздает их всем присутствующим. Все следят за тем, чтобы не погасла ни одна свеча. Если какая-либо свеча погаснет, «привод» нужно начинать сначала.

После ряда дальнейших церемоний брат, убедивший «новика» вступить в секту, вводит его в собрание. Оба входят без обуви, в знак того, что место свято. «Новик» — без свечи и без покрова. Он еще не просветлен. Снова поклоны, кресты и, наконец, «учитель» ласково обращается к «новику»: «Ну, любезный, скажи-ка ты нам, чего ради сюда пришел?» «Новик» отвечает: «Богу молиться и душу спасти». — «Богу молиться? — это хорошо, но ведь молиться богу можно и в церкви... А тебя, видно, кто-нибудь поучил полюбопытствовать, что у нас делается».

После таких «сомнений» со стороны «учителя» и опровержений «новика» собрание на вопрос «учителя» отвечает согласием принять его в секту. Затем «учитель» знакомит «новика» с теми тяжелыми обязательствами, которые он на себя берет, с теми лишениями, которые ему предстоят. Привод длится несколько часов, и в заключение церемонии «новик» повторяет за учителем клятву: «Пришел я к тебе, господи, на истинный путь спасения не по неволе, а по своему желанию, и обещаюсь служить верно милосердному государю, батюшке-искупителю и про дело сие святое никому не сказывать — ни царю, ни князю, ни отцу, ни матери, ни родству, ни приятелю, и готов при-

нять гонения и мучения, огонь, кнут, плаху и топор, только не поведать врагам тайну». В некоторых случаях «новику» дается в руки икона, и он вслед за «учителем» произносит прощальные слова, означающие его полный разрыв с обществом: «Прости меня, господи, прости меня, пресвятая богородица, простите меня, ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся небесная сила; прости, небо, прости земля, прости, солнце, прости, луна, звезды, простите, озера, реки и горы, простите все силы небесные и земные».

Потом «новику» дают свечу и «покров» и заканчивают церемонию христосованием (без поцелуев).

Но «привод» является лишь первым этапом на пути к спасению «найденной души». Окончательно спасенной она будет только тогда, когда примет «полную батюшкину чистоту», т. е. оскопится.

Уходя в скопчество, скопец не порывает с православным культом, а, наоборот, внешне делается как будто даже более набожным, нежели раньше. Формально скопец остается православным христианином, ходит в церковь, бывает на исповеди, у причастия и т. п., но все это делается «страха ради иудейска». [1]

Не отрицая системы христианского культа, скопец тайно наполняет ее своим собственным содержанием. Это двоедушие и показная христианская набожность могут быть объяснены, с одной стороны, тем, что скопец подвергается осуждению, насмешкам со стороны общества и преследованию со стороны государства, с другой стороны, тем, что купцу и крестьянину-кулаку требуется такая организация, которая была бы и крепка, и выгодна, и вместе с тем не бросалась бы в глаза, сохраняя внешние черты кулацко-купеческого благочестия. Открыто не порывая с христианством, скопцы, в пределах христианской церкви, создали свое собственное, рассчитанное на обслуживание кулака и купца времен крепост-

[1] Скопцы-финны в Ленинградском округе формально остались лютеранами, посещают кирку и т. д.

ного права, христианство, со своим «Христом» — Селивановым, «богородицей» — Акулиной Ивановной и другими «святыми», являющимися копиями с христианских святых. Большинство христианских обрядов в несколько видоизмененной форме вошло в скопческий культ. Вместо таинства причастия, скопцы практикуют освящение хлеба или баранок на могиле Шилова и потом раздают их после радения как величайшее таинство. У скопцов есть свои скопческие иконы, всяческие реликвии и даже «святые места» (Шлиссельбург — могила Шилова, деревня Сосновка, Тамбовской губ., где был высечен полковником Волковым Селиванов, и дом Солодовникова в Ленинграде, где жил Селиванов). В могиле Шилова, до ее перестройки, были сделаны два специальных отверстия, в которые спускали для освещения хлеб и баранки. Почитаются как реликвии даже еловые шишки, падающие на могилу со стоящей поблизости ели. Но наибольшей религиозной значимостью пользуются предметы, находившиеся в личном пользования «искупителя» или от него исходящие. К числу таковых принадлежит рубашка, в которой его высекли в деревне Сосновке в 1776 г. (находится нынче у рижских скопцов), обрезки ногтей, очески волос, яблочки, крестики, тесемочки и даже вода, которою он умывался. Дом, в котором 18 лет прожил Селиванов, еще и поныне стоит возле Ковенского переулка. Сейчас в нем детский очаг — такова ирония судьбы. Наиболее распространенные у скопцов иконы изображают Селиванова, Акулину Ивановну, Александра Ивановича Шилова и «пророка-страдальца» Мартынушку, убитого хлыстами.

Евангелические скопцы, главным образом финны Ленинградского округа, Селиванова и других основоположников скопчества за святых не почитают. Зато у ленинградских скопцов-финнов преобладают иконы аллегорического характера: архангел Михаил, поражающий мечом поверженную на землю плоть в образе беса, архангел Михаил на белом коне, «тайная вечеря», которую скопцы понимают как радение, Христос, ведущий за собою стадо

белых барашков, и т. д. В этнографическом отделении ленинградского Русского музея хранятся три скопческие иконы-аллегории, отобранные у скопца Кострова еще в половине XIX в. Одна из них изображает скопца в белой рубашке, прикрывающегося мечом с изображенным на нем крестом; скопец обороняется от летящего к нему с луком и стрелами купидона. Под купидоном надпись: «плоть». Отскакивая от щита, стрелы падают по ногам скопца. На другой иконе — своеобразное изображение дьявола в образе женщины, шествующего «за душой блудливого попа». Затем идут изображения страдающей плоти, «убеленного» отрока со сходящим на него в виде голубя святым духом и ряд других.

Но наибольшего развития религиозное творчество скопцов достигло в духовных стихах, или распевцах. Их у скопцов насчитывается около 500 (не считая особо почитаемых «страд», т. е. описаний страданий «искупителя» и его посланий к «детушкам» из Сибири и Суздаля).

Скопческие духовные стихи по своему содержанию можно разделить на три группы: 1) хвалебно-исторические, посвященные описанию жизни Селиванова, Акулины Ивановны и других скопческих святых, 2) обличительно пророческие, предсказывающие скорое пришествие Селиванова и ужасы грядущего его суда, 3) поучительные и бытовые.

Написанные простым, нередко художественным языком, понятным для малограмотного человека, скопческие распевцы являются одним из актуальнейших приемов агитации.

Лиричный, полный народных образов, исполняемый хорошим скопческим хором, распевец несомненно обостряет религиозные эмоции вовлекаемых в секту. Касаясь скопческих распевцев, следует сказать о двух их характерных особенностях. При сличении русских народных песен XVIII и первой половины XIX веков, не трудно убедиться в том, что в большинстве своем скопческие распевцы являются по форме весьма схожими со светскими

песнями, а некоторые очевидным сходством не оставляют сомнения, если можно так выразиться, в массовом сектантском плагиате.

Наполняя прежнюю форму народных русских песен своим скопческим содержанием, поэты тем более были доступны скопческим массам... Та же мелодия, привычная, понятная и соответствующее настроениям содержание.

Вопрос этот представляет несравненно больший интерес, чем могут вскрыть посвященные ему строки. Попутно с разрешением вопроса о сектантской культуре стиха и речи, наши советские фольклористы должны будут вскрыть особенности современного сектантского стихомолитвотворчества. В какой например связи находятся с сектантской «культурой» стиха и вообще с его историей приемы современных чуриковцев, евангелистов, баптистов и др. сектантов, перекроивших на свой лад не только произведения Лермонтова, Байрона, Пушкина и других, но даже и наши революционные песни борьбы, вплоть до последних комсомольских новинок, вплоть до переделки под сектантский лад боевого гимна революционных масс— «Интернационала».

Лучшие перлы творчества евангелиста И. С. Проханова оказываются или перепевами с переводов западно-европейских лириков, или результатом «скрещивания» Вл. Соловьева с Мережковским, Андреем Белым и другими поповствующими.

Второй важной особенностью скопческих распевцев является их специфический, торгово-приказчичий тон. «Золотая гора», «дорогой товар», «нет цены ему», «подарил рублем», «покупайте, не жалейте вы цены», «не скупитесь», «на весах верных» и т. п. образы повторяются в ряде скопческих распевцев. Подобного рода распевцы в значительной части являются подлинно скопческим фольклором.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ И СПОСОБЫ ОСКОПЛЕНИЯ

Операция оскопления у первых скопцов-сектантов заключалась, как это видно из архивных дел, в отжигании раскаленным железом яичек («огневое крещение»). Впоследствии, «снисходя к слабости человеческой» как говорят скопцы, столь мучительную операцию заменили обрезанием мошонки с яичками при помощи бритвы, ножа или какого-либо другого режущего орудия.

Удаление одних яичек, по позднейшим воззрениям скопцов, не гарантировало окончательного убиения «лютого змия — лепости», поэтому впоследствии скопцы стали отрубать также и ствол. Яички скопцы называют «картошками», «удесными близнецами», «ключами ада» и т. д., ствол же — «ключом бездны», понимая под «бездной» женский половой орган.

Основываясь, главным образом, на исследованиях специалистов в области физических последствий оскопления и на некоторых личных впечатлениях от общений с молодыми скопцами, мы можем сказать, что удаление семенных желез, особенно в зрелом или юношеском возрасте, до некоторого времени не лишает скопца способности иметв половые сношения. Что же касается полового влечения вообще, то оно, как с горькой улыбкой выразился в разговоре с нами один молодой скопец, «сколько ни вырезай, а все равно будет...» Он оговорился, что это не вполне то чувство, «которое испытываете вы, не-скопцы,

но все-таки женщина во мне всегда что-то вызывает, понимаете, есть какое-то влечение...»

Из прошлой истории скопчества и из жизни современных скопцов мы знаем случаи, когда женились скопцы не только с обрезанными «ключами ада», но и «с ключом бездны».

Нам известно несколько случаев, когда после революции оскопленная молодежь женилась, или же сейчас собирается жениться. Если несчастен скопец вообще, то вдвойне несчастен скопец женившийся, у которого к мукам физиологическим примешиваются мучения социально-этические, вызванные сознанием утерянных безвозвратно сил мужчины-мужа. Жены скопцов или уходили также в скопчество, или же, как это имело место в Сибири, по рассказам скопцов-стариков, убегали. Операция удаления семенных желез называется у скопцов «первая чистота», «малая печать» или «сесть на пегого коня». Обычно выражение: «оскоплен по первой части». Чаще всего обрезание ствола происходит несколько лет спустя после «первого убеления», или оскопления.

Чтобы оскопленный «по первой части» непроходимой стеной отгородил себя от окружающего мира, его начинают уговаривать принять «полное убеление», т. е. дать отрезать «ключ бездны». «Все равно, ты теперь уже не такой, как мирские. Тебе же будет легче. И теперь не будет никакой боли, будешь как ангел бесплотный». Операция производится отсечением ствола стамеской или топором; человек получает «большую печать», «царскую печать», или «вторую чистоту». С «пегого коня» скопец пересел на «белого коня». Никакого церемониала, сколько нам известно, при этом не существует. Оскопляются где угодно и где попало. Разумеется, оскопители — из своих же собратий-скопцов. Некоторые «мастера-оскопители», напрактиковавшиеся в течение многих лет в оскоплении, пользуются особым предпочтением. Такой популярностью в настоящее время пользуется Алексей Максимович Гармизов, который практикует не только в Москве, но будто

Царская или «большая печать» у мужчины (ампутированы яички и ствол.)

бы даже ездит по приглашению в Финляндию. В числе медикаментов, которыми он останавливает кровь, видное место занимают лед и смола. Неменьшим авторитетом пользуется и бывший миллионер, ныне лишенец, Дмитрий Иванович Ломоносов,[1] оскопивший и двух своих братьев. Некоторые скопцы, не довольствуясь второй «царской печатью», носят «божий товар», употребляя скопческую терминологию, под тремя печатями. Третья печать — «во имя духа святого» — выражается в отнятии у мужчин части грудных мышц. По имеющимся у нас сведениям, исходящим от скопцов, такие печати имеют проживающие в Ленинграде скопческие пророки-учителя Иван Ковров и Павел Григорьев. По непроверенным пока рассказам скопцов некоторые

[1] Осужден в январе 1930 г. по процессу ленинградских скопцов.

евангелические скопцы-финны имели даже по пяти печатей, в честь пяти ран Христовых. Первая печать — яички, вторая — ствол, третья и четвертая — две грудные мышцы и пятая — вырез на боку в виде треугольника. В материалах по скопчеству проскальзывают указания на шесть и восемь ран, якобы наносимых себе скопцами в уподобление шестикрылым серафимам и херувимам, но так как источники этих сведений недостаточно выяснены и притом в дальнейшем не подтверждаются; мы не беремся утверждать факт наличия у скопцов обычая наносить себе более трех печатей. И даже третья печать, повидимому, свойственна лишь наиболее фанатически настроенным евангелическим скопцам и большинством осуждается.

Вследствие того что оскопитель берет с оскопляемого клятву не рассказывать, кто и как оскопил, вопрос этот до сих пор представлял много неясностей. Единственное, достаточно добросовестное исследование принадлежит Е. Пеликану, к которому мы и отсылаем читателя, желающего подробнее ознакомиться с характером изуверской операции.

Сами скопцы, заранее подученные оскопителями, чаще всего объясняют на суде свое оскопление случайностью или сваливают вину на умершую «бабку», «деда», прохожего цыгана-коновала и т. д. Часто ссылаются на то, что был оскоплен в пьяном виде, неизвестно кем — в поле или на дороге.

«Полез на черемуху, сук обломился, и я упал, зацепившись мошонкой за плетень. Так на плетне и остались висеть они. . .»

Другого «лягнула лошадь в причинное место. Яички стали болеть и отгнили». Современные скопцы не в пример откровеннее. Оскопились, — говорят,—добровольно, или в детстве, по молодости, сваливая вину на умерших или опять-таки на неизвестных «старичков». Тем не менее мы имеем хотя и редкие, но правдивые описания или рассказы этого жуткого акта. Приводим лишь те, которые не

«Царская печать» у юноши.

оставляют сомнений достоверности и получены нами от самих скопцов.

Молодой скопец N оскоплен по первой части 14 лет. Оскопил дядя, у которого жил в работниках. «Сначала он очень хорошо со мной обращался, — рассказывает N,—кормил хорошо и жалел меня, работать тяжело не заставлял. Потом стал говорить: «Тебе тоже надо сделать, как я. Так будет лучше. Хорошо жить будешь. Будешь святой, и душа будет как у ангелочка. Ходить никуда не надо будет, и семьи не будет, заботы не будет. Будешь богатый, один жить». Я все не хотел. А он говорит, что четыре шубы енотовых мне отдаст и дом подпишет мне, все будет мое. Потом показывал коробку: в ней золото и серебро. Это тоже, — говорит — тебе отдам». —Ну я говорю: «Что же, да-

вам сделаем и мне». Потом мы сходили в баню, попили чаю. Дядя сходил и принес нож. Острый, острый. Чем-то мазал его, весь блестит. Перевязал мне бечевкой, потом принес такой дерева брусок и велел мне встать к печке. Он поставил брусок на скамейку и положил их на него. А потом поставил нож и по ножу молотком как стукнет — они и отскочили. Сначала не больно было, а потом больно».

Следующий случай массового оскопления пяти человек взят нами из рукописной автобиографии скопца по обеим печатям Г. М.

«В одну роковую ночь, — вот не помню, с вечера или позднее, кажется, последнее вернее, — совершилось нечто, необыкновенная картина: оскопление в этот вечер или ночь пяти человек мужского пола за одним махом, на моих глазах, поочередно, — я был последним. Как сейчас вижу совершившееся. В нижнем помещении, т. е. в нижнем этаже, помещение в одну большую горницу, не помню — были ли на улицу окна, а во двор было три и выход один, другая лестница наверх. Дело происходило так. Все мы собрались внизу по возрасту; из пятерых один был приезжий из села Рождественского, в 15 верстах от города, кажется некто Матвей, мужчина лет 45, не помню — женатый или чуть ли не семейный; второй и третий — хозяина два сына, Иван, лет 20, и Михаил, 18 лет. Четвертый—казак из Солодянки, подгорное село казачье, лет 20, Илларион Филиппов-Сергеев, и потом я, пишущий эти воспоминания. Мне шел 10-й год. И шестой — сам мастер оператор, хирург, Яков Иваныч, 50 или 55 лет.

Никаких приспособлений не было, в комнате тепло, на полу рубочное деревянное корыто с водой; конечно, окна занавешены; заранее приготовлены подвязки и пластырь на раны; из чего приготовлена мазь — не знаю. При всех первых четырех операциях я присутствовал и смотрел, как происходило обрезание детородных уд. Подходит человек, конечно без кальсон, к корыту, становясь вплотную ногами к нему. Мошонка перевязана тонким шнурком или просто толстой суровой ниткой; обыкновенный, вроде сто-

лового, нож, остро наточенный. Яков Иваныч берет его, и раз! — уды шлеп на пол; кровь пошла в корыто; пока не стекает надлежащее количество крови, оскопленный стоит, а затем накладывается намазанная мазью тряпка, чисто холщевая, накладывается ватная подушечка и подтягивается подвязкой, прикрепленной к поясу, нарочно для этого шитого из материи или холста; протягивается меж ног соединяется с поясом на пуговице, — и процедура готова, человек хоть куда идет, и незаметно для постороннего глаза, что человек с раной главной части тела. Таким манером второй, третий, четвертый—только уды шлепают на пол, и образовалась куча яичек человека. Так очередь за мной—пятый. Как сейчас вижу взял я от Якова нож, брусок и давай точить, поточил по-моему хорошо, а чего уж тут наточил, — все смеются надо мной; подошел к корыту ближе, и Яков берет ножик, чирк—и готово дело, наверное я все-таки испугался. Кровь не пошла сначала, я, конечно, отошел от корыта, прошел по комнате, все смеются надо мной — вот-де какого молодца, дескать, подстрелили. Кровь пошла, сколько требовалось, и так же подвязали, завязали, и все кончено, вылили воду с кровью на двор, сожгли в топившейся печке уды с десятью яичками, только треск стоял в печи, как дулись и лопались негодные.

Все совершилось, и, как ни в чем не бывало, поднялись наверх и разлеглись на полу повалкой на кошме, шутим между собой, и уже утро. Старший сын хозяина, Иван, говорил в шутку: «Лизаньку приколите», т. е. оскопите. Мы все смеемся. Вот почему сам хозяин уклонился от оскопления, не знаю — хитрый мужичонка: семью всю допустил, а сам увильнул. Ладно, лежим как в больнице, в операционной палате. Около обеда приходит из дома Лариона Сергеева сноха, жена старшего брата, бойкая баба. Она разыскивает Лариона. Начала шуметь, кричать, грозить доносом — «давайте Ларю!» Мы все лежим в горнице и слушаем, что дальше будет, — а ну-ка ворвется в зало... Затем решили: выйти Лариону и успокоить бабу. Вышел конечно бледный. Она, как увидала его,

заорала во все горло: «Зарезали Ларю». Тот успокаивать стал, говорит: «Ничего подобного». Но не тут-то было, кричит: «Меня не проведешь». Ушла, после нее хозяин повесил голову: значит, конец — докажет, и сегодня же арест. Решили мастера и маму со мной в эту же ночь отправить в Златоуст. Наготовили тряпок с мазью для перевязки моей ранки. Пришла ночь, часов в 12 мы выехали из Баболева. Хозяин дал лошадь. Холод стоял, зима, декабрь или январь — не помню. Поехали быстро, на ухабах мне делалось больно, но я терпел. Трудно было при перевязке на квартирах. Конечно, приходилось маме где-нибудь в сарае или в конюшне делать перевязку. И вот тряпки холодные; когда накладывает на ранку, как огнем обожжет от холодной тряпки; но ничего — терпел, хотя вздрагивал.

Оказывается, баба, сноха Ларнона, вернувшись домой, сообщила все местному попу, у которого Ларион Сергеев был на замечании как сектант. Поп — становому, этот — исправнику, последний — судебному следователю. Пока шла эта процедура — и день весь, а ночью приготовились накрыть нас всех, молодцов. И вот, только что мы съехали со двора, не проехали еще города, а уже дом Баболева окружен кругом полицией. За нами отрядили погоню, но не могли догнать — дорог много, не знали, куда поехали. Бросили погоню: конечно, весь дом арестовали — и в тюрьму. Больных четырех — в больницу. Пошло следствие, — и так далее. Больных лечили неудачно, долго мучили примочками — это мне уже говорили в ссылке».

Г. М. — сознательный убежденный скопец, что не трудно заметить по тому, как столь трагическое, неслыханное религиозное преступление он старается сгладить неестественным смешком.

Скопец по обеим печатям, Г. Л., недавно решительно порвавший с сектой, рисует совершенно иную картину.

По его словам, особенно мучительна боль после второго «убеления»: «8 месяцев я мучился. Особенно тяжело садиться. И все время за эти 8 месяцев надо носить в мочевом канале свинцовый гвоздик, а то зарастет, совсем за-

тянется. Когда стали второй раз резать, велели говорить. Христос воскрес».

Справедливость требует сказать, что смертные случаи от оскопления сравнительно редки. За все время существования скопческой секты достоверно известных случаев смерти вследствие заражения крови или вследствие других вызываемых оскоплением осложнений нам известно не более 10—15. Возможно, что это объясняется исключительной конспирацией, которой сопровождается акт оскопления, и смертные случаи поэтому нам мало известны.[1]

«Царская печать» у девушки (ампутированы до костей груди).

Оскопление женщин имеет следующие формы:

1. Отрезание или вытравление сосков — малая печать.

2. Полное удаление грудей — большая печать.

3. Шрамы — надрезы на грудях.

[1] Упоминаемый нами Пеликан сообщает и о других весьма редких случаях оскопления: 1) посредством введения в мошонку ланцета и перерезания семенных канатиков; 2) посредством перекручивания мошонки бечевкой, вследствие чего, якобы, атрофируются семенные канатики.

4. Вырезывание частей малых губ, иногда вместе с похотником.

5. Вырезывание верхней части больших губ с малыми и похотником.

Таким образом, благодаря сохранению яичников, фактического оскопления женщин не происходит.

О характере операции вырезывания грудей приводим записанный нами рассказ скопца N, лично видевшего процесс оскопления, в котором, к слову сказать, участвовала и его мать.

«Это было в конце 1919 г. Мне тогда было лет 11. Я со школы пришел. А на кухне у нас стояла печка. Возле печки был натянут полог, и за этим пологом стояла кровать. Смотрю, на кровати лежит какая-то незнакомая женщина. А потом приходит К. А. (старуха-оскопительница, известная по всей округе. Умерла года 2 тому назад. *Н. В.).* Я хоть мал был, а сметил, что что-то такое будет. Потом еще пришел один скопец Л.

Он стал спрашивать старуху, мол, по какому делу? Из разговора ихнего я понял, что скопить будут «сестру». А мне страшно любопытно, где и как будут делать.

Я все на кухне занимался, а тут мать меня выслала. Уложила спать, а мне не спится, хочется узнать. Я, как бы в уборную встал, а потом прошмыгнул за печку. Сижу и давай ожидать, что произойдет. Потом мать пришла на кухню и говорит: «Можно приступить».

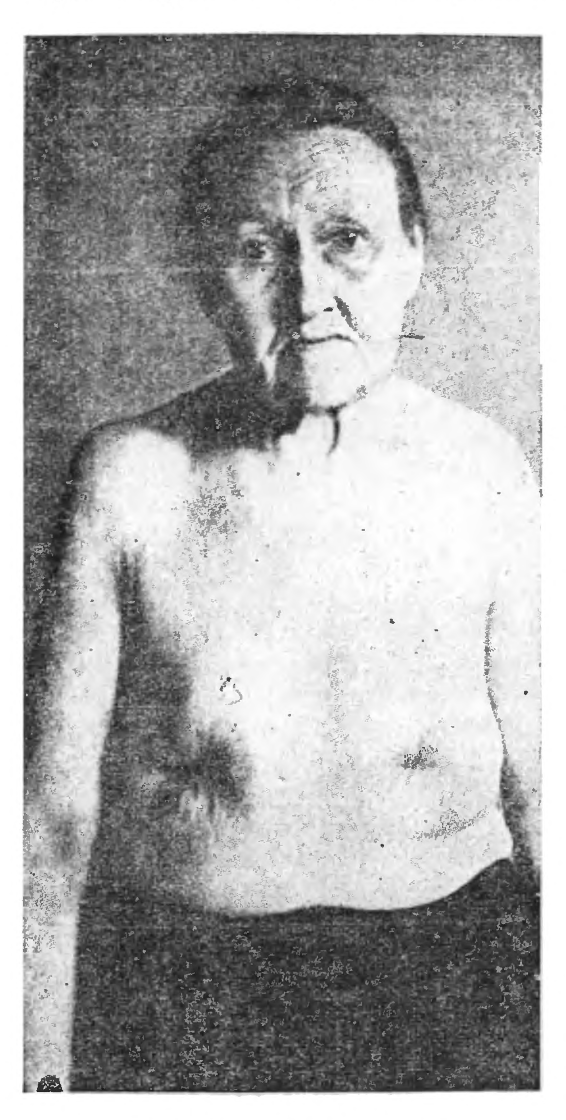
Ну вот эта К. А., у ней так-то руки дрожали, когда чай пила, а тут совсем стали дрожать.

Но, между прочим, она ловко к делу приступила. Вы-

Кроме того, известны случаи, когда скопчества добивались посредством перекручивания мошонки шнуром, в результате чего повидимому атрофировались семенные пути.

Подобные ухищрения были вызваны правительственными репрессиями в отношении скопцов, причем доказательством принадлежности к секте являлись в первую очередь обрезанные половые органы.

нули откуда-то нож, тонкий, длинный. Вытерли его начисто. Потом мама говорит: «раздевайся».

Старуха-оскопительница.

А та сидит на кровати, бледная какая-то, волоса растрепаны. Разделась она, кофту сняла. Подстелили какую-то клеенку на кровати. Так, небольшой клочок клеенки.

Потом К. А. говорит: «садитесь поудобней». Перевязали обе груди веревкой. Когда перевязывали, она как будто поморщилась, как бы от боли. Вот К. А. взяла нож, перекрестилась три раза обеими руками, подошла ближе, и мать подошла ближе и еще одна скопчиха, припадочная она была. Окружили — мне и не видно. В это время ей стали резать, а мать быстро ей, и как будто не своим голосом: «Говори Христос воскрес. Говори: Христос воскрес!» Только это мать ей сказала, а они—уже готово, обе груди обрезали. Потом по-

ложили ее осторожно на спину и оставили так минут 20 течь крови. Кровь так — вроде фонтана — то больше, то меньше.

А они сидят, одна у головы — К. А., а другая — у ног. А потом с той, от крови, стал припадок (со второй старухой *Н. В.*), а я в суматохе выскочил — и в кровать».

После акта оскопления принятая в секту прозелитка из «пегой кукушки» превращается в «белую голубку».

Вопрос о физических и психических последствиях оскопления требует глубоких научных исследований.

Упоминавшийся нами доктор Пеликан указывает следующие физиологические особенности, свойственные скопцам:

1. Отсутствие способности к оплодотворению.

2. Изменение голоса: вместо тенора или баса, скопцы-кастраты, оскопленнные в детстве, на всю жизнь остаются с тонким, дискантным голосом.

3. Отсутствие волосяного покрова на лице и около детородных органов (в том случае, если оскопление произведено в детстве, 8—10 лет). Но зато волосы хорошо растут на голове кастрата и в преклонном возрасте меньше выпадают, чем у нормального человека.

4. Общий склад тела скопца принимает черты, характерные для женского организма, «не придавая ему, однако, — замечает Пелакан, — ни одной из тех прелестей, тех физических и нравственных качеств, которыми природа так щедро наделяет молодую, созревающую девушку». По своему внешнему виду как молодой, оскопленный в детстве, скопец, так и старый похожи на девушку или старуху. Молодой скопец по внешнему виду, голосу и мягким движениям сильно напоминает девушку. Лицо его необыкновенно нежного цвета, глаза кроткие, во всей фигуре чувствуется хрупкость. К 18—20 годам он начинает желтеть и блекнуть.

В 50—60 лет старого скопца трудно отличить от старухи. Дряблое, сильно ожиревшее тело, часто с отвислыми жирными грудями; бледное, сморщенное безбородое

лицо; пытливые, подозрительные глаза — таков внешний облик большинства скопцов в старости. На женщин сколько-нибудь заметного влияния в смысле изменения общей конструкции организма оскопление не производит. Операция «убеления» не лишает женщин ни половых чувств, ни способности к деторождению. Мы знаем ряд случаев, когда уходящие из скопчества скопчихи выходили замуж и имели многочисленных детей; конечно, в случае отсутствия сосков или грудей они прибегали к искусственному вскармливанию.

Современная наука экспериментальным путем установила, что кастрация вызывает глубокие изменения также и в психической сфере оскопленных. Однако такие отрицательные черты характера, как эгоизм, коварство, алчность, присущие в массе скопцам, скорее могут быть объяснены социальной средой, из которой, как было указано выше вербуются главным образом члены секты: торгаш, крестьянин-кулак, вливаясь в секту, придают ей характерные для своего класса психические особенности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МЕТОДЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ В СЕКТУ

Все сектанты вообще, как известно, — большие мастера «улавливать души», но скопцы в этом отношении далеко опередили все прочие секты. Нельзя не учитывать при этом, каким изуверским способом спасает скопец «уловленную душу». Успех скопческой пропаганды объясняется рядом причин по большей части экономического характера.

Совершенно ясны причины, побуждавшие купцов, Лагунина, Ненастьевых, Григорьевых, Милютиных и т. д., распространять скопчество на своих предприятиях. Из сотен стекавшихся на радения скопцов вербовались купцами и фабрикантами приказчики и дешевая рабочая сила. Те же соображения имеют место и в отношении деревенских «кораблей», во главе которых стояли и стоят до сих пор скопцы-кулаки. Секта скопцов может существовать и развиваться только за счет притока новых членов из мирской среды. Упорная, настойчивая пропаганда скопчества в миру является таким же необходимым условием дальнейшего существования секты, как дыхание для живого организма. И, наконец, страсть, с которой скопцы приобщают к скопчеству новых членов, может быть объяснена тем, что собственник-скопец, лишенный семьи и всего того, что дает нормальному человеку его потомство, старается иным путем продолжить свое существование и сберечь накопленное им имущество.

Основными средствами вовлечения в секту являются:

1. Пропаганда евангельских и библейских текстов, призывающих к скопчеству.

2. Оскопление малолетних.

3. Втягивание в долговые обязательства и экономическое закабаление.

4. Оскопление за деньги.

5. Наем в услужение бедных или безродных детей и оскопление их впоследствии.

6. Использование молодых скопцов и скопчих с целью привлечения в секту молодежи.

Все указанные способы являются достаточно действенными, но главное место занимают все же экономическое закабаление и заманивание малолетних. Закабаление это порою тонко замаскировано и выражается иной раз даже в форме материальной помощи бедняку.

Бывали случаи, когда скопцы покупали крестьянину лошадь или оказывали какую-либо другую материальную помощь бедняку, за которую впоследствии требовали соответствующей «платы».

Скопцы пользуются всеми средствами экономического и общественного воздействия, которые доступны богатому человеку в отношении бедняка.

Весьма характерно, что до последнего времени молодые скопцы, сами уже давно разуверившиеся в скопчестве, не только не отговаривали других, но, наоборот, завлекали в секту товарищей и подруг с неменьшей охотой и энергией, чем старые скопцы: «В яму падать, так хоть не одному»...

Оно и понятно: «к старому возврата больше нет».

Перед нами два документа. Две обыкновенных открытки, полученных нами от скопчих-девиц.

На одной изображена непорочная дева, опирающаяся на якорь, в прозрачной белой одежде, с сиянием вокруг головы и лучом, падающим на нее сверху. Эту карточку А. Н. подарила оскопившая ее старуха со словами: «Вот, и ты будешь такая же — Христова невеста». На другой изображен ангел в белой одежде и с белым барашком в но-

гах.[1] Эту открытку послала вовлекаемой ею в секту девице известная фанатичка, участница нескольких операций оскопления, проживающая в Ленинграде и по сие время, Пелагея Акимовна Бутинова. Вот что пишет она на обратной стороне открытки:[2] «Дорогая моя, Лукерья Кузминишна, поздравляю тебя спраздником са светлым, христовым васкресением, желаю встретийть в радости и в добром здоровьи. Так же и праведном во всяком благополучии, нибыло бы нигде нам скучна, чтоб. было визде весело, будем веселитца и с богом волитца. Живая водица будит с неба литца, а мы ею, грешные, станем насладитца, в любви единитца. И са всеми вместе слушать божьи вести, чтобы свою душу до царства довести. Поля».

Как редкий образчик скопческой письменной агитации, приводим письмо[3] скопца-фанатика, адресованное им одному лицу, которое он склонял в скопчество. Письмо это характерно не только как прием скопческой агитации, но и как документ, свидетельствующий о смешении религиозных понятий в скопческом миросозерцании. Между прочим, понятие о перевоплощении души выражено с еще большей ясностью в уже упоминавшемся нами письме Ермакова, к которому мы вернемся в главе «О современном скопчестве».

«Вы знаете,—читаем мы в письме,—что мы—падшие духи за самою, за свою гордость и за своеволие, то мы мучаймся извеков в века, и это когда мы помирайм, то наш дух пиреходит во мрачную плоть как в сонме—либо всобаку или в коня—в какуя-бо то небыло плоть, и так мучится во веки веков. Сам господь сказал во всякой крове есть моя душа, а как достигнуть царства вечного опять в свое прежние бытье, т. е. в прежний свой дом, избегнуть этих мытарств поганых,—то нада воткак, чтобы в тибе воскрес Христос навсегда, вы думаите он

---

[1] Сами себя скопцы называют «белыми овечушками», «бельцами-белоризцами», «Христовыми воинами небесного царя» и т. д.

[2] Сохраняем орфографию подлинника.

[3] Сохраняем орфографию подлинника.

воскреснит там, нет он всибе имино, и тогда увидишь сам все, как сказал господь: вы боги и внугри вас царство, нужно его узнать воплоте, как у почелы есть матка так и улидеи есть наземле спаситиль вечной славы тоже чиловек, вот больши всего что вечной жизни, у нас адам согрешил природою, то и мы патомки изгнаны тоже, а вот мы искореняим природу плотевную, и не хатим шить рубашки для мучимых душ, которой пербегают из плоти в плоть, нужна обрезаться и жить душевно и держать пост две седмицы или дажи три ни пить и ни исть нисколько, тогда сам увидишь, что делаится здесь; это будить 21 день, гос. сказ. можно получить чистатой и постом и молитвой, у нас есть духовной песни как славит творца и пророчиства, и мы спасайм тольк: сами сибе имейм горячию сирдечную любовь которой желают служить господу верой и правдой, мясо мы искушайм, потому что оно есть плоть отприхотий блуда дрянь пошаницу сеишь, и иш хлеб, а плоть сеишь иш плоть чиловек должин быть разумни и создан по образу господню, крестимся мы обоими руками, молимся усердно даже допоту и непримино со словами если будишь поступать так, то увидиш, как твой дух будить где обитать вечно, закрытаво нет ничего это достигнуть этого тогда не будит иметь невчем недостатка а все будит вдостатке и любви и радости вечной, чиловек ангил и можит навсегда быть лукавой и вмуки быть вечной, много еще писать да надо мишок лагать, чтобы куда сипать было можно, а мы задушевных братьев полагайм свои душы, если весь мир приобресть, а своей душе зделать пагубу, то какая польза будит нам если люди живут хорошо, а мы плохо надо и нам так жить и ничего не бояться не стыда не совисти, а поступать только именно для себя тогда и услышишь божей глагол свыши и ты будишь сын божей, мы пошли головушку сложить а дел божьих не отлажить.

Дорогой наш, единомыслинный и единосирдечный Воисуси Христе, NN, покорнейше мы Вас просим, напишите нам записку, в точности именно, на чем вы основайтесь и хчему ваше стримление, мы желаим отвас знать сирдечно и верно как можно не остафьте нашей просьбы к вам. Мы вам кланеймся сердечно на всегда, любящий вас».

Ту же мысль о развитии в себе души, божественной искры, приводит и И. Ермаков. Его письмо о самооскоплении является редким документом, свидетельствующим с живучести скопчества и умении его идеологов обосновать эту гнусную идею. Приводим его дословно.

О самооскоплении

«Религиозное развитие человечества, как и все на свете, шло постепенно. Как дитяти дают сперва азбуку, а не читают ему университетский курс, так и человечеству открылись через избранников божьих более высокие религиозные законы по мере развития, поскольку оно было подготовлено к восприятию таковых высших законов.

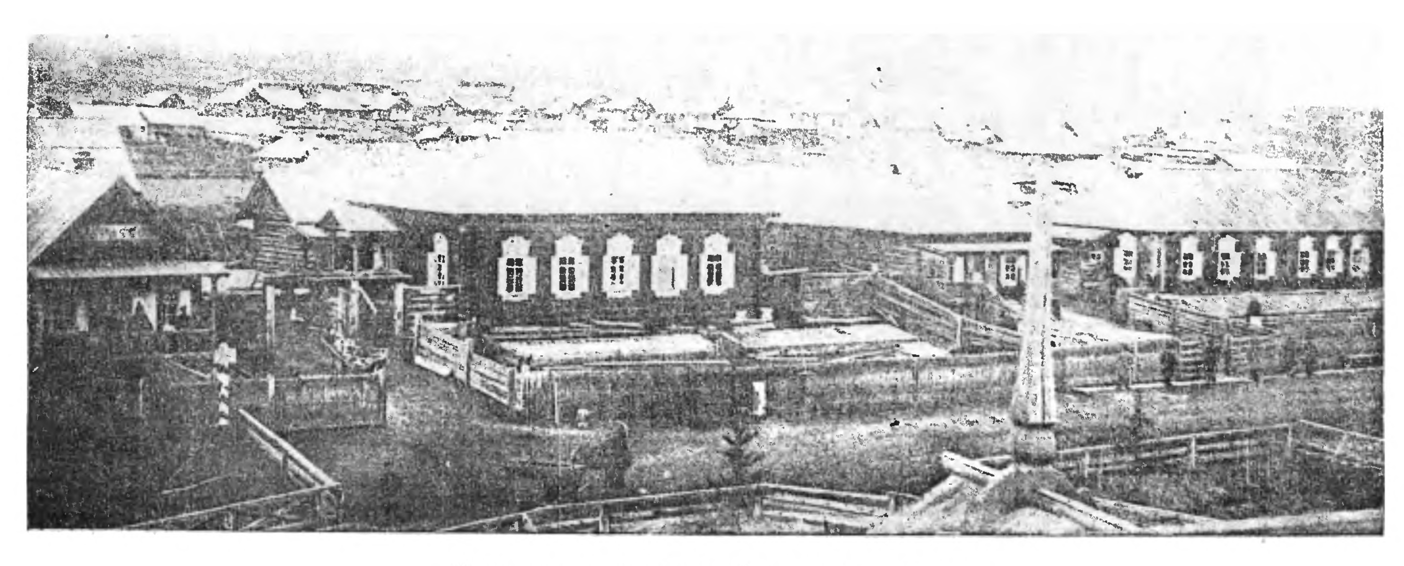
Так был дан закон Адамов, установивший брак, вместо скотских отношений между полами. Затем—завет с Авраамом, установивший единобожие, вместо поклонения предметам, силам природы и проч., и Моисеев, явившийся прообразом духовного закона и подготовлявший человека к восприятию высшего закона духовной жизни, закона, данного Иисусом Христом.

Все эти степени откровения образно выявлены в видении пророка Даниила: первое измерение воды в реке жизни показало глубину по щиколку, второе—по пояс, третье—по горло, а в четвертый раз он уже не достал земли и поплыл в полной благодати, оторвавшись окончательно ото всего земного.

Это последнее откровение устанавливает царство Христа на земле, царство не от мира сего, и в котором люди живут, как ангелы.

По закону природы каждый индивид в своем развитии должен пройти все степени развития своих предков. Зародыш проходит главные стадии низшей органической жизни, дитя—все степени умственного развития низших рас. Так и в душевной жизни человек проходит все степени религиозного развития, пока дойдет до высшего.

Но как не все люди достигают полного умственного развития, так не все они достигают и полного духовного развития.

Скопческое селение Спасское, в Якутии.

Большая часть человечества останавливается на промежуточных стадиях и на том заканчивает свое земное существование.

Только редкие избранные души, пройдя все степени, достигают полного развития духа. И только такие души, „могущие вместити“, имеют право на самооскопление, по учению Иисуса Христа: пусть лучше погибнет часть тела соблазняющая, чем весь человек. Ибо властная человеческая похоть больше всего препятствует таковому человеку вполне отдаться духовной жизни, а в особенности в наивысшей ее форме—в духовных семьях трудовой общины.

Оскопление же недоразвитого человека ослабляет развитие физических, умственных и нравственных сил, в особенности же устанавливает развитие и укрепление духовных сторон жизни. Такой человек становится малоспособным на великие подвиги духа.

Право на самооскопление ради установления духовного царства на земле ожесточенно оспаривается как церковниками, так и людьми науки.

Церковники не оспаривают необходимости целомудрия для духовного совершенствования и не отвергают трудности воздержания для нормального человека, но говорят, что именно чем труднее достается победа, тем и награда больше.

Так что выходит из их слов, что целомудрие не есть средство к достижению известной цели, а сама цель.

Это похоже на устраиваемые при народных празднествах бега в мешках или лазание по намыленным мачтам на призы, где на одного достигшего до приза приходится множество падающих на потеху праздной толпы. Так и церковники устроили нечто вроде этого, где на одного спасшегося приходится множество падших в непосильной борьбе с плотью на потеху зубоскалов.

Светские указывают на это, что человеческий организм устроен для воспроизведения себе подобных и что нарушение этого закона так же невозможно, как и жизнь без других естественных отправлений организма.

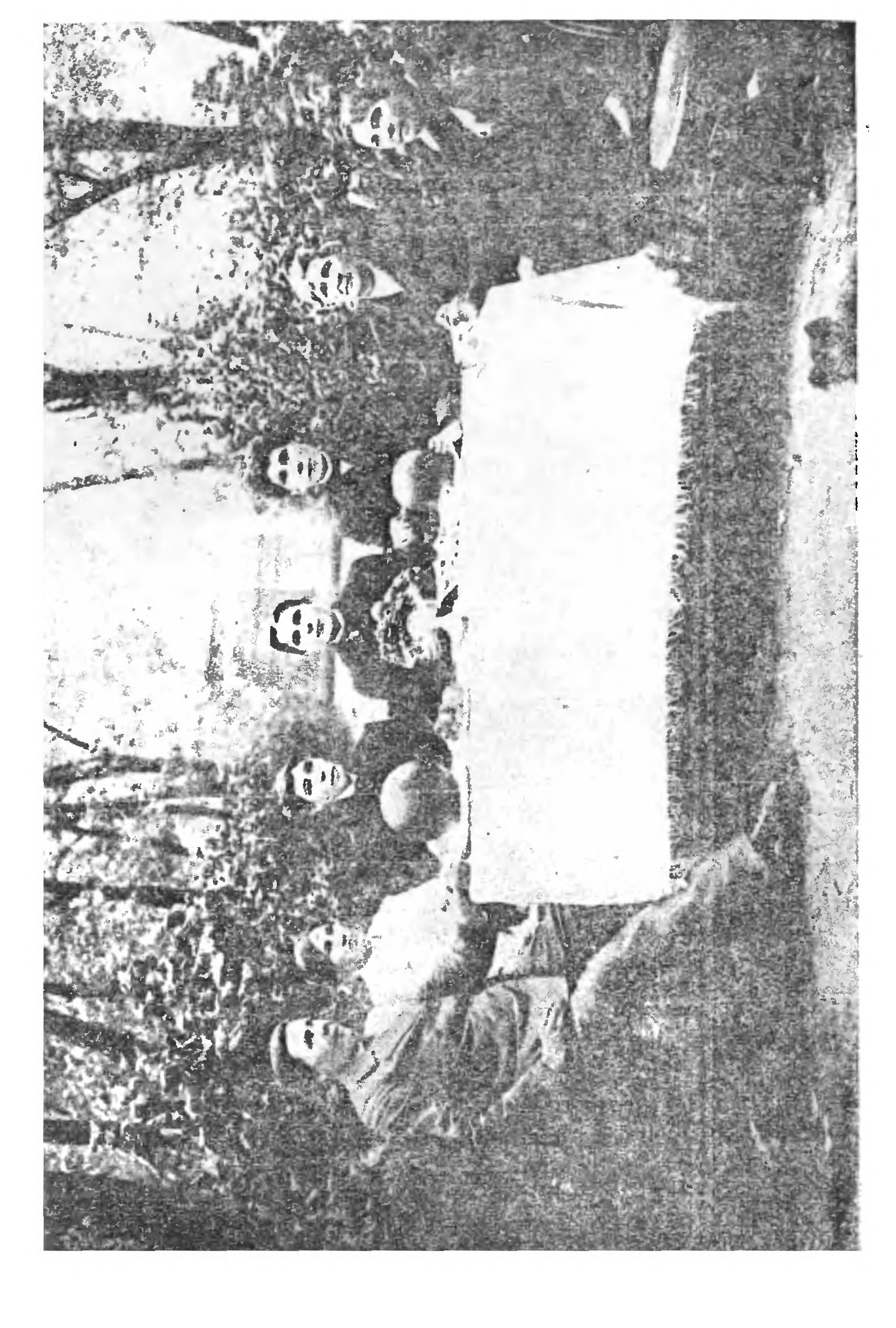
С этим мы вполне согласны и приводим этот аргумент про-

Сибирские скопцы-кулаки.

Типы скопчих.

тив церковников, силящихся практиковать целомудрие во всей плоти.

Но с аргументом светских людей, что раз организм человека приспособлен к размножению, то он не должен отказываться от этой обязанности, так злостно налагаемой природой, мы не согласны.

Даже с их точки зрения размножение в конце концов ведет к недостаче средств пропитания (закон Мальтуса), следствием чего являются голод, войны, эпидемии и прочие ужасы. Какой же тут возможен прогресс?

А что для перехода в высшую форму жизни отвержение законов низшего порядка бытия не противно природе, мы видим из той же науки, изучающей законы природы. Ведь органическая жизнь действует вопреки многим законам неорганической природы. И в органической природе высшие формы жизни развиваются на гибели множества организмов низших.

Каждый этот низший организм—семя или яйцо—устроен для размножения, но если не погибнет для этой цели, то не станет составной частью высшего организма.

Так и высшая форма человеческой жизни на земле—духовная—требует для своего развития пожертвовать низшей формой жизни.

И. А. Ермаков».

Ермаков — убежденный и до конца последовательный идеалист. Скопчество, по его мнению, не только путь к «вечному блаженству», долженствующему притти, по примитивным религиозным представлениям рядового скопца, где-то и когда-то; для Ермакова скопчество — средство окончательного очищения «души от всего того, что связывает «душу» с грубым, материально-чувственным миром, что мешает ей раствориться в небытии божественного космоса.

И можем ли мы, однако, только Ермакова обвинить в проповеди чудовищного преступления? Нет. Ермаков является лишь наиболее последовательным из тех духов-

Скопец-промышленник Барсуков путешествует по Японии

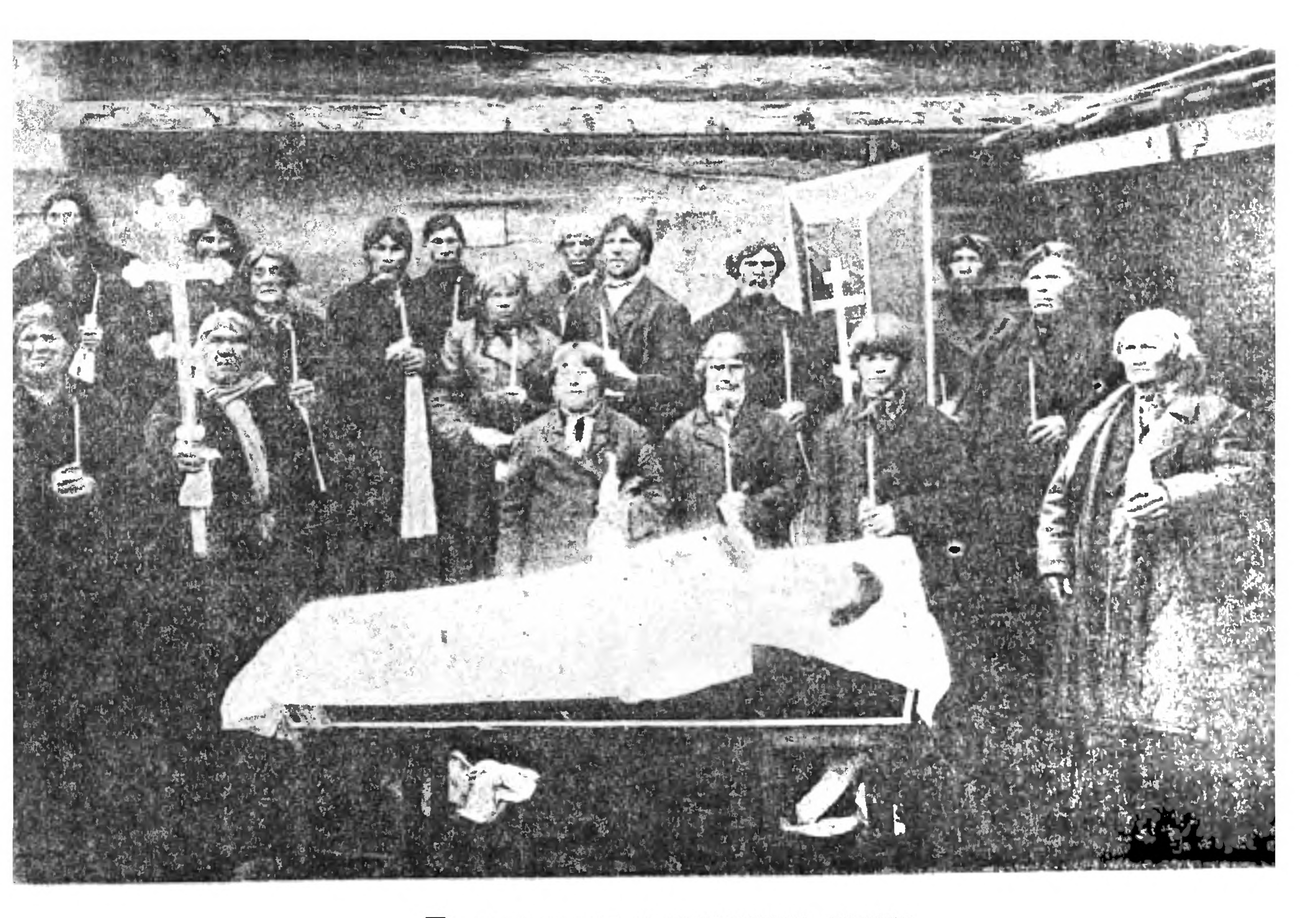
Скопческое кулачье в Сибири (крайний справа — не скопец, писарь, политический ссыльный).

ных калек, которые еще до сих пор «душу» отделяют от тела и готовят ей самостоятельное существование вне материального мира.

Мы говорим о тех, которые, несколько видоизменив, вернее, запутав, анимистические представления доисторических предков наших, гордо называют себя идеалистами, людьми, умудрившимися найти вне чувственного, каждому доступного, материального мира особый «духовный мир», доступный чувству и пониманию только избранных.

Ядовитые поросли скопчества тянутся из идеалистического болота. Идеалисты, все те, кто борются с материализмом, могут гордиться: скопческие идеи Ермакова — их детище.

Бороться с Ермаковым — значит бороться с идеализмом и со всякого рода мистическими умонастроениями. Печальный пример Ермакова показывает нам, к каким жутким результатам ведут всяческие искания особого «духовного мира».

Приготовления к похоронам скопца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СКОПЧЕСКИЙ БЫТ И ЕГО ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Касаясь характеристики внутренних взаимоотношений скопцов, большинство прошлых исследователей допускало несомненную ошибку, идеализируя эти отношения. Скопческая секта рассматривалась как некое братство, осуществляющее среди своих членов христианские заветы любви и милосердия.

«Все скопцы, — читаем у Надеждина, — связаны между собою узами взаимного уважения, попечения, радения друг о друге во всех отношениях жизни, религиозных и общественных». Подобный же взгляд за Надеждиным развивают и другие «скопцеведы».

Такая оценка внутренней жизни скопчества в корне не верна и может быть объяснена лишь полным незнакомством с действительными условиями жизни скопцов, отсутствием материалистического метода в исследовании, а также исключительным искусством скопцов прикрывать язвы, разъедающие скопчество, личиной христианского смирения и кротости.

Не существует другой, подобной скопчеству, организации, в которой под покровом религиозно-христианского ханжества в столь же отвратительной форме проявлялись бы те внутренние противоречия, которые разъедают все вообще религиозно-мистические сообщества. Снаружи — благолепие, мягкость, доброта, кротость, елейность, «радение и попечение», внутри же — глухая, упорно ярост-

ная классовая борьба, борьба за капиталы умершего, предательство и пр. и пр. Таковы характернейшие черты скопческих взаимоотношений.

Можно допустить, что такие положительные качества, как, например, взаимная поддержка, частично имели место в первые десятилетия развития массового скопчества, но как только главные его созидатели, вышедшие из среды купечества и кулацкого крестьянства, под покровом скопчества обрели нужный им тип организации и этим обеспечили развитие и рост своего капитала, секта неизбежно начала разлагаться.

Почти двухсотлетнее существование скопчества объясняется отнюдь не прочностью религиозных и социально-нравственных начал внутри секты, а лишь неизбежностью для вставших на путь скопчества бороться за существование путем все большего привлечения в свои ряды себе подобных.

Наблюдения над жизнью современных скопцов показывают, что, как бы ни тяготила скопца окружающая его среда, как бы ни раскаивался он в своей ошибке, возврата в нормальное человеческое общество для него нет. Привлечение новых членов секты расширяет скопческую среду, гарантирует ей рост капитала и дает одряхлевшему, лишенному потомства скопцу некоторую надежду на поддержку со стороны новых пришельцев.

Язвы внутренних противоречий в скопчестве настолько очевидны, что их уже невозможно скрывать. О них начинают говорить даже сами скопцы, и этим совершенно разбивают идиллическое представление о скопческом «братстве».

Перед нами чрезвычайно редкий документ — «Открытое письмо ко всем скопцам» И. Ермакова от 1917 г., которое мы частью цитировали уже выше. Это—убежденный идеолог современного скопчества, сам скопец, всю жизнь проведший в среде скопцов. Нет ни малейшего основания подвергать сомнению то, что говорит он, не вполне однако раскрывая внутренние взаимоотношения скопцов.

Группа скопцов и скопчих, привлеченных к уголовной ответственности в Ленинграде.

«Теперь обратим, любезные братцы и сестрицы, умственный взор свой на себя и вокруг себя и посмотрим, сколько из нас выполняют свое призвание так, как учит нас воплощенный сын божий, и мы увидим, что очень мало из званых становятся избранными; очень мало тех, которые имеют любовь, совет и согласие, удаляются зависти, тщеславия и гордости и не прилепляются к тленному богатству... Я не говорю о маловерных или подпавших слабостям и порокам; я имею в виду верующих, искренно желающих итти по указанному пути истинному, но по причине условий нашего теперешнего быта подпадающих таким грехам, которые поедают все труды и жертвы, понесенные сначала ради бога.

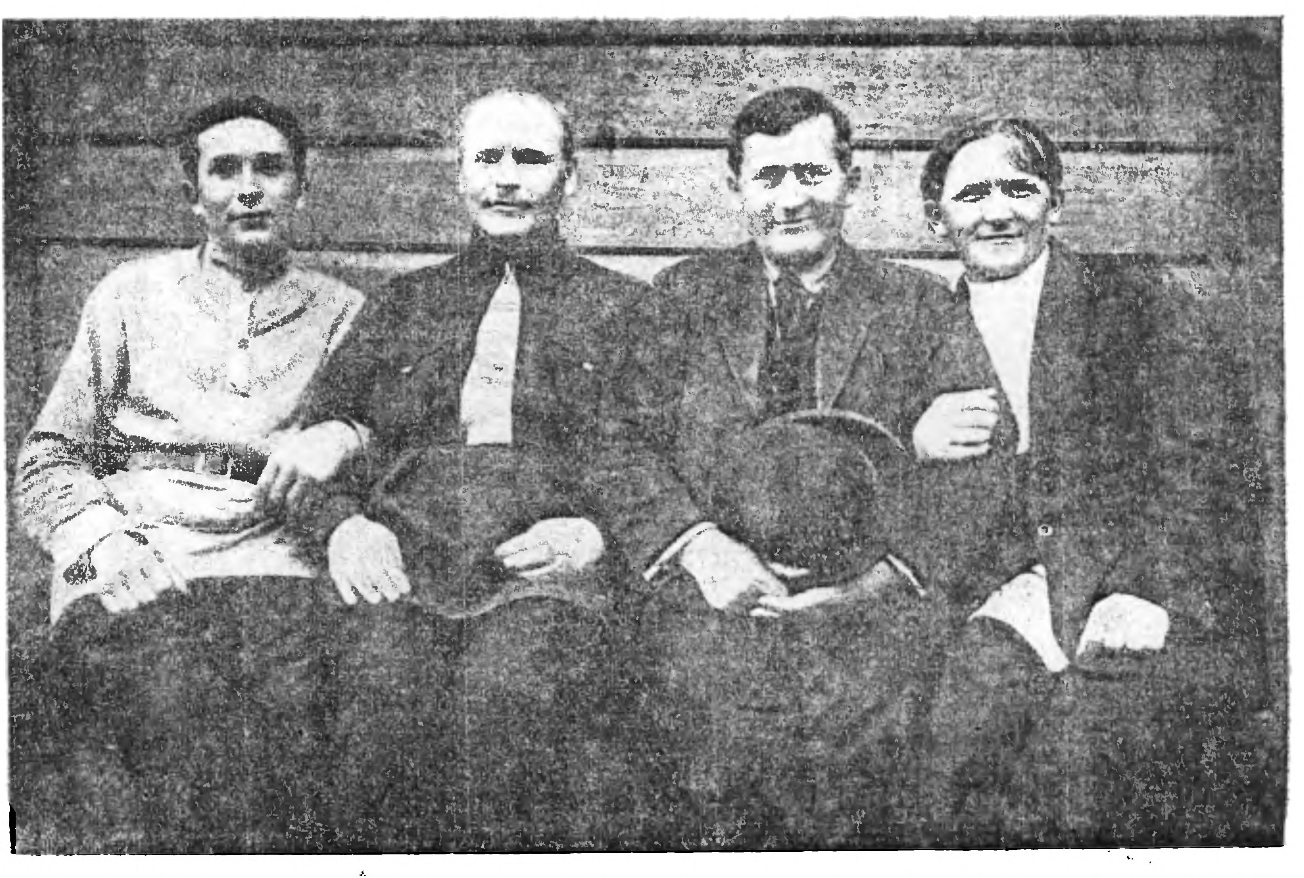
Укажу несколько типичных примеров. Начну с одиноких. Этим трудно вести свое хозяйство, поэтому они большей частью служат у других, пока есть сила. В старости, имея пустячные сбережения, они не в состоянии нанять слугу при болезни или немощи—неизбежных спутниках старости. И по этой причине большей частью умирают безвременно от недостатка ухода, в нетопленных, неприбранных, непроветренных сырых коморах, без горячей, хорошо приготовленной пищи. Нередко находят таких одиночек, умерших за несколько дней от угара или от какой-либо скоротечной болезни.

Каково душевное состояние таких заброшенных, старых бедняков? Вместо прославления бога, не чаще ли слышится от них роптание?

Имеющие же побольше достатка часто попадают в руки ловких охотников за наследствами, которые вымаливают у них деньги обещанием хорошего ухода, а потом забрасывают в темную комору, где несчастные доживают век без всякого ухода,—к этим ни один сердобольный сосед не посмеет заглянуть.

Если же остается одиноким очень богатый старик или старуха, то около этих начнут увиваться несколько любителей легкой наживы.

Более ловкий втирается в доверие, становится наследником. Помогая слабостям старого человека, приобретает его любовь и убеждает богача с ослабевшей волей обеспечить его, наследника, от тяжеб родственников и избавить от больших пошлин, пере-

Московские скопцы-нэпманы (второй справа — *Д. Ломоносов*, активнейший оскопитель, бывший

дав ему имущество заживо. И горе тому богачу или богачке, которые имеют слабость поддаться на эти льстивые речи.

Конец их не лучше вышеописанного конца бедняка, только с большей обидой и горечью.

Если же богач ограничится только завещанием, то наследник старается укоротить ему веку из опасения, чтобы старик не передумал и не переделал завещание в пользу других соискателей; или же сам подвергается такой же участи от конкурента.

Вот сколько мерзостей творится вокруг наследства. Но этим не кончается цепь грехов.

Получивший всеми неправдами наследство начинает чваниться своими богатствами. Из тщеславия и чтобы задобрить возмущенную совесть близких, он задает частые пиры; ему начинают льстить, а в душе завидовать и ненавидеть. Видя, что напускная тароватость мало помогает, скороспелый богач ожесточается, замыкается в себя, а для развлечения начинает заниматься разными пустыми забавами, и вот капитал, часто собранный неусыпными трудами многих, пропадает для добрых дел.

Так же пропадает капитал, завещанный на мирские благотворительные учреждения. Там очень малая часть денег идет действительно на добрые дела, а большую часть поедают присосавшиеся к этим учреждениям тунеядцы.

Мы уже не говорим о капиталах, оставшихся без завещания или завещанных мирским родственникам. Такие капиталы исчезают бесследно и большею частью беспутно.

Очень часто благочестивое семейство или дружное маленькое сотоварищество привлекает к себе внимание наследователей; наследства сыпятся к ним. Но это обстоятельство, вместо того чтобы побуждать таковую семью к большему рвению к делу божьему, развивает в ее членах алчность и скупость. И вот богатство, собранное трудами многих поколений, переходит после смерти последнего члена семьи или сотоварищества к старой родственнице, у которой от такого богатства кружится голова, и она погибает для дела божьего вместе с капиталом.

Если на путь божий вступают целыми семьями, то члены таких семей избегают вышеописанных несчастий, и только последние из них переживают остальных, подвергаются ужасам

одиночества. Но зато у этих семей пережитки прежних плотских отношений мешают развитию испытанной духовной любви; кровный родственник, как бы плох он ни был, все же любим более, чем самый лучший духовный брат. Если в таковую семью вступит жить одинокий, то он всегда будет чувствовать себя чужим и не найдет там братской, согревающей духовной любви.

Очень часто, чтобы избежать бедствий одиночества, сходятся для совместного ведения общего хозяйства двое или трое одного или обоего пола. Не говоря уже о том, что подобное сотоварищество, или искусственная малая семья, мало содействует нравственному совершенствованию, оно бывает полезно только умирающим раньше, а переживающие как раз к старости опять впадают в горькое одиночество со всеми его последствиями".

Однако Ермаков не дает нам полной картины внутренних противоречий в среде скопчества. Это лишь ничтожная частица ее, являющаяся следствием более глубоких факторов, чем борьба за наследство.

Редкую и, пожалуй, наиболее полную картину междоусобицы и классовой борьбы в среде скопчества показывают нам скопческие поселения в Сибири.

Начиная со второй половины XIX в. царское правительство большими партиями ссылало скопцов в Сибирь на вечное поселение.

Первыми местами скопческих поселений были: Средне- и Верхне-Колымск, Верхоянск, Усть-Алдан, Белькчичи и др.

Неприспособленные к суровому климату, изувеченные операцией, скопцы, не обладавшие достаточными средствами, жили в чрезвычайно тяжелых условиях. Скопческий историк и поэт Архип Санин так описывает тяготы сибирской жизни скопцов:

Вы совсем поразорились,
Отрепались, обносились,
Под надзором находились
Приставленных казаков.
Жили долгое вы время
Под открытым синим небом,
Не имели денег и хлеба,

По два месяца голодали,
Хлеба крошки не видали,
Полунагие ходили
По сибирской по тайге.
Силы свои подкрепляли
Только дикими грибами,
Да те ели без соли, —
Так угодно божьей воле.

В 1873 г., по распоряжению якутских властей, на отдаленные берега реки Алдана, пустынные и неплодородные, была сослана партия из 40 скопцов. Всем инародцам было настрого предписано, чтобы ловили отлучающихся из отведенных им мест ссыльных и препровождали их к начальству. Кое-как вырыв землянки, скопцы поселились в них, безуспешно пытаясь найти себе пропитание. И вот, когда беднейшие поели все принесенные с собою запасы, скопец Плотицин начинает обирать бедноту, пользуясь безвыходным ее положением. «В то время, — пишет Санин, —жил там Максим Кузьмич Плотицин. Он для себя имел запас хлеба и немногим продавал, да и то по 7 руб. за пуд, так что бедным людям купить у Плотицина хлеба было недоступно. Многие из таковых скопцов покупали от Плотицина по 5 фунтов муки и сыпали по одной ложке ее в воду; клали туда боярковые ягоды и грибы и таковым бульоном питались целые месяцы».

В 1869 г., при обыске во время ареста, в доме Плотицина были обнаружены девять изуродованных оскоплением женщин, груды золота и серебра екатерининского чекана и, кроме того, на 10 миллионов руб. ценных бумаг.

Из описания скопца Санина мы видим, как Плотицин, этот почитаемый скопцами «благодетель» и учитель, помогал своим, вместе с ним попавшим в ссылку, братьям».

После долгих мытарств скопцы обосновались, наконец, в более удобных для земледелия районах Иркутской области. Наиболее удачными местами оказались селение Марха возле Иркутска и селение Спасское близ Олекминска.

Современные молодые скопцы.

В 1895 г. в 10 скопческих поселениях количество жителей составляло:

Название селения	Мужчин	Женщин
Марханское	183	192
Спасское	160	86
Ново Николаевское	61	43
Кильдемское	63	49
Хатын-Аринское	48	35
Петропавловское	36	29
Троицкое	43	21
Троицкое (15 верст от Олекминска).	41	19
Усть-Чаринское	17	20
Иллюнское	27	8
Всего	679	502

Мужчин и женщин вместе — 1181.

Остановимся на характеристике тех отношений, которые складывались внутри общины, и посмотрим, в какой мере осуществляли сосланные в Сибирь «воины небесного царя» «христианские заветы».

Прежде всего укажем, что лишь в редких случаях в Сибирь попадали богатые скопцы вроде Плотицина. Большинство скопцов-миллионеров при помощи золота оставались в городах Европейской России и, как мы уже отмечали выше, даже удостаивались от правительства наград. В Сибирь попадали, главным образом, крестьяне, городские ремесленники, мелкий торговый люд и те представители купеческого сословия, капитал которых был недостаточен, чтобы путем подкупа должностных лиц освободиться от ссылки. Освоившись на новом месте, богатые скопцы немедленно закабаляли себе всю сосланную вместе с ними бедноту.

Современные и прежние защитники скопчества, доказывая его полезность, любят козырять «культурой, ко-

торую якобы насадили скопцы за время своего пребывания в ссылке в Иркутской области. «Скопцы, будучи в Сибири, показали пример, как вести сельско хозяйство» (из письма Г. М.).

«Все члены скопческого гнезда постоянно в хлопотах, вечно за делом. Благодаря такому редкому трудолюбию скопцы, несмотря на чрезвычайно тяжелые климатические условия, сумели достигнуть в сельском хозяйстве — почти исключительном их занятии — больших успехов. В настоящее время марханские скопцы являются почти единственными поставщиками всех продуктов первой необходимости для города Якутска».

Дело тут, конечно, не в трудолюбии скопцов.

Прежде всего коснемся вкратце истории скопческого землевладения в Сибири.

Не желая селиться на плохих местах, скопцы искали лучших. Но лучшие земли уже были заняты русскими или якутами. И вот, пользуясь наличием капиталов и продажностью царских чиновников, скопцы с их помощью начинают подбираться к якутским землям.

«Якуты Мальжигорского наслега, Олекминского округа, — читаем в сибирском «Торгово-промышленном календаре» за 1898 г., — в 1861 г. на мирской сходке, в присутствии исправника и по «убеждению» его, уступили скопцам 50 десятин расчищенной земли, 50 десятин открытого покоса и 5 верст протяжения левого берега реки, годного к расчистке. Причем на уступленных местах были якутские жилища, —их решено было снести». И дальше: «Якуты Одейского наслега, Якутского округа, в 1866 г. на мирской сходке выслушали предписание якутского земского суда, и все «единогласно согласились» уступить скопцам Марханского селения всю подгорную местность вместе с сенокосными, хлебопахотными и выгонными местами, а три семейства якутов выселить в горную часть наслега».

Наглое выселение и притеснение якутов полностью выявляют моральную беспринципность скопцов.

Вот на этих-то, отнятых у якутов при помощи подкупа чиновников, лучших землях и насаждали скопцы свои хозяйства, широко применяя эксплоатацию наемных рабочих, как русских, так и якутов. В эксплоатации,—мы можем согласиться с этим, — скопцы были поистине неутомимы.

Покупая у якутов лучшую землю, скопец нередко этого же якута заставлял работать на ней за баснословно низкую цену. Как широко скопцы применяли наемный труд, видно из того, что в 1894 г. наемным рабочим на одной Мархе было выплачено 27 276 руб.

На каждого «брата», собственника земли, в среднем приходилось по 2,1 работника в год.

О том, насколько скопцы были предприимчивы в выжимании пота из своих работников, свидетельствует ходивший среди рабочих-наемников рассказ: если к концу лета поселенец-работник ходил не согнувшись и не жаловался на спинную боль, «не упал с лица», скопец говорил: «Эх, недобрый — слукавил, плохо работал; да и я, видно, плохо глядел».

Если скопческое кулачество эксплоатировало якутов и поселенцев, то еще больше эксплоатировали кулаки своих же собратий по секте — скопцов-бедняков.

В 1888 г. в селении Спасском из 152 дворов 36 совсем не имели земли (23% всего населения).

Но и из обладавших землей 23 дома имели лишь небольшие участки удобной земли, купленной по высокой цене у скопцов-кулаков, которые имели земли по 20, 30 и 40 десятин.

Такое резкое различие в величине земельных наделов объясняется тем, что партии скопцов, высылавшиеся в Сибирь после 1870 г., чтоб не погибнуть с голода на малопригодных для обработки землях, стекались в уже заселенные скопцами места в надежде на помощь «братьев». Как правило, старожилы-скопцы лишь в том случае принимали новых пришельцев в свое общество, если они давали подписку не требовать земли. Так, например,

в 1876—1878 гг. в Якутскую область было сослано 413 скопцов, и большинство из них принуждено было пойти в работники к скопцам-кулакам. За каторжный труд плата лучшему работнику-скопцу не превышала 3 руб. в месяц.

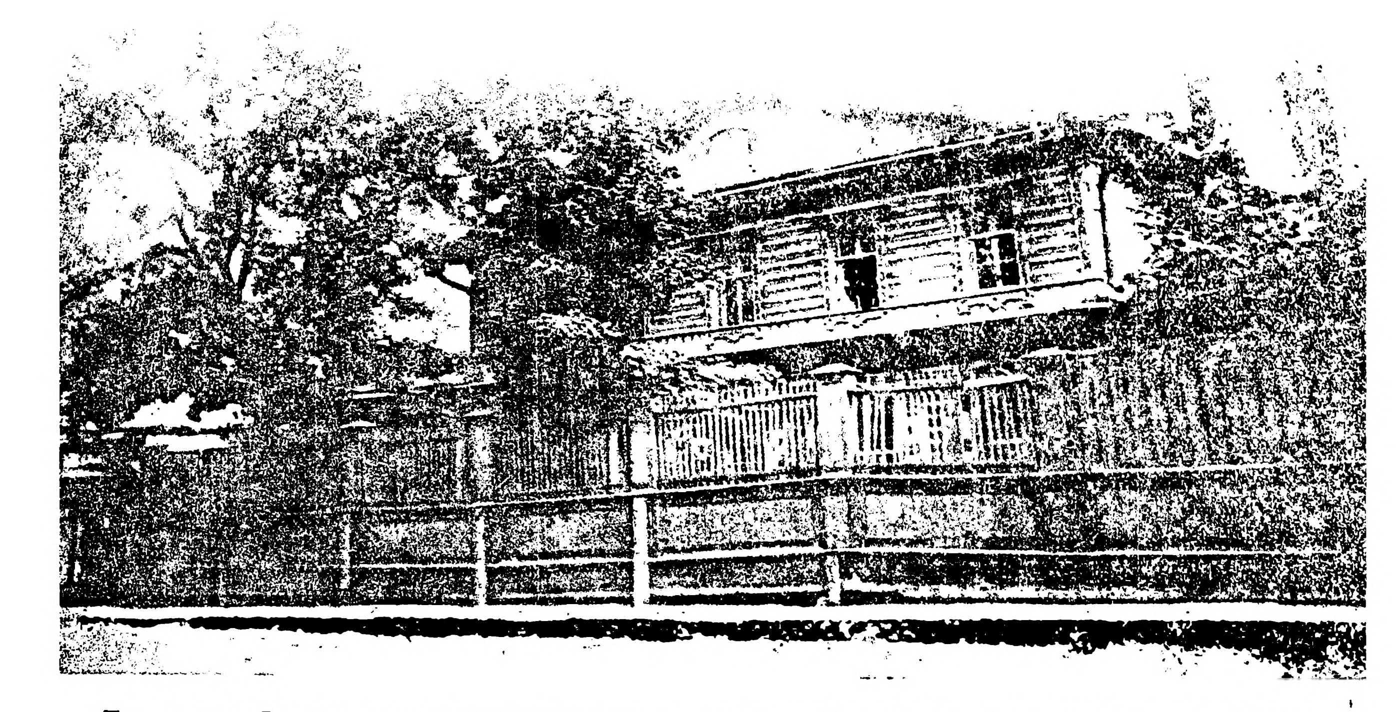
Как велика была разница в материальном положении скопцов-бедняков и кулаков, убедительно показывают таблицы, заимствованные нами из сибирского «Торгово-промышленного календаря» (см. табл. на стр. 116—117).

Очевидцы так рисуют быт скопцов в Сибири, классовое расслоение которых не оставляло никаких сомнений.

Скопец-бедняк живет в небольшом домике из трех комнат с прихожей, оклеенных газетною бумагою, выпрошенною у знакомых; во дворе его нет ни какой-либо постройки, ни ледника, ни сарая. Дом же скопца-кулака как солидностью внешнего вида, так и величиной и убранством комнат ни в чем не уступает любому из лучших домов города Якутска. Красивое высокое крыльцо, широкие двери, большие окна, — все это сразу, еще издалека привлекает к себе внимание проезжающего. При входе в дом нас прежде всего поражает обилие света в высоких комнатах и аромат прекрасных цветов, расставленных по углам и подле окон в больших крашеных деревянных кадках. Большой зал, в 9 кв. саж. величиною, уставлен красивой мягкой мебелью, обитой суконной материей голубого цвета.

Вдоль стен расставлена дюжина легких венских гнутых стульев; столы покрыты чистыми суровыми скатертями; на среднем простенке, между окнами, прекрасное трюмо, и все стены от пола до потолка увешаны разными картинами в рамках и т. д.

Несмотря на свойственную скопцам-беднякам робость и кротость, земельное неравенство привело к широкому движению бедноты-новоселов за уравнение земельных наделов. В некоторых случаях отношения между новоселами и старожилами так обострялись на почве имущественных противоречий, что дело, по словам скопцов, «чуть ли не доходило до крови».

Дом купца Солодовникова в Ленинграде, в котором 18 лет жил Селиванов (возле Ковенского переулка; ныне в нем детский очаг).

Экономическое расслоение среди якутских скопцов

Статьи дохода	Доход (в рублях)	
	Хозяйство бедняка	Хозяйство кулака
Полеводство	212	4745
Огородничество	24	30
Сенокос	6	300
Скотоводство	—	100
Птицеводство	—	10
Заработки	99	600 (мельница, лавки)
Итого	311	5785

Статьи расхода	Расход (в рублях)	
	Хозяйство бедняка	Хозяйство кулака
Полеводство	86,17	646
Наем рабочих	28	710
Аренда, пашни и покосы	—	285
Земледельческие орудия	14	—
Сбруя	0,50	5
Скотоводство	47,50	431
Птицеводство	—	10
Инструменты	1	—
Пища	112,50	647
Одежда	22	211
Хозяйственные и домашние принадлежности	6,50	73
Подати, повинности и пожертвования	10	35
Итого	328,17	3053

Инвентарь	Хозяйство бедняка	Хозяйство кулака
Скот и птица	105	580
Постройки	600	5209 (лавка 1600)
Земледельческие орудия, экипажи, сбруя	57,25	473,50
Домашние принадлежности	51,95	455
Книги, инструменты, одежда	218,55	455
Итого	1032,75	7163,50

Но все попытки новоселов получить землю первые годы кончались неудачей. Новоселы были еще плохо организованы, а кулаки-старожилы действовали в союзе с начальством и всегда старались выбирать своего старосту.

В 1888 г. марханский скопец Тимофей Мирошкин от имени 16 скопцов-бедняков подал заявление якутскому губернатору с просьбой помочь скопцам-беднякам получить у богатых землю, «пресечь произвол, допускаемый богачами-скопцами, и защитить угнетаемых ими из-за корысти бедняков».

В конце прошения был представлен список скопцов, владеющих участками земли в 20—40 десятин.

Практических результатов от заявления, несмотря на то, что иркутское начальство признало его вполне обоснованным, не было.

Скопцы-старожилы оклеветали Мирошкина и добились высылки его на реку Маю.

Два последующих ходатая по делам новоселов, Осинцев и Ленков, наученные горьким опытом, прежде чем начинать борьбу, под видом перехода на жительство в другое селение, взяли у старожилов одобрительные аттестаты. Ленков и Осинцев требовали только права на оста

ющиеся после умерших скопцов, уже ставшие малоплодородными, истощенные земли.

На всех новоселов марханские скопцы-старожилы отвели, наконец, 100 десятин самой плохой земли.

Тяжба между скопцами из-за земли продолжалась вплоть до манифеста 1905 г., когда скопцам разрешено было селиться в любом городе Империи.

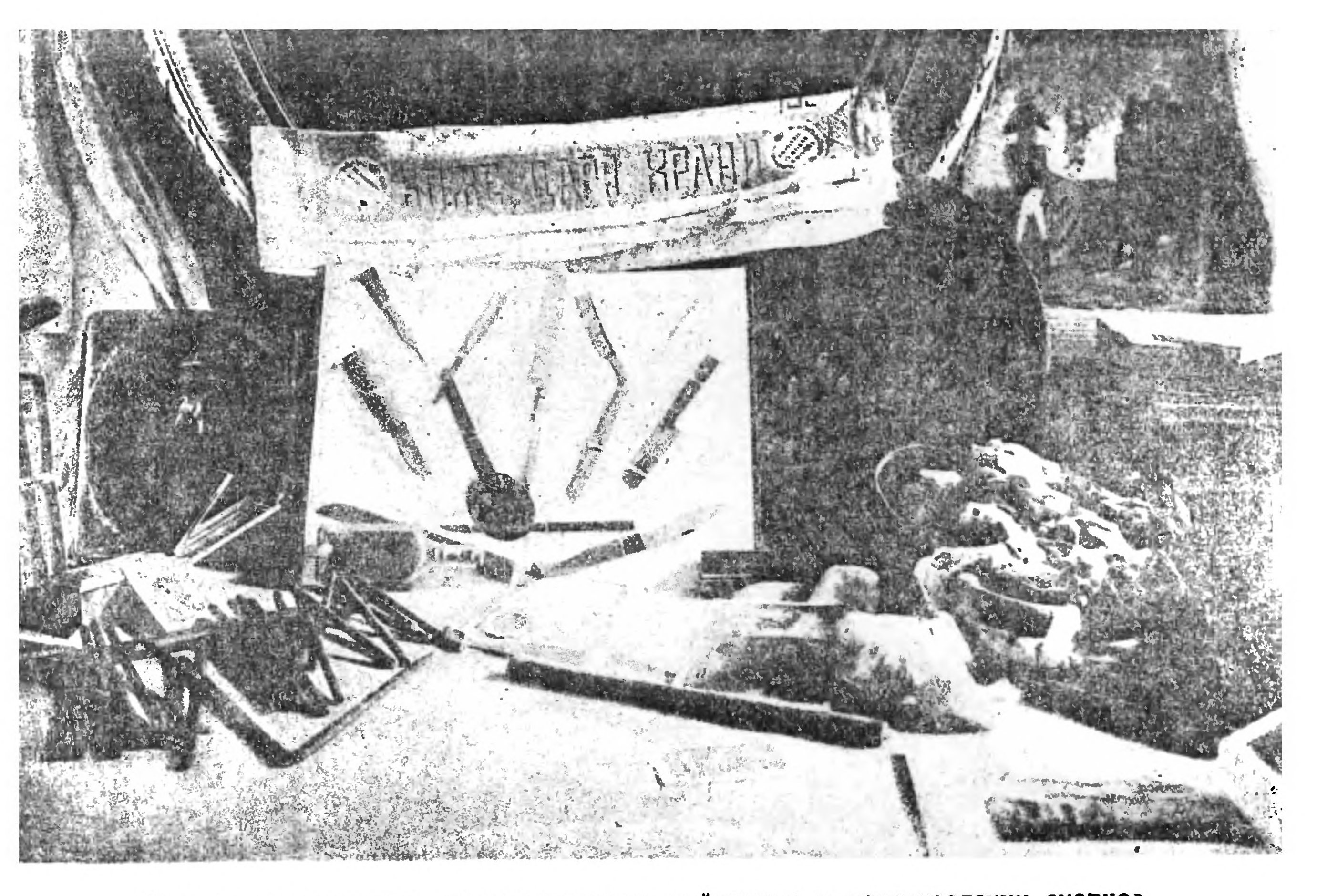
Рознь между богачами и бедняками отразилась в следующей песне, сложенной бедняками-работниками.

Около Мархи-реки
Стоит селение на бугорке.
Жители хлебопашеством занимаются,
А общественным деятелем Евлампий считается,
Евлампий Григорьев, он умник такой.
Выбрали его однажды на три года старшиной,
И он в той должности начал быстро богатеть,
Так что и богачи стали на него завистливо глядеть.
В то время на Мархе рабочие-скопцы говорили:
«Если б мы здесь не жили б,
Он драповых пиджаков и брюк не носил бы.
Разжился он от нашего брата
И выстроил себе богатые палаты.
Ой, беда! Гонят с Мархи людей бедного класса...
А гляди: у Евлампия строится стеклянная терраса».

Основываясь на исследованиях Серошевского и Иохельсона, И. Майнов в «Записках императорского географического общества» (С.-Петербург, 1912 г.) говорит, что скопческие хозяйства в Сибири носили хищнический характер и по своим конечным результатам не соответствовали интересам коренного населения улусов и деревень. Выводы его таковы:

Концентрируя в своих руках земли, скопцы тем самым обезземеливали якутов и русских поселенцев.

В виду того, что в Якутском крае был наиболее выгоден сбыт пшеницы, которая хорошо родится на свежих землях и быстро истощает почву, скопцы силами якутов на арендованных у них же землях расчищали запашки и, истощив, бросали.

Орудия оскопления и предметы культа, найденные у ленинградских скопцов.

Закабаляя якутов и русских поселенцев, скопцы лишали их возможности развивать свои хозяйства.

В последние годы пребывания в Сибири, с развитием земледелия среди населения, скопцы не удовлетворились уже ролью непосредственных производителей хлеба и стали обнаруживать тенденцию к переходу в ряды скупщиков. Скупая хлеб, они искусственно взвинчивали цены.

Имевшиеся в руках скопцов капиталы способствовали развитию их хищнической деятельности.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что наиболее актуальными задачами скопчества являются: созидание и накопление материальных благ и забота о распространении скопчества.

Ко всем остальным явлениям жизни скопец проявляет очень слабый интерес или же совершенно ими не интересуется.

За все время существования скопчества оно не дало ни одной выдающейся личности, которая в каком бы то ни было отношении содействовала общему благу человечества.

Безрадостна, тускла и пуста жизнь скопца.

Хотя и твердят простакам агитаторы-скопцы, что тайну скопчества не каждому дано понять и что сладость ее постигается после «убеления», нам кажется, что после оскопления скопец постигает, вместо тайны, великую пустоту и еще более великое, неизбывное горе.

Кто хоть раз видел горькие слезы разуверившегося скопца, величайшую трагедию живого мертвеца, тот не забудет этого всю жизнь. То, что «в миру» заманчиво для человека, с его уходом в скопчество теряет уже свою настоящую цену, а достижение желаемого не приносит радости.

И еще более жутким кажутся нам тогда прощальные слова «новика», когда он вступает в этот мир теней...

В чем же проявляется своеобразие скопческого быта?

Прежде всего остановимся на моральном состоянии

женщины-скопчихи. Как мы уже указывали, уродование себя удалением грудей или других частей тела не вносит в телесную конституцию женщины тех глубоких физиологических изменений, которыми оно сопровождается у мужчины-кастрата.

Но в силу физического уродства, раз попав в скопческую среду, женщина остается в ней почти всегда до конца своих дней. А что дает ей скопчество? — положение бесправной рабыни среди «братцев». Пока она молода и здорова, жизнь ее еще более или менее сносна́. Хотя она и бесправна настолько, что ей не разрешается даже сопровождать на кладбище умершего скопца, но зато она обеспечена кровом и куском хлеба. Когда же она, в старости, не может больше прислуживать скопцу и удовлетворять его извращенные половые вожделения, он нередко выгоняет ее из своего дома или же изводит постоянными попреками за каждый кусок, который она кладет в рот. Из 60 скопчих, проживавших в селении Спасском, только 10 были домовладельцами, остальные жили в услужении у «братцев», не имея своего хозяйства.

Страдания от неудовлетворенных желаний, чудовищная эксплоатация «братцев», — вот что давало и теперь еще дает женщине скопчество.

Бесправное, приниженное положение женщины-скопчихи и вред, приносимый скопчеству таким к ней отношением, уже отмечены современными «прогрессивными» скопцами, и они начинают проповедывать новый взгляд на женщину, обличая тех, «которые рисуются своим презрением к сестрам».

Известный нам Ермаков в своих пояснениях к «Уставу трудовой общины людей божьих» считает, однако, нужным положение о равноправии полов обосновать примерами из священного писания и истории скопчества. «Забывают, — говорит он, — что во время самых сильных гонений у нас, в России, когда братья почти все были сгноены в каторжных тюрьмах, либо закупорены на всю жизнь на дальнем северо-востоке, в Сибири, часть сестер

разделяла страды с братьями, а часть сохраняла и распространяла истинный свет истинной веры в России.

Кроме того, сколько братий попало на истинный путь только благодаря своим матерям, которые жертвовали всем, лишь бы видеть своих детей на пути счастья (оскопленными. *Н. В.*). Не говорим уже о том, что борьба с плотью требует от сестер бо́льших усилий и страданий, чем от «убеленных» братий. Это одно уже обязывает братьев всемерно помогать слабым силами сестрам на трудном пути к спасению».

В возникавших между скопцами и скопчихами имущественных спорах последние иногда обосновывали свое право не только экономическими соображениями и той пользой, которую они принесли скопчеству своим трудом, но и таким, например, доводом, что «он десять лет меня мучил» . . .

Чем вообще живет скопец, что его согревает в жизни?— спросит читатель. Скопец любит прежде всего — хорошо поесть. Хотя чревоугодие и порицается Селивановым и скопцы не едят мяса и не пьют хмельного, — это не мешает богатым скопцам потреблять лучшие сорта рыбы, всевозможные варенья и т. д. Скопец, особенно молодой, не откажется иной раз и от выпивки, в том, конечно, случае, если никто из своих этого не видит.

Любят скопцы также путешествовать. Богатые скопцы нередко предпринимали поездки за границу. Главным стимулом к путешествиям, однако, является, повидимому, торговая деятельность скопцов. Из просмотренных нами нескольких сот писем трех туристов-скопцов видно, что их интересуют в новом месте прежде всего цены на товары, которые они аккуратно записывают и сообщают своим друзьям, затем храмы и их благолепие и иногда музеи.

Кроме того скопцы — большие любители всяких торжеств и в особенности похорон. Эта «любовь к покойникам» находит свое отражение даже в скопческих письмах.

При пути [illegible] други
[illegible] дорожкиных [illegible] ста
[illegible] други [illegible]
[illegible] други [illegible]
[illegible] темницы; [illegible]
[illegible] други добрая [illegible]

а имя [illegible] други [illegible]
зрарека; ни [illegible]
ни явной казной други на
[illegible] вырастала [illegible]
други зиляной садик
по садику древичка винаградная
из древицы веточки да все
златые; на веточках ягодки
да все сладкія; все сладкія
ягодки спелый винаград
на верху на древичка сокола
[illegible] сокола [illegible]
други древа любовала; древа
любовала други гнездушка
свивала; гнездушка свивала
други детках выводила
все разных пташачиях
соколятушек; [illegible]
пташками по разным странамъ; по разным странамъ
други по темным лесамъ
по темным лесамъ други
по мирским домамъ
одна вдова пташица
[illegible] царицыныя
[illegible]
[illegible] при дорожушке
[illegible] травушка
[illegible] да называли кто
[illegible]
[illegible]
[illegible] пророки [illegible]
[illegible] Святой

[illegible] зиляной [illegible]
[illegible]
[illegible] древа
[illegible] учитель [illegible]
а златые ветвики [illegible]
в сладкія ягоды [illegible] ученія
[illegible] да новых [illegible]
тота миро народъ;
С. [illegible] Ц. Д. [illegible] Н. М. С. Б.

С[illegible] [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] про зво-
[illegible] он [illegible] во свой царской
[illegible]
на себя [illegible] овец
[illegible]
[illegible]
[illegible] будут
[illegible]
не будить [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] благодати
[illegible]
[illegible]
[illegible]
пострадала; [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Снимок с рукописи скопческих распевов.

«Платон Степанович, — пишет один скопец своему приятелю, — 2 ноября скоропостижно здесь умер Григорий Фомич Горшков, 85 лет от роду; оставил громадное состояние. Похороны были торжественные, гроб поставили и везли на катафалке под белым балдахином; сопровождал хор певчих, много священников и народа. До самой Охты ехало 25 карет для провожающих родных и знакомых, да на своих ехало до 5 карет. Сопровождали гроб 5 жандармов. Регалии несли на подушке (он был жалован). Поминки были в кухмистерской, на Охте же, свыше 100 человек. Я тоже был приглашен и находился всюду».

«10 января я имел счастье лицезреть батюшку-царя и царицу и других высоких особ, — пишет другой. — Это было так: в 10 час. утра я пошел на Кирочную улицу, где церковь лейб-гвардии саперного полка Козьмы и Дамиана. Здесь назначено было отпевание умершего генерала. Вот я и пошел. Думаю — посмотрю блестящую процессию и, может, мол, увижу государя. Подхожу—народа много около церкви, тут же недалеко и вынос из квартиры покойника. Везде полиция и проч. Ну, я случайно пробрался к церкви, и вот, когда привезли покойника на богатом катафалке, стали вносить в церковь, тут, конечно, провожающие родные, знакомые. Я вмешался в оную толпу и вошел в церковь, встал на таком месте, где меня считали принадлежащим к знакомым провожающего люда, а так бы ни за что не попасть, посторонней публики не было и не допускали никак. Таким-то родом часа полтора я и лицезрел батюшку-царя очень близко, каждый его шаг и движение и черты лица и другое все врезалось в память мою (1906 г.)».

Похороны богатого и даже не очень богатого «братца» или «сестрицы» являются чуть ли не самым главным пунктом житейских интересов скопца. Нередко братия готовится к похоронам еще задолго до предполагаемой смерти «братца» или «сестрицы».

Еще человек жив, а уже идет яростная глухая борьба

Блажной, прорица скоро доложилъ
онъ несмерть, конь живъ; Во иркутскомъ
все блажный; сорокъ летъ онъ страда-
лъ живъ; а царь сердцами встрепену-
лся; на отца онъ ужаснулся; и заплак
калъ за тужилъ: все собранны нарушилъ
послалъ скорава гонца, отыскать сво-
его отца; чтобъ предъ ставить бы въ —
сталитцу; со иркутской со границы
Скоро его сотворилъ; отцу двери раство-
рилъ; онъ зашолъ со бурнымъ духомъ
и самъ гордо говорилъ, сотвори волю
мою; теперь я имею власть: возведу
тебе на тронъ; отдамъ скипертъ и ве-
нецъ; если только мой отецъ; нашъ
батюшка искуситель гласитъ слово
съ высоты; что грехи я ни отецъ.

Предъ сказаніе

Господніе словеса ни пройду-
тъ и ни пролетятъ мима,
вотъ въ примеръ сего Хиру-
вима; такъ-же и отъ —
всякаго божиева чиловека
ни проходитъ божіе слово
которой перироднлся сново
вотъ сей человекъ на трудной
земли и указуетъ съ вопросо-
мъ, и служитъ богу какъ въ
корабле верныимъ мотроссом
проситъ господа бога господ

Архангел Михаил, поражающий беса (плоть). (Аллегорическая картина, широко популярная среди скопцов-финнов. Получена от волосовской скопчихи.)

за его капиталы, его одеяло, подушки и проч. Распределяются роли, подбираются ключи и т. п.

«Смерть Пазухина» Салтыкова-Щедрина — ничто в сравнении с той мерзостью, эгоизмом и лисьей хитростью, которые мы находим в скопчестве.

Не далее как в 1928 г. в Ленинграде происходили такие похороны. Умер скопец Николай Кириллович Иевлев. В прошлом, до революции, это был богатый человек. Имел больше 300 тысяч руб. капитала.

Во время революции часть денег лопнула в банке, другую растащили у старика, пользуясь его болезнью, жившие в его доме «сестрицы». В голодные годы одинокий старик, чтоб не умереть с голода, перебрался в деревню Волосово к тамошним скопцам. Думая, что он и имущество свое перевезет (т. е. кровать, матрац и еще кое-какие крохи, что остались от революции), его приняли в общину. Надеялись, что старик вот-вот умрет и кое-что после него все же останется. «А кое-кто, грешным делом, думал, что золото у него поприпрятано». Но Иевлев не умирал и добра своего не вез. А имущество его находилось в Ковенском переулке, дом 10 (дом, который и по сие время населен исключительно скопцами). Тогда волосовские братья прогнали его. Иевлев снова вернулся в Ленинград. Приехал на Пасху. Зашел к скопцу Алексееву в Лесное (Институтский переулок, дом № 6). Алексеев был человек богатый, имел собственный дом и вел операции с валютой, за что уже при советской власти ему было дано 5 лет заключения со строгой изоляцией. «Зачем вы приехали? — встретил его Алексеев. — Вы нам весь праздник испортили».

Когда старик попросил свеклы или редьки с огорода, Алексеев дал ему ботвы от свеклы.

Кончил свою жизнь Иевлев сторожем при монастыре. Заботу о похоронах взяли на себя С. С. и Г. М. После умершего осталось 280 руб. серебром. Деньги Г. М. взял себе, якобы на устройство похорон. Потом С. С. и Г. М. поехали за имуществом в монастырь. «Взяли двух ломо-

вых извозчиков — и туда. Хорошо. Погрузили. С. С.-то думал, что одна подвода пойдет к Г. М., а другая—к нему; да ошибся. И между прочим Г. М. распорядился: «С богом! на Малую Подъяческую». С. С. видит, что лошадки к Г. М. пошли, начал кое-что хватать с воза. А Г. М. говорит: «Не тронь, не тронь, погоди — это потом разберем; что дам, то и возьмешь». Так все и забрал себе Г. М.

Тогда С. С. отказался выдать две шубы Иевлева, что хранились на Ковенском. И золота было на 80 руб. у хозяйки дома, Туниковой, — и это хотел забрать С. С. А Туникова, между прочим, сама на золото метит. А Г. М., вроде как на похороны, успел занять 100 руб. у Алексеева. И говорил, что если ему не отдадут шубы, то он денег не отдаст, да еще стал пугать, что в газету напишет. А С. С., который оскопился в 1927 г., прислал записку: «С. С., разве вы для того оскопились, чтобы пользоваться чужим имуществом, не имея на него законного права?» Тогда все решили отдать ему, чтоб греха не было, шубы и заказали больше ходить на Ковенский» (из рассказа скопца Н. А.).

Но, как мы узнали, в последнее время Г. М. опять стал гостем на Ковенском, дом 10. Скоро подает надежду преставиться «искупителю» старушка Наталия Александровна.

Это уже будет четвертое или пятое наследство, которое, насколько нам известно, собирается прибрать к рукам неутомимый «воин Христов», потерявший в революции дома и около 300 тысяч руб. капитала, полученного им от скопца Лаптева.

Следует сказать, что скопцы — большие любители мистической литературы и периодической печати.

Наибольшим распространением в сибирских скопческих поселениях пользовались сочинения Якова Беме «Aurora» («Утренняя заря»), Льва Толстого, особенно «Крейцерова соната», журналы «Нива», «Огонек» и др.

Основываясь, главным образом, на личных впечатлениях от молодых скопцов, мы должны отметить, что в от-

ношении умственного развития они резко отличаются от нормальных людей. У скопца отсутствуют импульсы к саморазвитию и углублению в изучаемый предмет. Есть чрезвычайно одаренные молодые скопцы, но и на тех кастрация наложила свой неизгладимый отпечаток. Направление ума даже вполне грамотного скопца — узко практическое: собираясь учиться, он прежде всего обдумывает, не будет ли учение слишком тяжелым трудом для него и обеспечит ли оно его в будущем материально.

Широкая общественно-полезная деятельность, как результат учения, и подготовка к ней — его мало интересуют.

Таков в общих чертах круг житейских скопческих интересов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОВРЕМЕННОЕ СКОПЧЕСТВО

Скопческий процесс, происходивший в апреле—мае 1929 г. в Ленинграде, показал, как глубоко ошибалась наша антирелигиозная общественность, сбрасывая со счетов секту скопцов при учете поборников религиозного мракобесия.

Благодаря строгой конспирации, свойственной этой секте, и, казалось бы, полной беспочвенности ее существования в условиях советской действительности — о скопцах забыли, вспоминая о них лишь как о жутком историческом прошлом. А между тем, окрыленные свободой вероисповедания и религиозной терпимостью советской власти, «бедные сироты», «райские пташечки», бывшие миллонеры-скопцы рассыпались по всему Союзу, свили себе «теплые гнездышки», понасадили «виноград зелен садов» — скопческих ячеек. Скопческие «корабли» существуют не только в провинциальных захолустьях, но даже в обеих красных столицах.

Еще и поныне «жив» скопческий царь Петр III и вот-вот вострубит «в золотую трубушку», призывая верных праведных. Попрежнему распространяются рукописные или напечатанные на машинке скопческие распевцы, страды «искупителя». Как и раньше, приводят в секту «новиков», рубят голову «змию-лепости» и радеют до полного изнеможения. Не далее как 3 августа 1929 г. в секту была принята работница с фабрики Желябова в Ленинграде, а разъезжающий сейчас по СССР скопец Меньшенин еще

в сентябре 1929 г. убеждал в необходимости полного «убеления» принятого в Уфе «новика».

Ленинградский скопческий процессс несколько напугал «Христово стадо», заставил его насторожиться и еще глубже уйти в подполье, но черной, изуверской работы его не прекратил. Не прошло и нескольких дней с момента ареста волосовских и муратовских скопцов, как о нем был извещен весь скопческий мир в Союзе и за границей.

Если за несколько месяцев до ареста некоторые скопцы собирались послать благодарственную телеграмму в ЦК ВКП (б) за то, что их не преследуют и дают каждому «молиться», как он хочет, то после процесса появляется литературное произведение совершенно иного типа:

В нашей северной столице,
В славном Питере во граде,
Есть от духа глагол новый
Про теперешнее время.
Перед нами годы льются,
Словно бурные потоки,
Мысли наши в даль несутся,
А судьбы идут глубоки.
Мир во мраке цепенеет,
Возвышается наукой,
Везде красно знамя реет,
Дух безбожный всюду веет,
Теплота сердец не греет.
А природа все стареет,
Все меняется на свете.
Красно солнце редко светит,
А современные годы
Не хотят признать советов.
Человечество безбожное
Пишет верным подорожные,
А избранные слуги божии
В жизни стали неосторожны.
А как стали дни тревожные,
Стали гордые, многосложные,
Руки к небу поднимают,
А любви не понимают,
Сердца свои пожимают,
Царя явного ожидают,
Мыслями в свете витают,
А в сердцах верушки тают.
А наш батюшка родимый
В чистых сердцах обитает,
И он духом с нами вместе,
Вот вам, други, его вести.
Богу слава, честь, держава
Вовеки-веков, аминь!

В. В. А.

К сожалению, материалы о современном скопчестве, которыми мы располагаем, крайне скудны.

В результате октябрьского манифеста 1905 г. скопцы, как мы уже упоминали, получили право свободного проживания по всей территории России. Большая часть сибирских скопцов (свыше тысячи человек) покинула свои поселения и рассыпалась по городам и селам Европейской

России. После нескольких лет затишья скопчество снова начинает поднимать голову. Из просмотренных нами старых газет видно, что скопчество, хотя численно с каждым годом все более сокращается, тем не менее вплоть до 1914 г усиленно продолжает свою разлагающую пропаганду.

В 1910 г. к скопческому процессу в Харькове было привлечено 142 скопца подсудимых и 250 свидетелей.

В 1911 г. предполагался скопческий процесс в Москве, но дело почему-то заглохло. Затем, в том же 1911 г., как это видно из «Русского слова», № 219, в Курске судились за принадлежность к скопчеству 22 человека.

В 1912 г. за распространение скопчества было арестовано 80 скопцов в Острогожске, Воронежской губ., и 26 человек в Уфе.

В 1913 г. арестовано 27 скопцов в Екатеринбургской губ., 5 — в Рязанской губ., и слушалось громкое дело вышневолоцких скопцов.

В период империалистической и гражданской войн обществу и правительству было не до скопцов. Кстати, в бесчисленных пророчествах «пророки» и «пророчицы» предсказывали скорую победу над немцами и советовали еще усерднее молиться за царя.

В результате Октябрьской революции скопцы-миллионеры превратились в бедняков.

Именной список скопцов-богатеев, с указанием их имущественного положения и находившихся в их руках капиталов, которые погибали в результате революции, дает нам основание думать, что, несмотря на предоставленную скопцам свободу вероисповедания, сочувствие их вряд ли может быть на стороне советской власти. Вот лишь незначительная часть этого списка:

Сестры Смирновы . . .	меняльная контора и около 500 тысяч руб.
Братья Никифоровы . .	1 миллион руб.
Бурцев Павел	1-й гильдии купец, 4 миллиона руб.
Бурцев Александр . .	3-й гильдии купец.
Алферовы	несколько миллионов руб.
Бумагин	10 магазинов с красным товаром.

Борецков	500 тыс руб.
Сестры Обуховы . . .	2 миллиона руб.
Боченцов Илья . . .	400—500 тысяч руб.
Ломоносов Д. И. . . .	несколько миллионов руб.

Мы привели лишь несколько имен московских и ленинградских скопцов, вообще же скопческих капиталов погибло в революции значительно больше.

Не далее как 13 сентября 1929 г. в Ленинграде (Ковенский переулок, дом № 10) на скопческой беседе пророчица Елизавета Тупикова пророчила:

«Помолитесь, праведные, господь с милостью, государь-батюшка со святым покровом. А советскую власть, как с панели грязь, бог пошлет метлу и выметет. А царская корона над Рассеюшкой так и золотится, скоро богу неугодная власть свалится. Бог, дух святой, пошлет китайскую тучу и всех антихристов зароет в мусорную кучу, что вовек они не воскреснут. А вам, детушки, даст бог полную свободу. Только больше молитесь да ожидайте с терпением».

С «содокладом» Тупиковой выступила после нее Татьяна Жаркова и дополнила: «Было в общем суде, государь-батюшка при трубе живогласно вестил, что скоро будет государь, даст детушкам волю. Будете и торговать, а грешные будут горевать. Извольте с терпением дожидать да в любви находиться».

Крестьяне деревни Волосово рассказывали нам, что в 1921 г. скопцы так обнаглели, что открыто выражали готовность перевешать всех коммунистов, как только падет советская власть. Не больше сочувствия в скопческом мире встретила и революция 1905 г. Скопец Н. Иевлев за то, что нес флаг с надписью «Долой царя», был изгнан из скопческой среды, и обозленные братья лишь спустя несколько лет с ним помирились, и то только благодаря тому, что час его смерти был близок.

Выше мы уже определили скопчество как реакционную организацию купечества в союзе с кулацким крестьянством. Эти выводы полностью подтверждаются и со-

циальным составом и характером деятельности современных скопцов.

Волосовские и муратовские скопцы представляли собою крепкую кулацкую организацию, противодействовавшую всем начинаниям советской власти.

«Стоит только кому слово сказать насчет товарищества или какой культурной работы, а они прямо глотку на сходе затыкают. Особенно Александр Петрович: слова против скопцов не скажи. Так и ходил все время с револьвером. Такой был горлопан. И хорошо, что его посадили» — так отзываются о скопцах волосовские крестьяне. «По имущественному положению главари скопцов из деревни Б. Волосово и Муратово оказались крепкими хозяйчиками, имевшими хороший доход от ломового извоза. Так, Иван Андреевич Хус — обладатель двух домов, каменного и деревянного, молотилки, пяти ломовых телег, сепаратора. В городе у него две ломовых запряжки, наемный работник, получающий 2 руб. в день. Доход его в иные дни выражался в десятках рублей».[1]

«Вот скопец Пардонен из дер. Муратово, также собственник молотилки, сепаратора» и т. д.

Словом, большинство скопческих хозяйств—или крепкие середняцкие или кулацкие. Путем экономического давления на бедноту и при содействии крепкой организации старых скопцов «божьи» люди» пустили в деревне довольно прочные корни. Зажав дервню в кулак экономически и политически, скопцы стали создавать, вернее — насаживать, и свою, скопческую, «культуру».

Оскопленнная уже после революции молодежь образовала как бы свой скопческий кружок молодежи. Под руководством старых скопцов и скопчих молодежь училась «скакать» (радеть), разучивала и пела скопческие распевцы и слушала пространные пророчества про грядущее

[1] Маторин Н. М., статья «Невероятный пережиток», «Партработник», № 12 за 1929 г., изд. Ленинградского Областкома ВКП(б).

блаженство в награду за «праведный» образ жизни скопцов.

Как уже нами отмечалось выше, оскопленная молодежь являлась и здесь одним из лучших орудий скопческой пропаганды. Девица А. А., неравнодушная к некоему Н., посещавшему радения вместе со своим дядей, скопцом Б., также стала ходить на беседы и была «убелена» удалением сосков. В. А., узнав, что оскопился его друг А. П., «попросил», чтоб и его оскопили, и т. д. Почти вся волосовская молодежь в той или иной мере была втянута в секту и участвовала на беседах.

N, счастливо избегнувший горькой участи скопца, рассказывал нам, что он два раза убегал из-под ножа Соглашался, а потом раздумывал.

Скопцы умеют окружить пришедшую «душу» на первое время лаской и заботой.

Спустя 8 или 9 месяцев после процесса, который, казалось бы, должен был кое-чему научить организации. ведающие культурной работой в районе, автор настоящей книги вместе с членом сельсовета и одним студентом Ленинградского коммунистического университета едва не были избиты пьяной молодежью в соседней с Волосовым деревне. Никакой или почти никакой культурной работы в районе до процесса не велось. Суеверное население еще до сего времени верит в домовых и всяческую чертовщину. В 1927 г. крестьяне деревни Волосово даже облаву на домового устроили.

«Года два тому назад было такое дело у нас, — рассказывает крестьянин деревни Волосово, — в один дом стал ходить ночью домовой. Хозяин очень боялся, стал просить нас караулить его. Я ничего не верил. «Ничего, — говорю, — не может быть». Ну, вот: собралось нас человек 10 мужиков. С ружьями все. Когда стало скоро 12 часов, огонь потушили, темно стало в избе. Смотрим, — кошка черная идет. Один хотел стрелять, а мы сказали: «Зачем кота бить? Он не виноват». Подошел он к окну (кот черный) и: «мяу, мяу, мяу». Потом прыгнул на чердак.

Вдруг как трахнет что-то, как из пушки, по стене. Мы кругом дома стали смотреть. Думали, может, кто пошутил. Нет никого. И следов никаких нет. Опять сели в избе. И через малое время опять: трр-ах. И ничего не было. Что это такое? Нет, что-то есть...» — так заключил свой рассказ Александр Петрович Низонен, который после этого случая три дня болел, должно быть, от испуга.

То же самое об этом случае рассказывают и другие участники облавы на домового, причем один старик высказал весьма дельное предложение: «А я, — говорит он, — и теперь не верю. Я только думаю так: на печке лежал старик один. Может, он стучал ногой в стену, а?».

Другой случай, рассказанный нам в той же деревне, заключается в следующем. Полтора года тому назад, во время порубки леса деревом убило крестьянку Елизавету Матвеевну Тэрло. В доме убитой вдовы через некоторое время поселился Пётр Головин.

Но, прожив 4—5 дней, ночью со всей семьей выбрался обратно, уверяя жителей, что его беспокоит по ночам какая-то сила. То он слышал удары в стену, подобные раскатам грома, то легкое постукивание пальцем в стекло и человеческий голос, говоривший: «Уходи отсюда. Что тебе нужно? Уйди с моей кровати. Оставь меня здесь одного» и т. д.

С весны 1929 года в дом въехал на жительство крестьянин Николай Луконен.

Узнав, что Луконен также собирается уезжать из дома и по секрету сообщил старухе Марье Ивановне Пивдунен что и его беспокоит домовой, я попросил его рассказать в чем дело.

Рассказывал он довольно сбивчиво, но по возможности передаю подлиный его рассказ.

«Да, что-то есть. Один раз ночью мы спали, вдруг поднялся такой грохот, что я думал, что двор обвалился. Так и думал. И жена слышала.

А потом еще раз, как будто кто прыгнул с крыши на чердак. Потом заболел жеребенок. Умер. Поросенок был

хороший, тоже умер Я-то сам не слыхал, но жена слышала голос. Меня не было дома. Вечером поздно прихожу домой, а дома огонь горит. Я говорю: «Зачем зря свет горит, все равно ничего не делаешь, лежишь» Жена говорит, что страшно. Проходил он и как пальцем стучал в окно.

«Соня дома?»—голос такой, как будто в нос говорит. Она ничего не сказала ему. Потом говорит: «Приготовь скорей». И ушел. А никого нет. Она смотрела в окошко.

И еще одна девочка из окошка видела, что к нам в дом шла женщина нашей деревни и несла в руках холст. Принесла и положила. А мы никто другой этой женщины не видели, а девочка видела.

Что это такое?

Когда спрашивал Соню (жену), это было в субботу, а в воскресенье заболела корова.

На девятый день я ее продал мясникам, а они ее дорогой зарезали. А то бы околела, не могла итти».

Пьянство и дикие драки с убийствами на общем фоне бескультурья отталкивали от себя некоторую часть молодежи, которая, за неимением лучшего, шла к скопцам и слушала их «святые» песни. А культурные организации преступно спали... В результате десятки молодых парней и девиц искалечены на всю жизнь изуверской организацией. Когда случайно попавший в деревню коммунист А. А. выразил негодование по поводу работы скопцов, шедший рядом с ним член налоговой комиссии, Александр Пивдунен, вынул наган и наставил на него.

«А ты знаешь, — говорит, — что я за скопцов застрелю тебя как собаку? Что они тебе плохого сделали? Я сам скопец и обижать их никому не дам». Однако не застрелил, а плюнул и пошел прочь. Случай этот, переданный нам самим А. А., показывает, как уверенно чувствовали себя скопцы до самого последнего времени.

Может быть мы бы и до сих пор не знали о существовании скопческого «корабля» в Волосове, если бы молодой скопец Андрей Пивдунен, живший в работниках у сво-

его дяди-скопца, не был оскоплен последним и не подал на дядю в суд заявление. Уговаривая его оскопиться, дядя обещал после смерти все имущество и даже золото оставить племяннику. Оскопив Андрея, дядя, однако, начал эксплоатировать его, нагружая непосильной работой. Мальчик стал требовать платы. Тогда дядя выгнал его из дома, не заплатив ему ни копейки за два года работы. Андрей подал в суд.

С этого и началось волосовское дело.

В результате было привлечено к судебному следствию несколько десятков скопцов, главари которых были признаны на основании статей 17, 123 и 142 виновными в распространении религиозного суеверия, связанного с материальными выгодами, и в умышленном нанесении телесных повреждений, причиненных мучительным способом. О том, что суд не ошибся, квалифицируя скопчество как религиозную организацию, основанную на материально-корыстных интересах, с еще большей несомненностью свидетельствует деятельность московских скопцов. Всего их насчитывается 500 человек; из них оскопленных 150, остальные «приведены», но еще не оскоплены.

По словам сейчас порвавшего со скопчеством N, лично все видевшего в 1928 г., московские братцы и сестры привозят в Москву девушек из глухих деревень Рязанской губ. и заставляют их взять чулки, кружева, шить галстуки.

«Из домов, — рассказывает N, — их не выпускают на улицу по несколько лет. Кормят только постными щами, свеклой да гнилой картошкой. Работать заставляют по 16—18 часов в сутки и ничего за работу не платят. А по вечерам кружатся и поют распевы. И потом, конечно, оскопляют их сестры.

Мне они подарили четыре галстука.

В несколько лучшем положении находятся галстучницы, которые в виду своей более высокой квалификации получают за свой труд некоторую плату. Однако и они жалуются на злостную эксплоатацию. Многие бы домой

уехали, но уже того — немножечко нехватает, как домой поедешь?»

В конце 1929 г. ленинградские скопцы, немного успокоившиеся после волосовского процесса, снова насторожились. Прислуга и работница-чулочница московского скопца Петра Петровича, у которой вследствие полного удаления обеих грудей долго не заживали раны, помешалась и, убежав из дома, кинулась в Москву-реку топиться. Но ее вытащили. «Подошел постовой милиционер — мол, что такое, зачем топилась? А она расстегнула кофту, а там груди вырезаны до костей. «Вот,—говорит, — что сделали со мной скопцы». — «Какие, — говорит, — скопцы?» — «Мой хозяин да ты» — ткнула в милиционера пальцем.

И сейчас несколько человек братьев арестовано. Но только, по-моему, зря; Петр Петрович, это я наверное знаю, что не он скопил. Кто-нибудь из сестер» (из рассказа скопца Г. М.).

Большинство руководителей московского скопчества— бывшие богачи-миллионеры. Потеряв в революции капиталы, скопцы лихорадочно стараются нажить их снова путем массового калечения прозелитов и безудержной их эксплоатации. Скопческий культ, легенды об «искупителе» и спасении души — лишь внешняя личина, прикрывающая злостную эксплоатацию темных людей, которых скопцы ловко заманивают в свои сети, обещая им будущее блаженство в воздаяние за «праведную» жизнь.

Не менее ярко хищнически-кулацкое лицо скопчества в деревне выявил и процесс саратовских скопцов, происходивший в декабре 1929 года. Перед судом предстали в качестве вожаков «корабля» кулаки-лишенцы — Решетниковы, Шевырев Осип и Евдокимов Тимофей. Кулаки-скопцы брали в аренду хутора, имели подсобное молочное хозяйство, до десятка и больше молочных коров на каждый двор, в их распоряжении были сеялки, веялки, сельхозмашины до тракторов включительно. Хозяева пили чай на Сенном рынке, приторговывали скотину, а на хуторе «от темноты до темноты», по показанию свидетеля

процесса батрака Луняшина, гнула спину наемная рабочая сила. В домах же, на скотных дворах, также от зари до зари работали батрачки и «сестры во Христе» — забитые, запуганные жены скопцов». [1] По поводу эксплоатаций кулак Шевырев на суде заявил: «Эксплоатация позволена богом, ибо ни в Евангелии, ни в другом св. писании о запрещении эксплоатации ничего не сказано».

Но полностью выявить преступную физиономию скопчества помог второй ленинградский процесс, происходивший в январе 1930 г.

В течение 5 дней суда 13 тысяч ленинградских пролетариев с интересом следили за разоблачением хищников-контрреволюционеров, представших перед советским судом. На скамье подсудимых, рядом с бывшим миллионером Ломоносовым, бывшим капиталистом и теперешним валютчиком Алексеевым, кулаком и торговцем Петровым оказались работницы с фабрики Желябова. Оказалось, что скопцы свили свое гнездо не только в окрестностях Ленинграда, но и в самом центре, на фабрике, вербуя в свою секту наиболее отсталых работниц. На суде, разоблаченные показаниями Бутинова, Силина и Григорьевых, скопцы пытались показать себя советскими людьми.

«Пророк»-фанатик Морков заявил: «Когда Ленин умер, когда по всей России прогремело,что Ленин умер, я сказал, что в России не стало больше хозяина, потому что Ленин учил всех есть из одного котла. А на утро меня хватил паралич».

Центральная фигура процесса — Ломоносов. К его голосу прислушиваются остальные скопцы. Ломоносов — щеголь и скопческий аристократ. Развязный и самоуверенный, он держит перед судом витиеватые речи о каких-то белых садах, о какой-то нежно благоухающей чистоте...

Несмотря на то, что Бутинов, рабочие Силины (отец и сын) категорически уверили суд, что их оскопил Ломоно-

---

[1] П. Гнездилов. Черный корабль. Саратов, 1930 г. Изд. совета СВБ.

сов, последний с свойственной скопцам лживостью сказал, что «это неправда».

В руках Ломоносов беспрерывно держит покров, как бы сигнализируя этим, что он идет по стопам искупителя. И этот кроткий тучный барин оскопил до 20 мальчиков. Искалечил 20 человеческих жизней, стремясь вернуть потерянные в революцию капиталы. Выступавший на суде недавний скопческий агитатор Бутинов, бывший орудием в руках изуверов, заявил, что скопцы делятся на две части. Одна часть — привилегированные, пророки и оскопители, кулачье, т. е. бывшие менялы, вторая — это крестьяне, рабочие и работницы, словом, обманутый, искалеченный и темный люд.

Прекрасно учитывая, что на одном Петре III, т. е. втором Христе, в наше время далеко не уедешь, скопцы по-новому, «по-научному», перестраивают свое обоснование скопчества. Кроме уже цитированных нами откровений о скопчестве И. Ермакова, считаем нужным познакомить читателя с мыслями скопца Г. П. Меньшенина на этот счет.

В письме к академику Кони он пишет:

«Возражаю категорически против научных исследователей, ученых медиков, как то: Пеликана, Немилова и др., что наличность половых желез очень важна для духовной деятельности и на этом основывается все учение об омоложении. Искусственно повышая половую деятельность, врачи надеются вызвать повышение физической и умственной жизни человека. Кастрация, — врачи говорят, — ведет к ослаблению духовной жизни и творчества.

Взгляды этих эскулапов, смею уверить, неверны, неосновательны и бездоказательны как научно, так и практически.

Кастрация (оскопление) ничуть не влияет на духовную и умственную жизнь человека, даже и физическую. Я, прожив 60 лет среди группы скопцов в 200 человек и сам будучи оскоплен 9 лет от роду, категорически доказываю и уверяю, что взгляды медицинской науки по этому поводу поверхностны и не проверены практически, не зная жизни скопцов, их духовного и умственного уклада и качества скопческого быта.

Я разделяю мои утверждения качеств скопцов на шесть категорий:

1. Физически скопец, даже оскопленный от 10 до 15 лет мало теряет силы, но энергия и умение, предусмотрительность в жизни значительно повышены против не-скопца.

2. Умственно скопец ничуть не теряет против не-скопца, даже оскопленный 5—10 лет; деятельность мозга, умственных артерий, постепенно возрастая, работает нормально и развивается пропорционально, ничуть не понижается против человека—не-скопца.

3. Духовно, нравственно скопцы выше стоят того уровня, той среды, из коей они вышли, и равно оскопленные в малолетстве добры, сострадательны к нужде человека или несчастью, они милостивы и снисходительны и во всем последовательны, справедливы и честны.

4. Политически скопцы нисколько не теряют способности здраво мыслить и понимать, определять значение политики и всегда интересуются таковой более, чем та среда, из которой они ушли в скопчество. По выражению князя Голицына, эпохи Александра I, скопцы — настоящие философы.

5. Хозяйственно-экономически скопцы — примерные хозяева и серьезно-практические. Они всегда выделяются среди окружающих их поселения не-скопцов; у скопцов дом, двор, рогатый скот, лошади, инвентарь сельского хозяйства, поля, хлеб в поле — высшего качества, словом, очень резко и наглядно выделяются против другого населения — не-скопцов.

6. Скопцы по наружному виду здоровы. Если оскоплен в малолетстве, правда, теряет наружную растительность, бороду, усы, изменяется физиономия лица в сторону женственности, и голос делается теноровым — и только; остальные качества скопца ничуть не ниже или хуже не-скопца, а напротив, приличнее, гигиеничнее, здоровее и даже представительнее той среды, из которой скопцы ушли.

Вот мои выводы, взятые из практической жизни скопцов и данного личного наблюдения, находясь среди скопцов, как выше сказано, 60 лет.

Не буду отрицать, что ниже высказанной оценки скопцов нет,—есть, но самое большее 10—15%.

В заключение всего, что мною сказано в опровержение мнения медицины о низком уровне духовно-умственном скопцов, будет написана статья с более подробным подтверждением против такого мнения.

Г. П. Меньшенин.

Уфа, 14 марта 1925 г.

В противоположность Ермакову, считающему нежелательным оскопление не вполне физически развившихся мальчиков, Меньшенин смотрит на скопчество гораздо проще. Его обоснование более доступно скопческим массам.

«А Ориген,—пишет Меньшенин в письме к N,—глупый был, и много образованных людей в XIX в. были скопцы. Нет, это не то, что Селиванов и другие были глупы и отрезали себе мешочек с двумя шариками, как лишнюю тяжесть и вредную вещь в смысле отдельного человека. Да, кажись бы, штука небольшая, а сколько зла приносит человеку и человечеству всего мира: ссоры, драки, убийства, войны целых народов, болезни и уродования тела и другие мерзкие последствия и действия, отвратительное извращение нравов и пола,—словом, Селиванов прав в том, что находит великий грех человека с этими вещами. Что заставляет зава делать растрату?—тайный уд. Почти на каждом углу — больницы с лечением венерических болезней и разных трипперов, что это заставляет, как не богом дарованные уды?

Тысячи абортов, возникающих вследствие тайных уд и калечащих самую здоровую жизнь, убийства новорожденных детей,—все это последствия тайных уд".

Дальше, Меньшенин говорит, что раньше кадетов целыми взводами водили в дома терпимости, и теперь на каждом углу можно встретить уличную женщину.

Если человек «в зрелом возрасте решается на такую жертву, навряд ли это вредно для социалистического государства», заключает он (писано в ноябре 1928 г.).

Как видит читатель, современные скопцы обосновывают скопчество или чисто рационалистически (даже не упоми-

ная религиозных мотивов), приписывая ему цель—сделать человека более совершенным общественным деятелем (Меньшенин), или же более высокими стремлениями «духа» (Ермаков).

В своем «открытом письме» Ермаков предлагает скопцам коренным образом реорганизовать свою жизнь путем учреждения «духовных семейств» (нечто вроде коммун), от 15 до 50 человек в каждом. О характере этой коммуны читатель может судить по прилагаемому в приложении примерному уставу, набросанному Ермаковым. Нужно сказать, что, несмотря на выгодность его для спасения души, большинство «братцев» категорически отвергло предложение Ермакова. «Я тоже поднимал вопрос о коммуне, но, куда там, и слышать не хотят», сообщил нам Меньшенин.

В условиях пролетарской диктатуры секта скопцов может быть рассматриваема не только как пережиток, но и как крайнее проявление социально-экономического протеста против основ советского строя. И по своему культу, и по своему прошлому и настоящему имущественному положению секта не может быть доброжелательно настроенной по отношению к советской власти. Современное скопчество заслуживает, чтоб на него обратили серьезное внимание в силу: 1) его контрреволюционной идеологии, 2) его вредной социально-экономической деятельности и 3) его исключительного религиозного изуверства, влекущего за собою физическое и духовное калечение прозелитов. [1]

История скопчества показывает нам, какой живучестью обладает эта секта и как ошиблась советская общественность, предполагая в периоды ухода скопцов в глубокое подполье, что скопчество перестало существовать.

Основные мероприятия, которые, по нашему мнению, должны быть в первую очередь проведены в районах, охва-

---

[1] Прозелит — непосвященный.

ченных скопчеством, кроме мероприятий, обеспечивающих борьбу с религией вообще, — таковы:

1. Организация сети политикопросветительных и культурных учреждений и посылка в районы дельных культурных работников — антирелигиозников и врачей.

2. Учет имеющихся скопцов и строгое за ними наблюдение.

3. Изоляция от населения административными мерами убежденных скопцов-фанатиков, пропагандистов и оскопителей.

Жизнь показывает, что сколько бы скопец ни подвергался наказаниям, это не только не умаляет его рвения «убелять людские души», а, наоборот, он считает, что идет по пути «искупителя», и еще энергичнее продолжает свою вредную пропаганду. Некоторые из современных скопцов десятки лет находились в тюрьмах и ссылке при царском строе, но это их ничему не научило.

Надо изолировать 40—50 преступников, лишив их возможности калечить десятки и сотни людей.

Приложение 1

ИЗ ПОСЛАНИЯ К. СЕЛИВАНОВА КО ВСЕМ СКОПЦАМ

Послание от самого превышнего бога и отца нашего, искупителя, вселенского учителя и великого страдателя и неусыпного молитвенника и попечителя о душах наших, и от государыни моей, матушки, и вашей великой помощницы и верховной полковницы, чистой и непорочной девицы (Акулины Ивановны), и от возлюбленного моего сына, друга и наперсника (Александра Ивановича), и от всей живоначальной и нераздельной троицы, писанное в Цареграде; и посылается в тот собор, в котором по большей части было обновление и адамовым грехам разрушение; и чтоб сие послание всем соборным объявить и никого бы не заделить, и в том бы нам бога и отца-искупителя не прогневить.

Во имя отца и сына и святого духа.

Возлюбленные вы мои, детушки и други сердечные. Пишу я вам, отец ваш, искупитель, грустную мою хартию, и не будет ли оная кому из вас в противность, но уже не терпит моя прискорбная утробушка и не молчит язык мой во устах моих. И пишу я вам неоднократно: поживите чистотою, а работайте господеви со страхом и радуйтеся ему с трепетом; примите наказание отца своего, искупителя, за благо и имейте между собою искупительскую любовь; а где любовь, там и бог, и где совет, там и свет. И что я вам, отец, запрещаю, того вы не творите, и отца своего, искупителя, в том не прогневите и сами от себя царствия небесного не затворите. И на кого ж вам будет в те поры пенять, ежели не будете своего искупителя приказание исполнять?

А, кажись, прекрасное ныне время: снимает с нас отец всех грехов бремя. На что иная плоть дремлет? А нам бы, кажись, не надо много спать, а надобно бы, други, стоять прямо, покель с нами божие знамя, и, как можно, иттить надо его стезями и в нонешние времена непрестанно литься горячими словами,— во-первых, от радости, что явилось нам, многогрешным и недостойным, на земле такое неоцененное сокровище; во-вторых, что зря на сие красное солнышко, а живем в забытьи. И в честь прошу я вас, любезные мои детушки, отец ваш, искупитель: храните чистоту, бойтесь жен-

ской лепости и не заглядывайтесь братия на сестер, а сестры на братиев, и не входите в праздные разговоры, да и берегитесь братья с сестрами и про бога говорить много, — и тут не столько бывает душе помога, сколько внутренности смятение и тревога, и тут как раз у иного сердце заболит, да овин со пшеницею сгорит. А, кажись, вы слыхали, что за всякое праздное слово, да и не за одно только слово, но и за самые тончайшие и негодные помыслы должны будут пред богом ответ отдавать; а кольми паче на беседе должно со страхом и трепетом службу продолжать и точно во гробе лежать; а не за лепостию бы нам умом своим бежать, а чистотою надо думы свои украшать. И еще что я вам, возлюбленные, изглаголю, сколь сильна лепость к разорению внутреннего храма; иной монах или монахиня пойдут из келей своих на беседу, и, ровно маков цвет, цветут, а с беседы придут в свои кельи — в чем мать родила. И тут непременно таковой душе надобно тужить, сетовать и плакать, точно как матери, по потерянном своем отрочати, по тех пор, пока истинный сын милость свою им явит и благодатию своею души их посетит и храмы их обновит. О, лепость, лепость, душепагубная лепость, которой не терпит превышнего бога и отца нашего, искупителя, утроба, и не умолкает язык во устах его, но непрестанно глаголет, ненавидит бо душа моя лепости, ибо лепость, яко вселютейший змий, всю вселенную пожирает и от бога прочь отвращает, да и до бога не допускает; ибо через лепость пророки пророчества и учители учительства лишились; но и великие угодники за лепостию не доходили до царствия небесного, променяли вечное сокровище на тленое и душепагубное житие; и все таковые, имевшие лепостную заразу в себе, лишены будут вечного блаженства. Хотя таковые люди по сырой земле и катаются, но в них дух чистейший и благодать истинная присутствовать не может, а вселится в сердца их дух лживый, и будут литься их не светлы, а темны, и они рекут истины, но представляют одни только мечты. А в кротких и по чистоте живущих людях присутствует благодать божия и истинная, и тою же благодатию, яко многоценым миром, всякая душа помазуется в живот вечный. А девственницы и целомудренные предстанут престолу господню и воспоют песнь нову, ее же никто же иный может пети, точию сии, иже не оскверниша лепостию храмы своя. А чистые сердцем, те всегда зрят на бога и на сына божьего лицом к лицу. Возлюбленные вы мои, детушки, желаю и я вам также послужить ради бога; за то вам будет в небе помога, и расчистится вам к уготованному месту дорога. И это, возлюбленные, надо все здесь заслужить, так и в небе не будете тужить.

Возлюбленные вы мои, детушки. Обратите внимание ваше во глаголы уст моих и воззрите вы, мои детушки, как царь славы и отец ваш, искупитель, вас ради поруган был и обесчестен и похулен, оплеван и терзаем был. Я трудился и болезновал, скорбел и

тужил; связан был, да вас от уз греховных разрешу; судим был и осужден, да вас вечного суда избавлю. И сколько пролито моей крови, и раздроблены были все мои члены; и в Туле меня на кресте распинали и головушку мою горячим сургучом обливали; и в Сосновке на меня багряную рубашечку надевали и в преиспестренные ризы облачали; и оттуда меня в дальние страны отсылали с прочими невольниками. И я сто тюрем обошел, а вас, моих детушек, нашел, — теперь вы меня поищите, да и, нашедши, не потеряйте, — а только того ради, чтобы объявить закон Христов и утвердить чистоту, и разорванные у израильтян злобою и ненавистью сердца дабы связать союзом духовные любви. Ибо кто любви не имеет, тот и в царствие не внидет; хоша и плоть свою он мучит, а отрады не получит; хоша и слезы проливает, его батюшка не знает. А кто в любви хочет жити, тайну жертву сотворити, а плоть в темницу затворити, а душу из плену лепости свободити, тому непременно надо глагол сына божьего возлюбити.

Возлюбленные мои детушки. Пишу я вам, искупитель, послание сие вкратце, а житья моего и похождения никоим языком не можно изрещи, ни пером описать, а только я вам одну чистоту являю. А кто мою чистоту понесет, тот очищен и оправдан будет пред богом и отцом моим небесным, и я, искупитель, буду помощник душам вашим в сей жизни и в будущей, и буду сам проводником душам вашим; и будет поставлена лестница, по которой пойдут отошедшие души в жизнь вечную и встречать станут души ваши: моя матушка, Акулина Ивановна, а потом возлюбленный мой сын, Александр Иванович, и доставят чистые души ко уготованным им местам. Аминь.

Приложение 2

ОБРАЗЦЫ СКОПЧЕСКИХ РАСПЕВОВ, НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫХ ПО ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИЮ

(№№ 4—7 взяты из скопческих рукописей)

1. О СЕЛИВАНОВЕ

На восточной было, на сторонушке,
При большой, при буйной при дороженьке
Вырастал зеленый виноградный сад.
Во саду стоят древички кипарисные,
На древичках цветики, цветы царские.
Прилетали пташечки, птицы райские.
Распевали песенки херувимские.
Среди того садику виноградного
Стояло тут древичко кипарисное.
Выросло то древичко до седьмых небес,

Сотворило древичко много и чудес.
Расцвел по нем цвет во весь белой свет.
Это было времечко — златые годы,
Протекли по садику живые воды,
Наслаждались пташечки счастливой порой...
А царем был у пташечек золотой орел,
Воспитывал пташечек духовной едой,
А поил он пташечек живой водой,
Сберегал он пташечек под своим крылом.
Вырастайте, пташечки, милые детушки,
Поправляйте быстрые свои крылушки,
Наслаждайтесь времечком, красною весной.
Теперь управляю вас ручушкой десной.
А то придет, детушки, лето теплое,
Неравно взойдет на вас туча грозная,
Подымутся ветры, ветры буйные,
Зашумят леса на вас, леса на вас, леса темные;
Закричат враны на вас, птицы черные;
Возьмут меня, пташечку, за оба крыла,
Поведут от детушек с широка двора.
Сошлют меня, пташечку, во страну дальнюю,
Во дальнюю сторону, в полуденную;
Запрут меня, пташечку, в тесную клеточку;
Долго не услышите о мне весточку.
Одни верные детушки станут вспоминать;
Станут они вспоминать, плакать и рыдать,
А неверны детушки станут забывать,
Станут они забывать, в землю зарывать;
Немного останется во моем саду,
Многие заблудятся во темном лесу.
Без поры, без времечка завянет мой сад.
Покривятся древички многие назад.
Забыли вы, детушки, мои словеса,
Обманули, детушки, слабы телеса.
Попомните, детушки, все мои страды.
Вы, названы детушки, живые сады.
Скоро, скоро, батюшка, сам буду у вас.
Оглянитесь, детушки, на праву страну,
Не достаньтесь, детушки, черному вран
Берегитесь, детушки, слушайте приказ:
Соберу всех детушек себе на глаза,
Посмотрю сам, батюшка, на ваши дел
Верных своих детушек сам буду дарит
А неверных детушек царь будет суди
Попомните, детушки, тому делу быть
Славен бог прославится вовеки. Амин

2. ОБ АКУЛИНЕ ИВАНОВНЕ

Позирал господь со седьма неба,
Сопущал сосуд на сыру землю
Со пресветлым даром божиим,
Поставлял сосуд во девичий храм.
Чиста девица перекрестилася,
В небесах звезда засветилася.
Тут российская государыня
Бога узрила, удивилася,
Что красно солнце и пресветел рай.
С красотой божией не расталася,
Царской славы своей лишилася,
На восход пошла, возмолилася,
На колени становилася,
Подняла в небо свои ручушки.
Вера огненна воспылалася,
Дверь небесная отворилася,
К ней вся троица во крылах летит,
Полной дух святой весь собор светит,
На округе пророк, яко гром, гремит,
Ей судьбу сулит превысокую,
Песнь на глас поет херувимскую,
Кораблем идут по небесному.
Тут великая государыня
Божьей радости радовалася,
Всему небушку отдавалася,
А с земным царством расставалася:
«Не хочу владеть я короною,
Елизаветою быть Петровною,
Лучше быть церковью соборною,
Лучше мне иттить путем тесным,
Завладать царствием небесным.
Все желания в небеса вложу,
Жизнь прокладную я прочь отложу,
Голубу ленту я с плеч сложу,
Оставайтесь, дворцы, палатушки,
Я пойду служить божьей матушке;
Унижу себя ниже травушки,
Возвышу душу до седьмых небес,
А к сотворшему принесу свой крест;
За небесное ликование
Хошь приму на земле страдание».
Нарекла себе новое звание:
Акулина, да свет, Ивановна,
Наша матушка радованная,

Вторым царствием коронованная,
Заря белая, разливанная,
Просвещала стадо избранное,
А сама пошла по сырой земле
Принимать нужду и голод, стужу,
Аки странница, без гнезда птица,
Рассевала свое спасение,
Претерпела много гонения.
Приходилося нашей матушке
Укрыться в горы, ночевать в поле;
Слышит матушка велик стон в море,
Адамов закон, яко лютой слон,
Много душ гонит в горящий огонь.
Слышит матушка — устрашилася,
За все душеньки заступилася,
Как свеча, во тьме засветилася.
Подала всем своим учение,
Всех избавила от мучения,
Взяла всех к себе на большой корабль,
Всех отправила во небесный град.
О, свет, матушка государыня,
Твоя милость ко всем великая.
Ты явила Христа спасителя,
И душам нашим попечителя.
О, свет, матушка, чистая девица.
Семистрельное твое сердице.
На спасенных душ утешаешься,
А которые плоти бурные,
Лица темного, сердца злобного, —
На тех, матушка, оскорбляешься,
Как стрела, в сердце пробиваешься,
Наша матушка богомудрая,
Акулина, да свет, Ивановна,
Солнце праведно, крепость каменна,
Ты, свет-радость, звезда ясная,
Саваофа роза красная,
В седьмом небе ты красуешься,
Тебе слава, честь бесконечная,
И аминь царю, свет, небесному.
О, свет, наше красное солнышко,
Государь, родимый батюшка,
Святые дух преблаженные,
Страдатель, духом рожденные,
Пребывает на Сионской горе.
Сион-гора превысокая,
Наша матушка глубокая,

Акулина, свет, Ивановна
Духотворная, чудотворная,
На господа положилася,
Святым духом разблажилася,
В златую трубу раструбилася,
Чудесами растворилася:
Вознеженное дитятко
На белых руках явилося.
Наша матушка, сударыня,
Горючими слезами залилася,
Весьма она удивилася.
Хороше дите родилося,
Всей вселенной пригодилося.
Вся вселенная покорилася,
Земля-небо обновилося,
Стена адова повалилася, —
Не устояли адские крепости,
Что и не было лепости,
Что избавил бог от слепости.
По его, света, рождению
Много было похождения.
Наша матушка, сударыня,
Акулина, свет, Ивановна,
Саваофу помолилася,
С благодарностью поклонилася,
Что всякая душа грешная
Пришла к престолу, поклонилася,
И во всем она повинилася,
Причастьицем причастилася,
Ни на что б вечно не льстилася.
Свет, аминь царю небесному,
Утешителю, сыну божьему,
И святому духу блаженному.

3. ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВИЧЕ

Царь-молитва у нас высокая,
Дай нам, господи, к нам Иисуса Христа,
Александровская ясная звезда
Облака прошла да к тебе пришла.
Пришел, батюшка, сын молитвенный,
Александр, да свет, Иванович.
От роду своего имел он дар,
Веру истинну много лет искал,
По ночам не спал, богу докучал,
Во все небеса громкой слух подавал

Ко отцу, сыну, ко святому духу.
Уж ты, батюшка, Саваоф-господь,
Покажи ты мне, что во свете свет.
Все я, господи, веры произошел,
А спасения в них я не нашел.
Мое сердце разгорается,
Вечной красоты добивается.
Кабы я узнал веру истинну,
Я б головушку с своих плеч отдал,
А тело свое на части изорвал.
Принял просьбу небесный царь,
Своих ангелов на землю послал
К милосердному искупителю
И к душевному производителю,
Что взыскать душу Александрину.
Искупитель, родимый батюшка, получил приказ со седьма неба.
Он послал послов своих верных,
Чтоб позвать Александра Ивановича,
Перекрещенского учителя.
Принимал послов от Израиля,
А сам он приносит покаяние.
Вы пришлите мне того самого,
Кто развяжет узы греховные.
Тут посланнички возвращалися
Ко родимому, свету, батюшке.
Скоро батюшка собирается,
Как орел, летит, сподымается.
Александрушка дожидается,
Навстречу ему со крестом кланяется,
В гости к батюшке собирается.
Его взял агнец за праву руку,
А он батюшке давал поруку.
Приводил его сударь-батюшка
В свой давыдов дом, во Христов закон
Где ликуют души спасенные,
А плотски огни погашенные.
Ему, батюшке, позавидовал,
Как тебе голубица белая
Свой секрет тайной проповедала.
Александрушка, ты мой свет родной,
Будь же ты учитель столбовой,
Через пропасти ты мосты построй,
Чтоб овцам пройти на восток-страну,
А сам будь готов к явному суду.
Как и взяли его на строгой допрос,

На первый разок вышибли глазок.
Перекрестился, бога славя:
«Этот первый дар мне от бога дан».
Еще батюшка жестоко терпел:
Приготовили прутья резвинны,
Сербариновы, весьма колкие,
Всю содрали пречистую спинушку, —
Ему сам господь подал силушку.
И отправили света-батюшку
Во ту царскую, во палатушку,
Во невольное заточение.
Он в неволе жил, а сам пел, блажил,
Много душ вновь к богу приводил,
Адски ереси много посломил.
Тут сказал ему адский гонитель:
«Уморю тебя в заточении,
Велю в гроб зарыть, где вода стоит».
Александрушка на ответ говорит:
«А тебе бог сведет руки и ноги,
А мне от бога будут помоги».
Как жизнь батюшкина покончилась,
Что обещано, то исполнилось.
Он четыре лета в трясине лежал,
Но был чист, бел, ничем невредим.
Адский гонитель скорби не стерпел,
Послал просьбу он царю поскорей,
Чтобы вынуть гроб из низка места.
Александра богоугодника
Открывали мощи страдательны,
Все дивились его нетлению.
Приносили мощи пречистые
Со великою честью-славою
На тое гору Преображенскую,
На высоко место прекрасное.
Повеление было царское,
Преподобие его славили.
Уж аминь царю, свет, небесному
И святому духу блаженному.

4. ОБ АРХАНГЕЛЕ МИХАИЛЕ

Михаил Архангел, он девственный ангел,
Девство ублажает, в помощь поспешает,
Благодатью росит, сотворшего просит,
Дает ревность-силу просящему сыну,
Или други дочи, да кто только хочет,

Тем может помочи, отводить от ночи.
На светлые зори ликуйте в соборе
Во моем, Сионе, в давыдовом доме,
Слушайте божьи утехи, не творите смехи.
Пойте мои гусли, имейте святые мысли.
Михаил Архангел, прозорливый ангел,
Все тебе известно, чья плоть прелестная,
Чья плоть прелестна поступит нечестно.
С душою в раздоре, беседует в соборе
Михаил Архангел, шестокрылый ангел,
Воин чистоплотный, господу угодный,
Взоры его дивны, а греху противны,
Шпага его острая. Бойтесь, братие и сестры,
Просите прощенья, в мыслях сокращенья.
Михаил Архангел, он — девственный ангел,
Девство утверждает, страх в сердцах рождает,
Страх в сердцах рождает, верой награждает.
В ком мое спасение, тому избавление.
Копыта златая истинна святая
Пробил крепкий камень, сотворил всем намять.
Победил все лести, отдал Христу чести,
Отдал Христу чести, беседовал вместе,
Вознес его славу, преклонил к всем главу,
Ко Христу распяту. Ведите жизнь святу,
Его тверда вера, справедливая мера
Не любит, что ложно. Он жил осторожно,
За то ему дано писать подорожны.
Кто усердно просит, горькие слезы росит,
При конце скатает, душу освещает,
Душу освещает, злому запрещает,
Не даст душу мучить, шпагу препоручит
Душе на оборону, наложит корону.
Это будет дано страдательным санам,
Страдают, не ропщут, лепость в ногах топчут,
Духом не тощают, громко возвещают
Спасительскую славу, не щадят и главу,
За божье ученье претерпеть мученье.
За то тому будет в небе порученье,
Верьви золотые, воскликнут святые:
«Пришла душа честна, прошла пути тесные,
А теперь утешит вся сила небесная».
Аминь. Богу слава и честь и держава.

5. О ЗАБЛУДШЕЙ ОВЦЕ

Девяносто девять овечек в тиши
Паслися на злачных лугах,

Но одна заблудилась во страхе в глуши,
В неведомых диких горах,
Вдали от охраны родимых ворот
И нежных пастырских забот.
Господь, девяносто и девять тут всех
Оставя, пошел за одной.
Так пастырь сказал мне: «Жалко ее,
Я пойду за моею овцой.
Хоть тяжелый мне путь предстояло б пройти,
Но хочу я овечку спасти».
Никто из спасенных в ту ночь не видал,
В которую пастырь ходил,
Когда за заблудшею средь мрачных скал
Он в сильную бурю бродил.
Над зияющей бездной стонала она.
Он с радостью взял на плеча.
«Господь, но зачем весь след твой в крови
На земле, где ты проходил?»
«Для заблудшей я пролил ее из любви,
Пред тем как ее я нашел».
«Господь, как ты руки свои поизранил».
«Среди терний я путь проложил».
И, покрывши звук громов в ночную грозу,
Голос к райским проник воротам:
«Возрадуйтесь все — я овечку нашел,
И принес я пропавшую к вам».
И вторили звук ангелы песнью святой,
Небеса оглашая хвалой.
Богу слава и честь и держава,
С вечной ему похвалой.

6. ПРИЗЫВ К ОСКОПЛЕНИЮ

Свет наш, батюшка, искупитель и отец,
В зеленом саду соловьюшек певец,
А святой дух, воистину делец,
Прозвонил он во свой царский колоколец,
Призывает к себе белых овец:
«Уж вы, овцы, овцы, белые мои,
Вам показаны блаженные раи.
Только будьте сердецами все благи,
Так не будете довеку вы наги,
А будете в саду птицы дороги,
Похраню вас от всякой от беды,
Посылаю в сердца ваши благодать;
А кто хочет благодатию владать,

Тот изволит всяк за бога пострадать.
А дела-то божьи надо различать,
Золотую печать надо получать,
Чтоб душе-то за грехи не отвечать,
Чтобы были всегда чистые сердеца».
Свет-батюшка, искупитель, наш отец,
Перед ним всегда стоит златой столец.
Приходил к нему удалой молодец,
У молодца удалая голова.
Его жалует Сионская гора
И подводит к нему белого коня:
«На коня-то поскорее, друг, садись
И своими сердецами веселись,
За златые повода крепче берись,
На свою сторону покатись,
По своей стороне прокати,
А ты лютого-то змея сократи.
Насадим везде зеленые сады.
Когда придет такое время и годы,
Расцветут в саду все белые цветы,
Вы постойте, последние сироты,
Сооружу вам престол новый с высоты.
Престол новый бог не просто украсил,
Когда жалко обо всех бога просил,
Огонь-пламя ты слезами угасил.
Ты послушай искупительскую речь,
Ты возьми в свои руки вострый меч,
Ты изволь змею голову отсечь,
Тогда будут пречистые телеса,
Так пойдет тебя душа во небеса.
Поживите, мои детушки,
Послужите небесному царю,
Наблюдайте вы верхушку свою».
Богу слава, честь, держава, свет. Аминь.

7. О ГРЯДУЩЕМ СТРАШНОМ СУДЕ

Страшно время, други, будет,
Как господь судьбой засудит,
Земная жизнь, други, решится,
Судьба божия совершится,
Белый конь у нас явится,
На коне сидит бел-мужествен,
Всем грешным ужасен.
На нем ризы белей снегу,
На нем венец, яко цвету,

Изо уст его оружье
Избивает всякую ложность.
Его имя — свобожденье.
Его верные были слуги,
Ко стопам его идоша,
Все на белых на конях.
На конях товары печати,
За что было бы отвечати.
Все престольные приделы
На святом кругу составят.
Тогда все духи восстанут
На избранных христиан.
Кто на ближних на своих
Дела злые возлиял,
Им такое будет тиранье,
Род крестова распинания.
Кто слушал святого Ивана,
Служил богу без обмана,
Исполнял он все законы,
Выезжал на белом коне,
На престоле и на троне
Рядом с батюшкою сядет,
Будет в купе суд судить.
А за правило святое
Всем израильским коленам
Будет царствие на небе,
А злонравным христианам
Будет дальняя им ссылка.
Прогулявшие таланты,
Тогда некогда молиться,
Как батюшка прогневится.
Им хвалецкая река
Разольется широка.
Пройдут там злые звери,
А им имя архиереи.
Очень страшны эти звери,
На них власы ровно женски,
У них зубы точно львовы.
Будет зло их горько мучить.
Беззаконных христиан;
Им такое будет мучение,
Не взяли божьего учения.
Трех поруков не хранили,
Рай в царствие затворили,
Артикулу не обучались,
На земле жить не научались.

Приложение 3

НАБРОСОК УСТАВА ТРУДОВОЙ ОБЩИНЫ (1917 г.)

I

Нижеподписавшиеся лица, исповедующие веру людей божьих копцов), учреждают между собой общество, имеющее целью:

1. Устроить из своих членов общежитие и трудовую общину, обы общими трудами приобретать себе средства к существоанию.

2. Содействовать духовному, нравственному и умственному соршенствованию своих членов и прочих единоверцев.

3. Создавать и поддерживать от избытков своих и трудами своши благотворительные и просветительные учреждения для своих единоверцев и для мира.

II

1. Каждый, поступающий в общину, вносит в общий капитал е свое состояние, очищенное от всяких посторонних обязательств.

2. Вещи и недвижимости принимаются по общей оценке.

3. Одежда, носильное и постельное белье и вообще предметы ля личного употребления остаются в личном обладании каждого ена.

4. При выходе из общины каждый получает обратно все внесенне им имущество.

5. Если общество не найдет возможным возвратить какую-либо щь или недвижимость, то выплачивает ее стоимость деньгами по енке, произведенной при поступлении в общину.

6. Если общество не найдет возможным выплатить немедленно ю следуемую сумму, то оно имеет право выдавать долговое обятельство на невыплаченную часть сроком не более, как на один д.

7. Выбывающий член не имеет права требовать с общества пронтов на возвращаемый капитал или аренды за имущество и платы свои труды во время пребывания в общине.

8. Ни община не имеет права требовать с выбывающего члена каких расходов, понесенных общиной на него.

III

1. В члены общины принимаются совершеннолетние обоего ла, вполне усвоившие основы духовной жизни и способные труду.

Для принятия требуется согласие двух третей всех члено общины.

2. Лица, недоразвившиеся духовно или несовершеннолетни допускаются к общению как прихожане или ученики. Старые ил неспособные к труду не принимаются в члены общины, а тольк в богадельню, когда имеются места свободные.

3. Члены, нарушающие неоднократно какую-либо статью устав или распорядка и не поддающиеся увещанию, исключаются и общины по желанию двух третей всех членов общины.

4. Исключаемый получает обратно все свое имущество, согласн предыдущей главе.

IV

1. Деятельность общины и управление хозяйством и имущество ведутся с общего согласия на основании распорядка, выработа ного и утвержденного общиной.

2. Этот же распорядок определяет обязанности каждого член и вообще весь порядок жизни в общине, чтобы устранить все пс воды к нареканиям и неудовольствию.

V

Для представительства по имущественным, торговым и денеж ным делам общины перед посторонними лицами и перед обществе ными и государственными установлениями выбираются двое дов ренных, без различия пола, из лиц, наиболее способных к этом делу, каковые и исполняют все поручения общины.

VI

1. Члены общины обязуются посвятить весь свой труд и вс свои способности на пользу общины.

2. Община обязывается предоставлять своим членам, в преде лах своих средств, все необходимое для жизни по мере их нужд т. е. если какому-либо члену, по его состоянию здоровья, необхо дима особая диэта, лечение или особая одежда или какие-либ приспособления, то община обязана все это предоставить (конечн по мере своих средств), несмотря на то, что этим на него тратит более, чем на других, или эти расходы не соответствуют его труда или его имуществу. Одним словом, каждый трудится, поскольк может, и потребляет, поскольку нуждается.

VII

1. Лица обоего пола имеют равный голос в делах общины.

2. Новые члены получают право голоса через один год посл поступления в общину, а в голосованиях, где потребуется две трет голосов, — через три года.

VIII

Члены общины обязуются не делать завещаний в пользу посторонних лиц или в пользу всей общины, или в пользу отдельных благотворительных или просветительных учреждений, устроенных своей общиной или другими подобными общинами.

IX

В случае распада общины общая собственность ее, образовавшаяся от излишков доходов над расходами (т. е. от экономии), из пожертвований, от завещанных имуществ и др., ни в каком случае не может быть поделена между членами, а должна быть передана на благотворительные и просветительные цели.

X

1. Община может заниматься всеми ремеслами, какие сочтет удобными по составу своих членов или по местным условиям, а также и всеми отраслями сельского хозяйства.
2. Торговать может только своими произведениями.
3. Дозволяется вступать в союз с кооперативами для приобретения необходимых товаров и для сбыта своих произведений.
4. Воспрещается пользоваться обычно наемным трудом, кроме исключительных случаев, как-то: при постройках, во время спешных работ, при болезни нескольких членов, имея срочную работу, и т. д.
5. Дозволяется пользоваться трудами и знаниями специалистов, как-то: врачей, архитекторов, техников и пр.

Община имеет местопребывание в N. Покровителем общины признается св. Илья-пророк, поэтому община носит название N-ская Ильинская трудовая община.

20 июля считается праздником всей общины.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСУ О СКОПЦАХ[1]

(В алфавитном порядке)

Андреев, Раскол и его значение в народной русской истории, С.-Петербург, 1870 г.

Арсеньев И. А., Секта скопцов в России, Берлин, 1874 г.

Баженов Н., Исторические записки о скопческой секте в России, «Миссион. обозрение», 1905 г., №№ 1, 2, 6 и 11.

Барсов, Русский простонародный мистицизм, С.-Петербург, 1869 г.

Бонч-Бруевич В. Д., Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола, т. I, 1908 г.

Его же, Из мира сектантов, Москва, 1922 г.

Буткевич, Обзор русских сект, Петроград, 1915 г.

Варадинов, История министерства внутренних дел, т. VIII, 1863 г.

Вашкевич, История хореографии всех веков и народов, вып. 1, Москва, 1908 г.

Венюков М. И., Заметки о скопцах, «Известия имп. русск. геогр. об-ва», 1873 г., т. IX, 1-й отд.

Высоцкий Н. Г., Первый скопческий процесс, Москва, 1915 г.

Георгиевский А., Скопчество в Орловской губ., «Миссион. обозрение», 1901 г., № 7.

Грассери, Психология религий, т. I, С.-Петербург, 1901 г.

Гурьев, Сибирские скопцы, Томск, 1900 г.

Даль, Записки о верованиях и обрядах скопцов, 1872 г.

Добротворский, Люди божьи, Казань, 1869 г.

Добротворский и Ивановский, Основание и характер скопческой ереси, «Правит. сообщение», 1875 г.

---

[1] Документы и скопческие рукописи, часть которых цитирована в тексте, сданы в Ленинградское отделение Центрархива. Часть фотографий передана в Ленинградский антирелигиозный музей.

Дубровин, Наши мистики-сектанты, «Русск. старина», 1895 г., т. XXXIV.
Забелин, Движение вперед в секте скопцов, «Древняя и новая Россия», 1878 г.
Зеленин Д. К., К истории распространения тайных сект в Приморском крае, «Этногр. обозрение», 1906 г., № 1—2.
Касирович, Скопческие песни и нечто из богослужений скопцов в России, Лейпциг.
Кельсиев В., Сборник правит. сведений о раскольниках, вып. 3, Лондон, 1861 г.
Коновалов Д. Г., Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве, Сергиев Посад, 1908 г.
Кутепов, Секты хлыстов и скопцов, Ставрополь, 1900 г.
Ливанов Ф. В., Раскольники и острожники, т. I—IV, С.-Петербург, 1872 г.
Липскеров А. Я., Скопческое дело, Москва, 1871 г.
Майнов Н., Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов, «Истор. вестник», 1880 г., № 4.
Майнов Н., Скопческие поселения, «Известия имп. русск. геогр. об-ва», т. XII, отд. статистики, 1912 г.
Максимов, Сибирь и каторга, т. XI, С.-Петербург, 1891 г.
Маторин Н. М., Невероятный пережиток, «Партработник», 1929 г., № 12 (36), изд. Ленингр. Обл. ком-та ВКП (б).
Мельников П. И., Чтения Об-ва истории и древностей российских, 1872 г., кн. I—IV; 1873 г., кн. I.
Его же, Белые голуби, «Русск. вестн.», 1869 г., №№ 3 и 5.
Его же, Счисление раскольников, Москва, 1873 г.
Меньшенин Г. П., Поэзия и проза сибирских скопцов (Материалы), Томск, 1904 г.
Надеждин, Исследование о скопческой ереси, 1845 г.
Никольский Н. М., Религиозное движение конца XVIII в. — начала XIX в. в России, «Русская история» Покровского, т. III—IV, изд. т-ва «Мир», 1920 г.
Орлов, Скопцы в С.-Петербургской и Рязанской епархиях, «Миссион. обозрение», 1902 г., № 11.
Пеликан Е., Судебно-медицинские исследования скопчества, С.-Петербург, 1872 г., 2-е изд., 1875 г.
Пимецкий, О скопцах, 1819 г.
Покровский М. Н., Очерк истории русской культуры. Эволюция религиозных представлений, Курск, 1924 г.
Прозоров В., Почему Селиванов, мнимый император Петр III, называется вторым сыном божьим, «Миссион. обозрение», 1901 г., № 1.
Протопопов, Опыт исторического обозрения мистических сект в России, «Труды Киевской духовной академии», 1867 г.
Пругавин, Раскол и сектантство, т. I, Библиография, 1887 г.

Реутский, Люди божьи и сектанты, Москва, 1872 г.
Рождественский, Хлыстовщина и скопчество в России, 1882 г.
Рождественский и Успенский, Песни русских сектантов-мистиков, С.-Петербург, 1912 г.
Розанов, Апокалипсические секты. Хлысты и скопцы, С.-Петербург, 1914 г.
Сахаров Н., Последнее движение в современном скопчестве, «Христ. чтение», 1877 г., сентябрь, октябрь.
Скворцов В. М., Староскопчество как секта, С.-Петербург, 1899 г.
Соловьев Е., Сведения о русских скопцах, Кострома, 1870 г.
Сырку, Русские скопцы в Румынии, «Христ. чтение», 1879 г., январь и февраль.
Толстой В., О великороссийских беспоповских расколах в Закавказьи, «Чтения Об-ва истории и древностей российских», 1864 г., кн. 4.
Чартакова А., Что поют русские сектанты, вып. 3, Москва, 1912 г.
Шевелевский, Курское сектантство, Курск, 1905 г.
Щапов Н. П., Умственные направления русского раскола. Сочинения, т. I, С.-Петербург, 1901 г.
Ясевич-Бородаевская, Сектантство в Киевск. губ., «Живая старина», 1902 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

(В хронологическом порядке)

Сведения о скопцах, «Соврем. листок», 1867 г., № 82.
«Отечеств. записки», 1867 г., № 10.
«Черниговск. епарх. ведомости», 1868 г., № 23; 1869 г., №№ 7, 8, 23 и 24.
О оршанских скопцах, «Нижегородск. епарх. ведомости», 1869 г., № 1.
Сношения Максима Кузьмича Плотницина с сибирскими и кавказскими скопцами, «Соврем. известия», 1869 г., № 270.
Нечто о скопцах, «Соврем. известия», 1869 г., № 196.
«Московск. ведомости», 1869 г., №№ 51, 52 и 54.
Калужские губернские скопцы, их вероучение и нравоучение, «Калужск. епарх. ведомости», 1871 г., №№ 2, 13 и 14; 1872 г., №№ 1 и 2.
Новое дело о скопцах, «Тульск. епарх. ведомости», 1872 г., №№ 5 и 6.
Донесение о скопцах Ивана Андрианова, «Чтения Об-ва истории и древностей российских», 1872 г.

Путевые заметки (о Лисине), «Московск. ведомости», 1873 г., № 198.

Скопческая ересь, «Пензенск. епарх. ведомости», 1876 г., № 23; 1877 г., № 1.

Статьи епископа Гурия, «Таврическ. епарх. ведомости», 1877 г., №№ 3, 5, 7, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 20.

Заметка к статье о скопческой ереси, «Пензенск. епарх. ведомости», 1877 г., № 4.

Скопцы в Якутской области, «Соврем. известия», 1877 г., № 157.

Несколько заметок о скопцах, поселенных в Якутской области, «Иркутск. епарх. ведомости», 1879 г., №№ 51 и 52.

«Оренбургск. епарх. ведомости», 1881 г., № 1.

Нечто о скопцах Якутского края, «Иркутск. епарх. ведомости», 1881 г., № 43.

Нечто о скопческой ереси, «Иркутск. епарх. ведомости», 1882 г., №№ 10 и 48.

Голос из могилы живых мертвецов. Рассказ скопца, «Журнал романов и повестей», изд. журн. «Неделя», 1882 г., № 1.

Марханские скопцы, «Сибирь», 1886 г., № 32.

Скопцы-земледельцы Якутской области, «Восточное обозрение», 1888 г., № 24.

Обращение из скопчества, «Якутск. епарх. ведомости», 1890 г., № 2.

Донесение о скопцах Клюквина, «Братское слово», 1893 г., ч. I.

Олекминские скопцы, «Живая старина», 1894 г., тт. III—IV.

«Сибирский вестник», 1894 г., №№ 82, 83, 91, 92, 99, 102; 1895 г., №№ 29, 32, 45; 1896 г., №№ 96, 97.

Распевец хлыстов с признаками скопческого происхождения, «Калужск. епарх. ведомости», 1897 г., № 1.

Скопцы в Якутской области, «Сибирск. торг.-промышл. календарь», 1898 г., изд. Романова.

Скопческий дом в Томске, «Миссион. обозрение», 1899 г., декабрь.

Исповедание скопца Лихачева, «Миссион. обозрение», 1900 г., март.

Духовное скопчество в Скопинском уезде, «Миссион. обозрение», 1900 г., июль — август.

Поразительное изуверство скопцов, «Миссион. обозрение», 1901 г., № 1.

Скопчество в Орловск. губ., «Миссион. обозрение», 1901 г., № 1.

Из бытовой жизни скопцов, «Миссион. обозрение», 1902 г., № 1.

Скопческий процесс в Рязани, «Миссион. обозрение», 1904 г., № 5.

Сибирские скопцы, «Русская старина», 1905 г., т. CXXIII.

Изуверство скопцов в Николаеве, «Миссион. обозрение», 1908 г., № 1.

Процесс миссионера Боголюбова, «Петербургск. листок», 1910 г., № 289.

«Петербургск. биржевые ведомости», 1910 г., № 11982.

Скопцы, «Раннее утро», 1911 г., № 1259.

Скопцы в Москве, «Раннее утро», 1911 г., № 184.

Дело скопцов, «Русское слово», 1911 г., № 219.

«Петербургский листок», 1911 г., № 300.

Скопцы, «Раннее утро», 1912 г., № 1651.

«Русское слово», 1912 г., № 263.

«Уфимский вестник», 1914 г., № 169.

Песни людей божьих, «Этнографич. обозрение», 1915 г., № 3—4

Исторический очерк простонародного мистицизма в Калужской губ. (рукопись священника Соколова в библиотеке б. С.-Петербургской духовной академии).

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СКОПЧЕСТВА

(Из описи дел «О расколе» за 1721—1830 гг. б. синодального архива)

«По доношению преосвященного Севского, с испрашиванием разрешения, дозволять ли женам оскопившихся крестьян вступать в другие браки». № 346, 1772 г., 12 декабря.

«По доношению преосвященного тамбовского, о бываемых в селе Сосновке у дворцового крестьянина Софона Попова ночных сборищах, на коих три человека оскопили себя». № 404, 1775 г., 8 июня.

«По доношению преосвященного Севского, об оскопившихся в епархии его крестьянах». № 365, 1777 г., 3 августа.

«По рапорту преосвященного Псковского, об оказавшихся между содержащимися в Цитадоловской крепости колодниками семи скопцах». № 285, 1789 г., 7 ноября.

«Об оказавшихся в Коломенской епархии суеверах, именуемых скопцами». № 611, 1798 г., 30 августа.

«По рапорту преосвященного Орловского, об открывшемся в селе Луковце расколе и скопецкой ереси». № 635, 1800 г., 20 августа.

«О скопцах: Алексееве, Топоркове, Семыкиной и Топове». №№ 224, 250, 256, 1802 г., 17 марта, 30 июня и 17 сентября.

«Об открывшейся в Калужской губ. раскольничьей секте, называемой христовщиною, коей последователи оскопляют себя и других к оскоплению приглашают». № 555, 1803 г., 13 октября.

«По рапорту преосвященного Орловского, об открывшейся в деревне Краснопрудовке старообрядской скопецкой секте». № 675, 1804 г., 29 апреля.

«Об оскопившемся Соловецкого монастыря монахе Феофане и о находившемся в Александровской лавре поляке Алексее Ельнинском». № 576, 1804 г., 30 мая.

«По рапорту преосвященного Тульского, об открывшейся в селах Подмоклом и Яковлевском скопецкой секте». № 591, 1805 г., 21 марта.

«По рапорту преосвященного Тульского, об открывшейся в деревне Ясенках и селе Городенцах скопческой секте». № 592, 1805 г., 19 июня.

«Об открывшейся в Тульской губ., Веневском округе, деревнях Настасьиной и Салаковой скопецкой секте». № 593, 1805 г., 21 августа.

«По рапорту преосвященного Рязанского, об определении эпитемии на семи однодворцах, оскопивших себя». № 594, 1805 г., 20 октября.

«О содержащихся в Соловецком монастыре скопцах Кузьмине и Ефимове». № 667, 1804 г., 7 сентября.

ОГЛАВЛЕНИЕ